ПИОНЕР 7

1985

МИР

САЛЮТ, ФЕСТИВАЛЬ!

ПИОНЕРСКИЙ САЛЮТ ФЕСТИВАЛЮ!

27 июля Москва проснется раньше обычного и заговорит на всех языках и наречиях планеты Земля. Более двадцати восьми тысяч делегатов и гостей столицы из 150 стран мира станут участниками волнующего события в жизни молодежи мира — торжественного начала XII Всемирного фестиваля. Он проходит под лозунгом «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!». Юность планеты еще раз решительно скажет: «Нет — термоядерной войне! Нет — звездным войнам!» И вместе с ней эти слова повторят интернациональные детские делегации — полноправные участники XII Всемирного. Молодые посланцы всех континентов еще раз заявят: «Да — миру! Да — дружбе! Да — солидарности!» И вместе с ними эти дорогие каждому сердцу слова на разных языках повторят мальчишки и девчонки в разноцветных галстуках.

Москва встречает делегатов и гостей XII Всемирного. Встречает радушно и гостеприимно. Встречает зеленью парков и скверов, украшенными улицами и площадями, ярким светом кремлевских звезд. В Год молодежи юные москвичи и молодежь всех союзных республик на многочисленных встречах расскажут о своей жизни, о праве на труд, отдых, образование, о подвиге покорителей БАМа, об отважных нефтяниках Сибири, об «Атоммаше», о том, как юность Страны Советов готовится к XXVII съезду партии Ленина. А самые юные граждане нашей страны — пионеры — познакомят своих сверстников со своей жизнью, покажут дома и дворцы пионеров столицы, пионерские лагеря и крепко подружатся с посланцами детских демократических организаций.

Вся страна, весь Ленинский комсомол и пионерская организация готовились к встрече с делегатами и гостями XII Всемирного. Советская детская делегация от имени 20 миллионов юных ленинцев говорит: «Добро пожаловать в Москву! Пионерский салют фестивалю!»

Здравствуй, дорогой незнакомый друг!

Я, советский школьник, рад приветствовать тебя на нашей земле. Мое имя — Сергей Когут, я ученик 4-го класса. Живу я в Талнахе, городе горняков. Я верю, что ты, товарищ, истинный друг советского народа. Я и мои друзья не видели войны, но мы знаем, какие тяготы перенес наш народ в годы войны. Мы не хотим, чтобы на нашей земле раздавались взрывы, чтобы плакали мамы.

Дорогой друг! Я не знаю, кто ты, из какой страны, но я хочу, чтобы вместе с моим голосом прозвучал и твой голос: «Мы не хотим войны!»

С дружеским приветом, Сергей Когут.

г. Талнах, школа №20, 4 «А» класс.

Пишет тебе советская девочка Таня. Мне 14 лет. Я живу в Оренбургской области. Хочу вместе с тобой бороться за мир во всем мире. Я очень рада, что в столице моей Родины проходит этот большой XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, на который съедется вся миролюбивая молодежь мира. Я горжусь, что живу в стране, народ которой не хочет войны, а борется за мир и дружбу всех людей.

Таня Устимова,

Оренбургская обл., г. Новотроицк, ул. Победы, д. 47.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва 1985 г.
Издательство «Правда»

Если на нашей планете начнется атомная война, то все живое погибнет. Чтобы этого не случилось, людям планеты надо бороться за мир. Передай своим соотечественникам, что мы, советские люди, хотим мира на земле.

Таня Новикова,
г. Витебск, 14-я средняя школа,
5 «А» класс.

Пожелания делегатам XII Всемирного

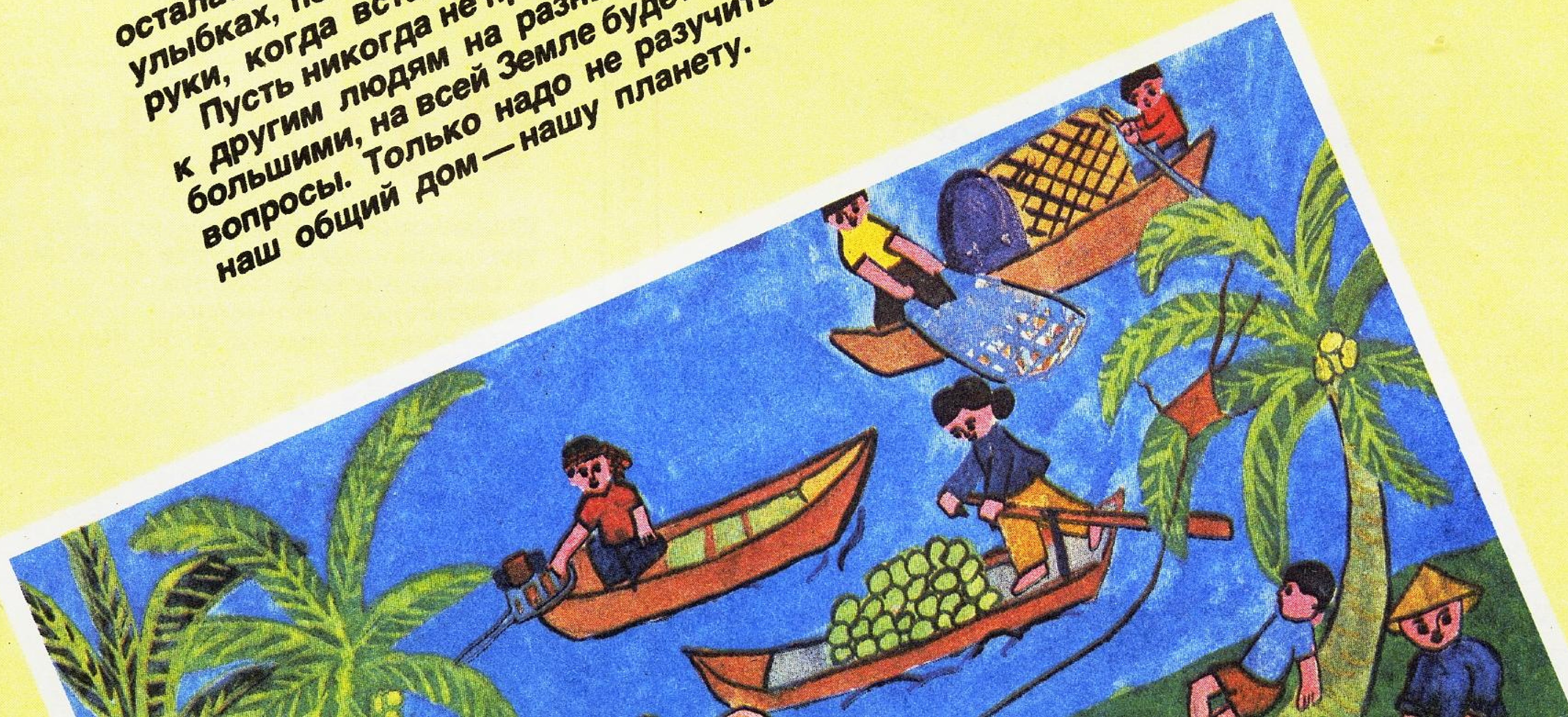
Владислав Петрович КРАПИВИН,
писатель, лауреат премии Ленинского комсомола

Каждый взрослый был когда-то ребенком. Одним детство запомнилось как радостное, беззаботное, другим — как тяжелое, с горестями и невзгодами. Но даже в самом трудном детстве бывают счастливые моменты, безмятежные дни. И поэтому взрослые люди часто вспоминают свои ранние годы с улыбкой.

А самое хорошее воспоминание детских лет — это воспоминание о друзьях. Вы собираетесь из разных стран в столицу нашей страны на большой праздник детства, юности, мира, на XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Каждый из вас познакомится с мальчишками и девчонками из других городов и государств. Может быть, с некоторыми вы подружитесь так, что потом будет очень грустно, до слез, расставаться. Но это светлая грусть. Через многие годы вы будете тепло вспоминать ее.

Я хочу пожелать вам, чтобы родившаяся на этом празднике дружба осталась в ваших сердцах на всю жизнь. Осталась вместе с памятью об улыбках, песнях, играх и доверии, с которым вы сейчас берете друг друга за руки, когда встаете в общий круг.

Пусть никогда не проснется в ваших душах вражда к сверстникам и вообще к другим людям на разных материках и островах. Пусть, когда вы станете большими, на всей Земле будет мир. Если мир — можно решить любые споры и вопросы. Только надо не разучиться беречь дружбу, человеческую жизнь и наш общий дом — нашу планету.

Международный пионерский клуб «Товарищ»

К XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов готовились не только хозяева праздника — советские юноши и девушки, но и вся прогрессивная молодежь мира. Готовились к фестивалю в Москве и пионеры разных стран. Сегодня В. РЫБИН расскажет о том, как участвовали в подготовке к форуму молодежи пионеры Лаоса, Монголии и Республики Острова Зеленого Мыса.

XII·МОСКВА·1985

СУВЕНИР, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ЛЕТАТЬ

Глухая ночь опустилась на деревушку Сианг. Одна за другой гаснут лампочки в крестьянских домах. Засыпает деревня после трудового дня.

Лишь в доме Баннавонга упорно светится окно и ночные бабочки с тихим шелестом бьются крыльями о стекло.

За столом сидит четырнадцатилетний Сихамано, старший из детей Баннавонгов. Что-то мастерит. Перед ним ворох раскрашенной бумаги, клей, кисточки. На полу — бумажные лоскуты, бамбуковые рейки...

— Долго ты будешь себя изводить? — В комнату входит заспанная мать.— Что уж за дело такое, что даже ночами покоя тебе не дает?

Сихамано откладывает в сторону кисточку и клей, из стопки бумаг на книжной полке вынимает яркую открытку.

— Ты знаешь, что здесь нарисовано? — показывает матери открытку.

Мать сонно жмурится, пожимает плечами.

— Это эмблема большого молодежного праздника. «Фестиваль» называется. Фестиваль будет в Москве летом. А эмблемы прислали в нашу школу из Вьентьяна — там есть советский культурный центр.

Мать удивленно смотрит на открытку, шевелит губами, будто читает надпись под эмблемой. Не читает, конечно, не умеет читать по-русски. Просто слишком неожиданную новость сообщил ей сын. Фестиваль! Это, наверно, веселый праздник, какой бывает у них в деревне после сбора урожая риса. Только еще больше. Еще веселее. Еще люднее.

— Фестиваль... фестиваль...— шепчет мать.— А что же ты мастеришь? — снова спрашивает, возвращаясь к прежним своим мыслям.— Фестиваль-то при чем?

Сихамано загадочно улыбается, потирает руки.

— А вот взгляни сюда,— приглашает посмотреть на красочную картинку — эскиз.

— Воздушный змей? Ты сам это нарисовал?

— Да,— кивает Сихамано.— Видишь, мой змей несет эмблему фестиваля. Он сам будет эмблемой. А посмотри на хвост...

Хвост у змея — пять длиннющих бумажных полос, окрашенных в желтый, красный, голубой, зеленый и коричневый цвета. Будто лианы, опоясали крохотную комнатку Сихамано эти полоски.

— Каждый цвет — символ континента. Азии, Африки, Европы... Отовсюду приедут люди в Москву на фестиваль.

— И из Лаоса?

— Конечно. Я хочу сделать этого змея для наших делегатов. Пусть они запустят его в московское небо, и пусть советские ребята узнают, что лаосские пионеры приветствуют фестиваль и желают ему успеха!

— Кто ж тебя надоумил? — удивляется мать.

— Сам придумал. Другие наши ребята тоже делают сувениры на фестиваль...

Так и не сумела в тот вечер мать уговорить сына лечь спать. До первых петухов провозился Сихамано с воздушным змеем. А после была еще одна бессонная ночь и еще... Если хочешь что-то сделать на совесть, удивить чем-то своих друзей, то приходится иногда жертвовать и сном.

Казалось бы, не такое уж сложное дело смастерить воздушного змея. Но и в этом ремесле нужна своя сноровка. Особенно, если змея хочешь сделать необыкновенного. Чего, например, стоит приготовить несущие рейки! Делают их из бамбука. Бамбук предварительно вымачивают, затем тщательно сушат и расщепляют на тонкие, легкие кусочки... А растереть краски!.. И бумага не всякая годна для змея...

В Лаосе любят мастерить воздушных змеев. Редкий праздник обходится без них. В каждом селе есть и свои мастера.

В деревне Сианг испокон веков самыми красивыми и «высокими» считались змеи Баннавонгов. Из поколения в поколение передавались секреты этого незатейливого ремесла. Потому, может, и неудивительно, что Сихамано решил сделать фестивального змея.

Теплым февральским утром на школьной спортивной площадке собрались десятки ребят. Запускали змея Сихамано. Догадывались товарищи, что Сихамано смастерит что-то необычное. И все же, когда вынес змея на спортивную площадку, ахнули:

ну и змей-гигант! И тут же засомневались: а взлетит ли? Одно дело смастерить гиганта, другое — запустить!

Взлетел! Медленно, отчаянно размахивая хвостом с каждым порывом ветра, поплыл змей Сихамано в голубую высь. Яркая фестивальная ромашка с голубем мира посередине радостно кивала из поднебесья, парила над изумрудными рисовыми полями, над белобокими крестьянскими домишками, над вековыми баньянами, над плантациями папай... над счастливой и мирной землей Лаоса. И казалось, фестиваль шагал в далекую деревушку Сианг, выслав вперед дозорным змея...

— Как же взлетела такая громадина?! — дивились ребята, провожая восторженным взглядом змея.

— Голубь поднял, тот, что на эмблеме! — серьезно отвечал Сихамано.

СЛУШАЙТЕ «ГОЛОС ПИОНЕРА»

Леди Сантушу четырнадцать лет. Он живет в столице Республики Острова Зеленого Мыса городе Прая, учится в лицее Доминос Рамос. Леди носит зеленый галстук — галстуки такого цвета повязывают старшие пионеры, мальчики и девочки десяти — четырнадцати лет. Скоро Леди вступит в молодежную организацию, с нетерпением ждет этого дня. Но чтобы заслужить такое право, пионер должен хорошо учиться и активно участвовать в общественной жизни школы, лицея, страны.

У каждого пионера из лицея Доминос Рамос есть поручение. У Леди Сантуша поручение необычное. Он ведущий детской радиопередачи «Голос пионера».

Чтобы стать ведущим, пришлось пройти конкурс. На конкурсе проверяли не только голос и актерские возможности ребят, но и... успеваемость. А как же! «Голос пионера» рассказывает об учебе ребят. А вправе ли ты критиковать других за плохие отметки, если у тебя самого в табеле не ахти как!

Леди успешно прошел конкурс и вот уже второй год ведет «Голос пионера». В эфир передача выходит дважды в неделю — в среду и в пятницу. А длится всего тридцать минут. Но за это время столько надо сделать! Рассказать о пионерских делах, пригласить на манифестацию, прочитать стихи юных поэтов, сделать объявления... Тридцать минут в эфире, а сколько часов репетиций, сколько подготовки!

Однажды он, как обычно, пришел в радиостудию и получил тексты для озвучивания. Сел за свой столик и стал репетировать. И вдруг... на глаза

попался листок, на котором стояла пометка: «Особое внимание». Такие пометки редактор ставит на самых важных сообщениях. «В Москве с 27 июля по 3 августа пройдет XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов... Создан Международный подготовительный комитет... В Прайе организован Национальный фестивальный комитет... Делегация юношей и девушек Республики Острова Зеленого Мыса тоже примет участие в фестивале...»

Леди читал и чувствовал, как с каждой строчкой учащенно билось сердце. Еще не зная, что такое фестиваль, он понял, что прикоснулся к чему-то очень значительному. И это значительное не пройдет бесследно в его жизни. И в жизни его товарищей.

— Орте,— спросил он звукооператора, настраивающего аппаратуру для передачи,— а что такое Всемирный фестиваль?

Орте взъерошил пятерней свои кудри, пожал плечами. Он был намного старше Леди, воевал за независимость с португальскими колонизаторами, много знал и умел.

— Фестиваль, малыш, это большой праздник... мне кажется. Как День независимости.

— И тоже будет проходить на стадионе?

Орте не хотелось расстраивать Леди, и он кивнул:

— Конечно. А где же еще?

Орте видел в своей жизни немало празднеств. Но на Всемирном фестивале не приходилось бывать. И слышать о нем не приходилось. Одно ясно: если со всего мира съедется молодежь, то праздник такой выйдет на славу!

— А в Москве ты бывал, Орте?

— Нет, малыш.

— Интересно, какая она, Москва?..— задумался Леди.— Если отовсюду туда соберутся люди, где же они будут жить?.. Наверно, это большой город?

— А ты спроси у советских моряков, они иногда бывают в нашем порту.

Орте сказал это, не очень придавая значение своим словам. Но Леди его совет запомнил.

Передачу он провел, сообщил пионерам о XII Всемирном фестивале в Москве. Ох, и наделало же оно переполоху в пионерских отрядах! В Национальное радио посыпались письма от ребят с просьбой рассказать подробнее о предстоящем фестивале. И о фестивальной столице. Вот тогда-то и решил Леди последовать совету Орте. Кто, как не советские моряки, расскажет о Москве!

Одному трудно решиться на новое дело. Но если рядом друг, то вдвоем веселее. Вдвоем, бывает, на такое решишься, на что в одиночку не осмелишься.

Друга Леди зовут Франк. Он на год младше Леди, но мальчуган боевой. Футбол очень любит. Играет так отчаянно, что, пока его команда не выиграет, домой с поля не уходит. И других не отпускает!

Франку понравилась идея сходить в порт и встретиться с советскими моряками. Только как они будут разговаривать — языка-то русского не знают!

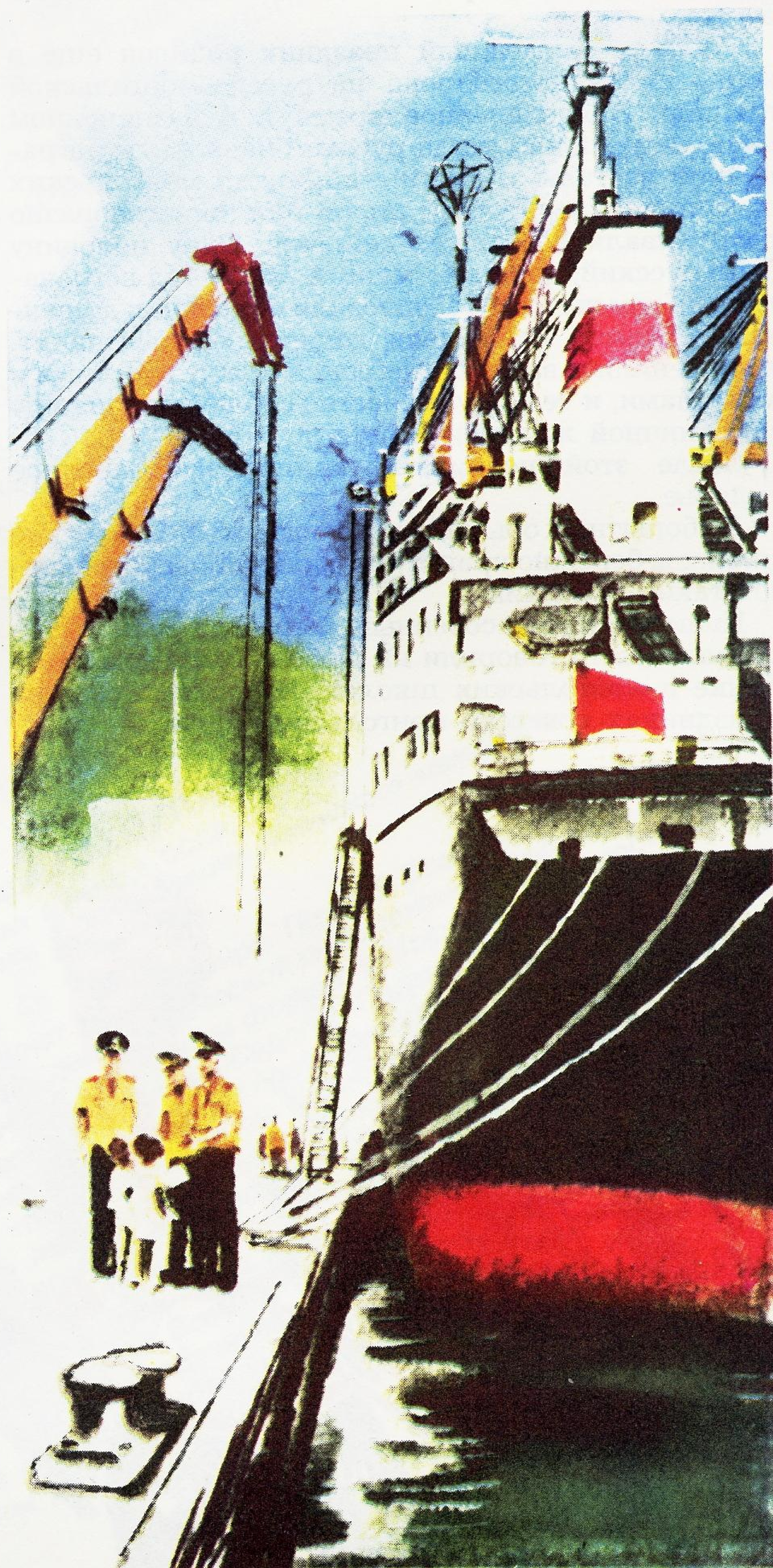
— У меня есть парень на примете,— вспомнил Франк,— он, кажется, русский язык изучает. Агушту его зовут.

Агушту они разыскали скоро. Но вот беда: Агушту застеснялся своих познаний в русском языке и, сколько мальчишки его ни уговаривали, пойти в порт не соглашался. Однако в конце концов сдался: пойду, но не один. В подмогу себе возьму еще одного парня — он тоже русский немного знает. И даже бывал в Советском Союзе...

Ту встречу с советскими моряками Леди запомнит на всю жизнь. Не раз видел он их в порту, слышал, как они разговаривают, поют, смеются. Ничего особенного. Люди как люди. А вот стоило с ними познакомиться поближе, и столько любопытного моряки рассказали и показали! Прежде Леди даже не представлял, какой может быть столица великой страны — друга Республики Острова Зеленого Мыса. А теперь вся стена над его кроватью увешана фотографиями Москвы. Вот Кремль — там заседает Советское правительство, а вот Лужники — так называют русские самый большой свой стадион. В Лужниках начнется фестиваль...

...Если теперь кто-то спрашивает Леди о XII Всемирном фестивале молодежи и студентов, он отвечает:

— Слушайте «Голос пионера». По средам и пятницам. Узнаете не только о фестивале — в Москве побываете!

ПРАЗДНИК РАВНЫХ ДОЩЕЧЕК

Актовый зал школы № 2 Улан-Батора заполнен до отказа. Сегодня здесь праздник — в гости к монгольским пионерам пришли советские ребята, дети советских специалистов, работающих в Монголии.

Волнуются ребята. Будто растревоженный пчелиный рой, гудит зал. С нетерпением поглядывают зрители на сцену.

И вот открывается занавес. С одной стороны на сцену выходит пастух в монгольской национальной одежде, с другой — рабочий в национальном русском костюме. В руках у обоих дощечки, обтянутые хадаком — голубой шелковой тканью. Пастух и рабочий сходятся в центре сцены и соединяют дощечки — теперь монгол и русский держат в руках единую дощечку.

— Начинаем праздник советско-монгольской дружбы, праздник равных дощечек! — объявляет ведущий.

...Этот удивительный праздник родился еще в конце семнадцатого века на русско-монгольской границе. В назначенное время и в назначенном месте встречались тогда русский начальник пограничной заставы и дарги — командир монгольских пограничников. Ручной пилой они зигзагообразно распиливали березовую дощечку. Одну половину брал русский, другую — монгол. Через год встречались на том же месте. Привозили половинки дощечки, соединяли. Все видели, дощечка едина. Значит, не изменились взаимоотношения между русскими и монголами, и те и другие честно соблюдают законы пограничной жизни и верны дружбе.

После этой церемонии начиналось народное гулянье.

Любопытный обычай, не правда ли? Монгольские пионеры бережно хранят его, каждый год устраивают такие праздники.

Нынешний год особенный. Фестивальный. О фестивале часто говорили на любом школьном празднике в монгольских школах. И уж тем более на праздниках советско-монгольской дружбы.

Фестивальными эмблемами украшен спортзал. «Малый фестивальный турнир приветствует юных спортсменов!» — подбадривает ребят огромный плакат на стене.

Идут соревнования по монгольской национальной борьбе.

На ковре — пятиклассники Володя Озеров и Наран Эрдэнэтуул. Не просто Володе ухватить за пояс шустрого, жилистого Нарана. Да и борьба непривычная для русского паренька. Но изловчился все-таки Володя... бросок, и Наран побежден. В награду победителю вручают... фестивальную матрешку!

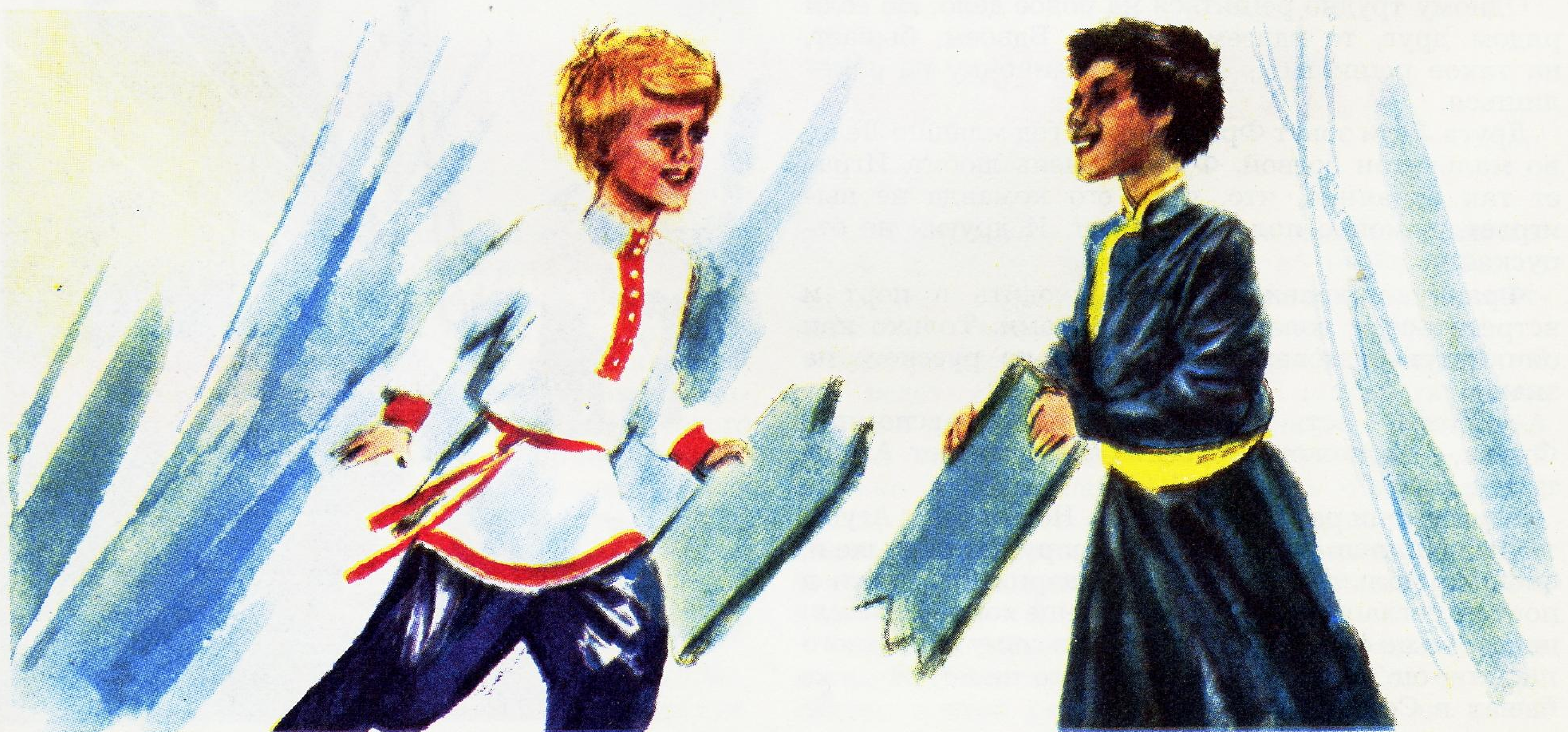
Фестивальные матрешки, как и другие фестивальные сувениры, сделали ребята своими руками. Вон их сколько среди спортивных наград! А сколько на базаре солидарности! У каждого лотка покупателей — не протолкнуться!

Какой быть фестивальной игрушке? Загляните на выставку игрушек — узнаете! Семиклассница Нурзия сделала из кусочков меха забавного верблюжонка. Верблюжонок навьючен сундучками, и в каждом — фестивальные значки! А Саша Гомзев смастерил игрушечный паровозик и одиннадцать вагончиков. Почему одиннадцать? По числу фестивалей! Все вагончики раскрашены в пять фестивальных цветов, а на трубе паровозика фестивальная ромашка. Всем ясно, куда может мчаться такой поезд — в столицу XII Всемирного!

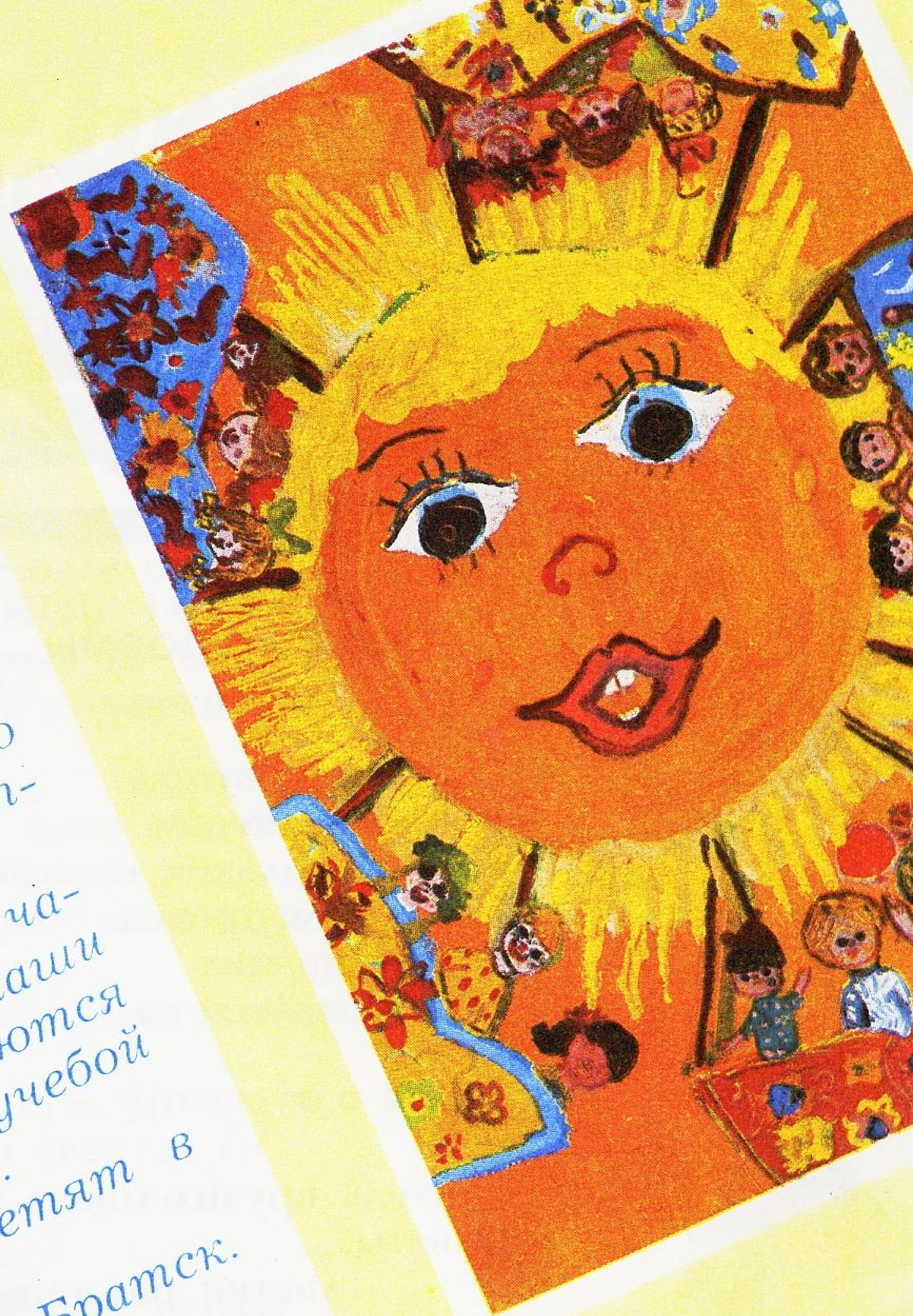
...На сцене актового зала выступают юные танцоры. Русская «Барыня», монгольский «Биелгэээ», латиноамериканская «Самба», польский «Краковяк»... Кажется, в гостях у монгольских и советских ребят дети всей планеты!

В конце праздника ребята выложили из цветных кусочков фанеры эмблему XII Всемирного. Каждый принес для эмблемы свой кусочек, каждый тем самым как бы внес символическую лепту в фестиваль. И пусть в фестивальные дни ребята будут далеко от Москвы. Они тоже участники грандиозного праздника юности планеты!

Рисунки В. МОЧАЛОВА.

Здравствуй, дорогой незнакомый друг!

Я не знаю, к кому попадет это письмо: к кубинцу, к немцу, к венгру или японцу, но я знаю, что я пишу своему другу. Меня зовут Вера, мне 15 лет. Мой город — Братск — молодой. Ему всего 30 лет. У нас есть Братская ГЭС — одна из крупнейших в СССР.

Братск растет с каждым днем, с каждым часом; растут и его молодые жители. Все наши дети — пионеры и октябрята — стараются учиться как можно лучше. Своей хорошей учебой мы помогаем своему городу, своей стране.

А тебя, мой незнакомый друг, встретят в нашем городе, как дорогого гостя.

Вера Фролова, г. Братск.

Мы гордимся тем, что уже второй раз Всемирный фестиваль молодежи и студентов будет проходить в столице нашей Родины — Москве. Все дети Советского Союза борются за мир.

Ученица 6 «В» класса Елена Борисенко.

Пожелания делегатам XII Всемирного

Александра ПАХМУТОВА,
народная артистка СССР,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

Советскую песню знают и поют во всем мире. Первый Всемирный фестиваль дал дорогу в жизнь «Гимну демократической молодежи» Новикова — его стали петь на всех языках. На VI Всемирном форуме в Москве нашим гостям полюбилась задушевная песня Соловьева-Седого «Подмосковные вечера».

Советская песня отражает самые важные проблемы современности. Сохранить мир на планете — вот что сегодня для нас самое главное. Советская песня призывает к миру. Пусть же ее страстный публицистический голос станет голосом нашего времени, всего человечества! И не только публицистическая, но всякая хорошая песня о любви, о счастье, о радости мирного труда, о красоте нашей Родины тоже защищает мир.

Что я пожелаю делегатам XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов? Чтобы песни, которые прозвучат в эти дни, запомнились всем и разлетелись во все концы земного шара. Чтобы они объединили молодежь всех стран чувством дружбы и ответственности за судьбу нашей планеты.

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии Ленинского комсомола Узбекистана

Дети всей Земли

ОТРЫВКИ ИЗ ПОЭМЫ

Составил учитель
Вопросы анкеты
И в нескольких классах
Питомцам прочел.
Ребята на них
Написали ответы.
Потом
я в ту школу
на встречу пришел.
Учитель вручил мне в огромном конверте
Ответы,
листки разноцветные эти.
Я прочитал ваши записи, дети,
И на
стихотворный язык перевел.

ВОПРОСЫ АНКЕТЫ!
ВОПРОСЫ АНКЕТЫ!

ПИШИТЕ ОТВЕТЫ!
ПИШИТЕ ОТВЕТЫ!

Я к вам обращаюсь,
дети планеты!
Нужны ли вам бомбы,
Снаряды-ракеты?
Чем завершится нынешний век?
Каким быть должен человек?
Что думаете вы о взрослых?
Мечтаете ли вы о звездах?

Вот самый первый ответ.
ЛЕША МИНИН. 12 лет.
«А дедушка мой
не вернулся с войны.
Где он похоронен,
в какой стороне?..
Гляжу на огонь
у Кремлевской стены
И дедушку вижу
в том Вечном огне.
Прислушаюсь вновь
возле каменных плит,
Как пламя гудит —
это он говорит!
«Любил я Отчизну...
Свой край...
Дом родной...—
В том высшее счастье,
запомни, внук мой».
И с ним
миллионы звучат голосов
Бессмертных героев,
погибших бойцов.
Как пламя гудит —
голоса их слышны:
«Пусть больше
вовеки не будет войны!»

Листок из тетради.
КАРИМОВ Ахмед. 11 лет.
«К заокеанским президентам
Я обращаюсь:
Нет — ракетам!
Все пушки,
танки,
пулеметы
И смертоносные ракеты
Должны остаться без работы
На территории планеты.
Их разберите, а потом
Отправьте на металлолом.
На месте же
военных баз
Постройте для детей всех рас
Кинотеатры,
стадионы,
Бассейны
и аттракционы,
Парк под синеющим шатром
И даже детский космодром!
Я очень вас прошу о том.
Так думаю не только я,
Мои товарищи, друзья!

Страны Советской предложенье:
ВСЕОБЩЕЕ РАЗОРУЖЕНЬЕ!
Нельзя оружием бряцать.
Но если хочет враг опять
Идти с мечом в пределы наши,
Отпор ему сумеет дать
Народ наш,
много бурь видавший».

КЛЫЧЕВ БАХАДЫР. 13 лет.
«Человек —
Это значит дитя Земли.
Должен быть он отважен,
и добр,
и прост.
Пути-дороги его пролегли
От земного дома
до самых звезд.
Но,
познавший мудрость ста тысяч книг,
Но,
постигший птиц и цветов язык,
Лишь отвагой своей
Человек велик,
Добротой своей
Человек велик!
И куда бы маршруты ни пролегли —
Он — дитя Земли!
Он — дитя Земли!»

Человек — это значит дитя Земли

На листе тополином ответ.
ЛАЙМА БЕРЗИНЬ. 14 лет.
«Даже травиночки не уберечь,
Если подымется атомный смерч».

Семиклассника Вити ответ.
ВИТЕ скоро 14 лет.
«В ожиданье грядущего века
Верю я
в светлых дней торжество,
Верю
в добрую суть Человека,
Верю
в мудрую силу его!»

Стихи десятилетней ТОНИ.
Пером плакатным на картоне.
«Я хочу, чтобы утром птицы
Нас будили песней своей.
Наливался колос пшеницы.
Не стихал шум зеленых ветвей.

Я хочу, чтобы утром ранним
Мы спешили к друзьям своим.
Чтоб шагали вместе с друзьями
По бессчетным тропинкам земным.

Чтобы не умирали дети,
Чтобы солнца дым не затмил...
Чтоб на самой прекрасной планете
Навсегда утвердился мир!

Мамы, папы,
Все взрослые люди!
Слушайте голос своих детей:
Ядерных взрывов вовек пусть
не будет,
Путь войне преградите скорей!»

Пусть больше вовеки не будет войны!

Рисунок А. БОРИСОВА.

СЧЕТ № 700140

Когда приезжают гости, их встречают красиво, широко, хлебосольно. Чтобы дружба крепла, чтобы песни пелись, чтобы души были радостны и открыты.

Фестивальная Москва — тот дом, куда съезжаются гости.

Число 700140 знает каждый в нашей стране — и взрослые и дети. Это номер счета общей нашей копилки для праздника, куда каждый мог перевести деньги на проведение фестиваля. Они поступали от рабочих коллективов и ученых, военнослужащих, колхозников и артистов, от школьников, пионеров.

Ребята рапортовали о том, как заработаны были фестивальные средства.

«В нашей школе №4, которая находится в далеком сибирском городе Черемхово Иркутской области, проходила ярмарка солидарности, вернее — ярмарка-конкурс.

А еще этим летом пионеры нашей дружины вместе с комсомольцами работали в школьном лагере труда и отдыха «Монолит». И сто рублей от заработанной суммы перечислили тоже в фонд фестиваля»,— рассказала в своем письме Лена Ячменева, отрядная пионерская вожатая.

«Я голосую за мир!» — эти заветные слова высказали делегаты XII форума старшеклассников Ленинского района города Комсомольска-на-Амуре... Два дня проходил форум, посвященный XII Всемирному фестивалю. На второй день форума прошла ярмарка-маскарад. Все делегаты подготовили игрушки для продажи, и деньги, вырученные на ярмарке, в сумме 170 рублей перечислили в фонд Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Об этом написала Вика Клюева, член штаба Дома пионеров № 3 города Комсомольска-на-Амуре.

«Пионеры и комсомольцы средней школы №3 города Балашова Саратовской области провели две ярмарки солидарности. В октябре в фонд фестиваля было перечислено 554 рубля, а в феврале 246 рублей».

«В ярмарке солидарности, прошедшей в уфимской школе №188, приняли участие и школьники, и учителя, и родители, и ветераны Великой Отечественной войны. От продажи сувениров, изготовленных в пионерских цехах школы, выручено 2255 рублей. Деньги перечислены на счет XII Всемирного».

Значительная сумма поступила на счет фестиваля из 36-й школы г. Вильнюса. От пионерской дружины.

Все пионерские отряды этой школы приняли участие в ярмарке солидарности, на которой продавались самые разные кондитерские изделия и фруктовые напитки, сделанные руками ребят.

Правда, слово «изделия» вряд ли подходит к тому, что можно было увидеть на ярмарке. На столах и лотках в школьных коридорах отряды выставили кондитерские произведения искусства. Сразу даже и не сообразишь, что сучковатое полено сделано из теста с примесью кофе, шоколада и орехов. Трудно представить себе, что тончайшие кружева и оборочки на нарядах танцующих девушек тоже вылеплены из теста и раскрашены в разные цвета вареньем и кремами. И ловишь себя на том, что все это жаль есть. Но как вкусно хрустят цветы из теста, которое называют «хворостом»!

Минут сорок, самое большее час — и все раскуплено. Покупатели — родители, учителя, жители микрорайона школы. Они узнали о ярмарке солидарности из веселых, нарисованных ребятами афиш и от зазывал-ряженых. Отряды и звенья долго готовились к ярмарке — празднику. Хотелось украсить столы и лотки рушниками, вышитыми национальными литовскими орнаментами. Сделать из бумаги разноцветные резные салфетки. Подготовить веселые газеты.

На ярмарке солидарности пионерские отряды познакомили своих гостей с танцами и песнями союзных республик и народов мира, рассказали о пионерских и демократических детских организациях разных стран. В большом хороводе, который завершал ярмарку, участвовали и все приглашенные. Веселый получился праздник, и до сих пор о нем вспоминают в микрорайоне.

А деньги, которые удалось собрать отрядам в этот день — по двенадцать, четырнадцать, девятнадцать рублей,— переведены на счет фестиваля.

Куда же пошли собранные средства? Куда их потратили?

На встречу гостей. На выпуск товаров с фестивальной символикой. На обслуживание делегаций, приехавших в нашу столицу. Главная же задача фестивального фонда — не только удовлетворить технические нужды, но и обеспечить полное демократическое участие в фестивале всех заинтересованных организаций, в том числе и тех, чьи материальные возможности ограничены. Например, путь из Африки или Латинской Америки связан с большими расходами. И помощь тут необходима.

...Съезжаются гости, будет большой праздник, средства на этот прекрасный праздник собраны дружно, весело, по-деловому. Потому что хозяева гостеприимного дома — люди трудолюбивые и хлебосольные.

Олег ТИХОМИРОВ

СТЕНЫ ДРЕВНЕГО КРЕМЛЯ

Испокон веков русский народ называл Москву матушкой. Когда с огнем и мечом на Русь надвигался враг, собирала Москва войско — шли к ней отовсюду отряды и полки. Сюда, к Московскому Кремлю, спешили они, чтобы вместе ударить по иноземным захватчикам.

Многие видели стены древнего Кремля. Мы с вами сейчас обойдем их — путь недолгий, зато какой интересный. Кремль стоит за высокой зубчатой стеной. Глаз не оторвать от златоглавых соборов, от Большого Кремлевского дворца, от колокольни Ивана Великого — будто былинный богатырь в сверкающем шлеме встал во весь рост и всматривается в даль. На протяжении многих веков строились здесь княжеские хоромы и терема, главные соборы Руси, царские дворцы.

Теперь в Кремле работает правительство Страны Советов, сюда же на партийные и комсомольские съезды приезжают делегаты изо всех уголков нашей Родины. Иностранные туристы, приезжая в Москву, обязательно приходят в Кремль, чтобы осмотреть все его достопримечательности.

Давным-давно стоит на холме Кремль. В этом году исполняется 500 лет его стенам и башням. Только вначале он был не такой, а деревянный, стены были из дубовых бревен. Затем великий князь Дмитрий Донской в 1367 году окружил холм крепостной стеной из белого камня. И с тех пор прозвали Москву белокаменной. А еще через сто лет, при Иване III, выстроили новые стены и башни из красного кирпича. Такими мы видим их и сейчас.

Знакомство с древними стенами и башнями Московского Кремля начнем со стороны Красной площади.

Высота стены здесь самая большая. И неспроста: эта сторона (восточная) считалась уязвимее других — место открытое, с него легче вести наступление. Поэтому вдоль высокой стены вырыли глубокий ров шириной в тридцать метров. По краям рва поднимались дополнительные стены. Через ров к воротам башен были перекинуты мосты. Засыпали его лишь в начале XIX века.

Во все времена главной башней считалась Спасская. Бой ее курантов слышит по радио каждый день вся наша планета.

В 1625 году на Спасской башне установили часы с циферблатом небесно-голубого цвета. Стрелка в виде солнечного луча была неподвижной, а сам циферблат вращался. Затем Петр Первый заказал в Голландии другие часы, с «колокольной музыкой». Те часы, которые мы видим сейчас, были изготовлены в Москве в середине прошлого века. Во время октябрьских сражений 1917 года в них попал снаряд. Но через год по указанию В. И. Ленина часы починили.

Следующая башня кремлевской стены называется Сенатской. За ней внутри Кремля стоит здание Совета Министров СССР. В дореволюционной России в этом здании размещался сенат — высший суд.

А вот высокая, стройная проездная башня — Никольская, с восьмигранным верхом, с двумя рядами узких окон, украшенных наличниками из белого камня.

За Никольскими воротами в давнюю пору находился Оружейный приказ. Возле него собирались стрельцы, отправлявшиеся в поход. Никольская башня дольше других оставалась без верхней надстройки. Лишь в самом конце XVIII века над ней поставили высокий шатер. Но вскоре, в 1812 году, когда из Москвы отступали войска Наполеона, ее взорвали. Вся верхняя часть взлетела на воздух. Башня была восстановлена, а спустя еще сто лет вновь сильно пострадала от артиллерийского огня во время революционных боев 1917 года. В. И. Ленин дал распоряжение, чтобы башню поскорее отремонтировали.

А теперь немного спустимся вниз и остановимся возле мощной угловой башни. Стены у нее не плоские и не круглые, а восемнадцатигранные. Зовут эту башню Арсенальная, потому что за ней в Кремле находился Арсенал (здание, где хранили оружие и воинское снаряжение).

Во времена Дмитрия Донского башни здесь не было. Иван III повелел строителям кремлевской стены немного продвинуть ее в сторону реки Неглинной. И вот здесь, на северном углу (вся территория Кремля напоминает треугольник), была выстроена башня для круговой обороны.

Стены у Арсенальной башни толстые — четыре метра. Но это не только потому, что она расположена на очень важном месте. Дело еще вот в чем: в башне на случай «долгой и тесной» осады заключен многоводный родник. Строители хорошо понимали, как необходима вода осажденным, поэтому нужно было ее надежно защитить. В 1812 году отступавшие французы попытались взорвать ее вместе с Арсеналом. Взрыв разрушил половину Арсенала, но башня устояла, у нее слетела лишь небольшая часть верхушки. Вскоре башня была восстановлена.

Не очень большая, но стройная башня Средняя

Арсенальная глядит пролетами своей дозорной вышки, как страж, как часовой. Задней стороной она примыкает к Арсеналу.

А затем перед нами вырастает самая высокая башня Кремля — Троицкая. Ее высота вместе со звездой 80 метров. К воротам башни ведет арочный мост. Неглинная протекала тут вдоль кремлевской стены. Хоть и неширокой была речка, а все же представляла собой преграду. Один берег ее был заросшим, топким, другой — крутым (сейчас Неглинная течет в трубе под землей). Сохранилась здесь и предмостная башня Кутафья. Она обороняла вход на мост. Кутафью окружал ров, а с берега на нее можно было попасть лишь по подъемным мостам — они спускались с боковых сторон башни. В стенах даже сохранились щели для цепей.

Дальше мы увидим две глухие башни подряд — Комендантскую и Оружейную (глухой принято называть башню, у которой нет проезда). Первая примыкала к Потешному дворцу. В нем в XVII столетии устраивали театральные представления («потехи») для царской семьи. А с прошлого века во дворце жил комендант Москвы.

Поэтому и башню назвали Комендантской.

Позади Оружейной башни расположен один из музеев Кремля — Оружейная палата. Многое в музее связано с русской историей. Боевой шлем князя Ярослава Всеволодовича, жившего в XIII веке. Кольчуга Ермака Тимофеевича — покорителя Сибири (ее прислал в дар отважному воину Иван Грозный). Сабли Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского...

Продолжим наш путь. Перед нами снова высокая проездная башня — Боровицкая, напоминающая ступенчатую пирамиду. Башня построена в 1490 году на месте древнейшего въезда в Кремль. Когда-то здесь рос сосновый бор — отсюда и название башни.

А вот круглая угловая башня. Стоит она на берегу

Москвы-реки, называется Водовзводная. Так же, как и Арсенальная, она предназначена для круговой обороны, но выглядит очень изящной и легкой. В 1633 году в ней установили машину, которая подавала в Кремль воду. По свинцовым трубам текла вода к царскому дворцу. В 1812 году башня была взорвана отступавшими французами. Но вскоре ее восстановили.

Теперь мы пойдем берегом Москвы-реки. Это южная сторона Кремля. В начале XVII века здесь соорудили вторую каменную стену, которая должна была защищать Кремль не только от неприятеля, но и от половодья. В ту пору река не имела высоких гранитных берегов и могла во время «большой воды» размывать кремлевскую стену. У дополнительной стены были свои башни и выходы к берегу. Сохранялось все это до конца XVIII века.

Первая башня на нашем пути — Благовещенская. Глухая башня. Затем мы приблизимся к Тайницкой башне. Среди кремлевских башен она самая старая. Построили ее в 1485 году. При Иване III башня имела тайник-колодец и подземный ход к реке. Так было предусмотрено на случай осады. Тайник и дал башне ее название.

Пройдя дальше, мы увидим три глухие башни, которые следуют друг за другом на небольшом расстоянии. Это Первая Безымянная, Вторая Безымянная и Петровская. За ними стоит круглая угловая башня Беклемишевская — она ближняя к большому Москворецкому мосту. Башня кажется совсем легкой, даже хрупкой. На самом же деле она отважно защищала брод через реку и переправу, первая давала отпор врагу. В ее подвале имелся тайник. Из него можно было совершать неожиданные для неприятеля вылазки, наблюдать за подкопами.

Свернув за Беклемишевскую башню, мы вновь окажемся с восточной стороны Кремля и теперь будем подниматься к Спасским воротам. Вот еще одна бывшая проездная башня — Константино-Еленинская. Выходит она на Васильевский спуск. К ее воротам примыкал подъемный мост через ров. В 1380 году через эти ворота белокаменного Кремля выступало войско Дмитрия Донского на битву с Золотой Ордой.

Затем следует башня Набатная. В башне висел колокол весом в 150 пудов. Отлил его в 1714 году Иван Моторин. Тот самый мастер, который отлил знаменитый Царь-Колокол.

И, наконец, перед нами последняя кремлевская башня — Царская. Она самая «молодая». Выстроена была в 1680 году. Точнее сказать, это не башня, а каменный теремок, поставленный прямо на стену. Маленький восьмигранный шатер опирается на четыре каменных столба, схожих с кубышками.

Вот и закончился наш путь. Мы обошли вдоль стен весь Кремль. Недолго длилось путешествие, но в какие давние времена помогли заглянуть нам башни и стены, сколько они нам поведали!

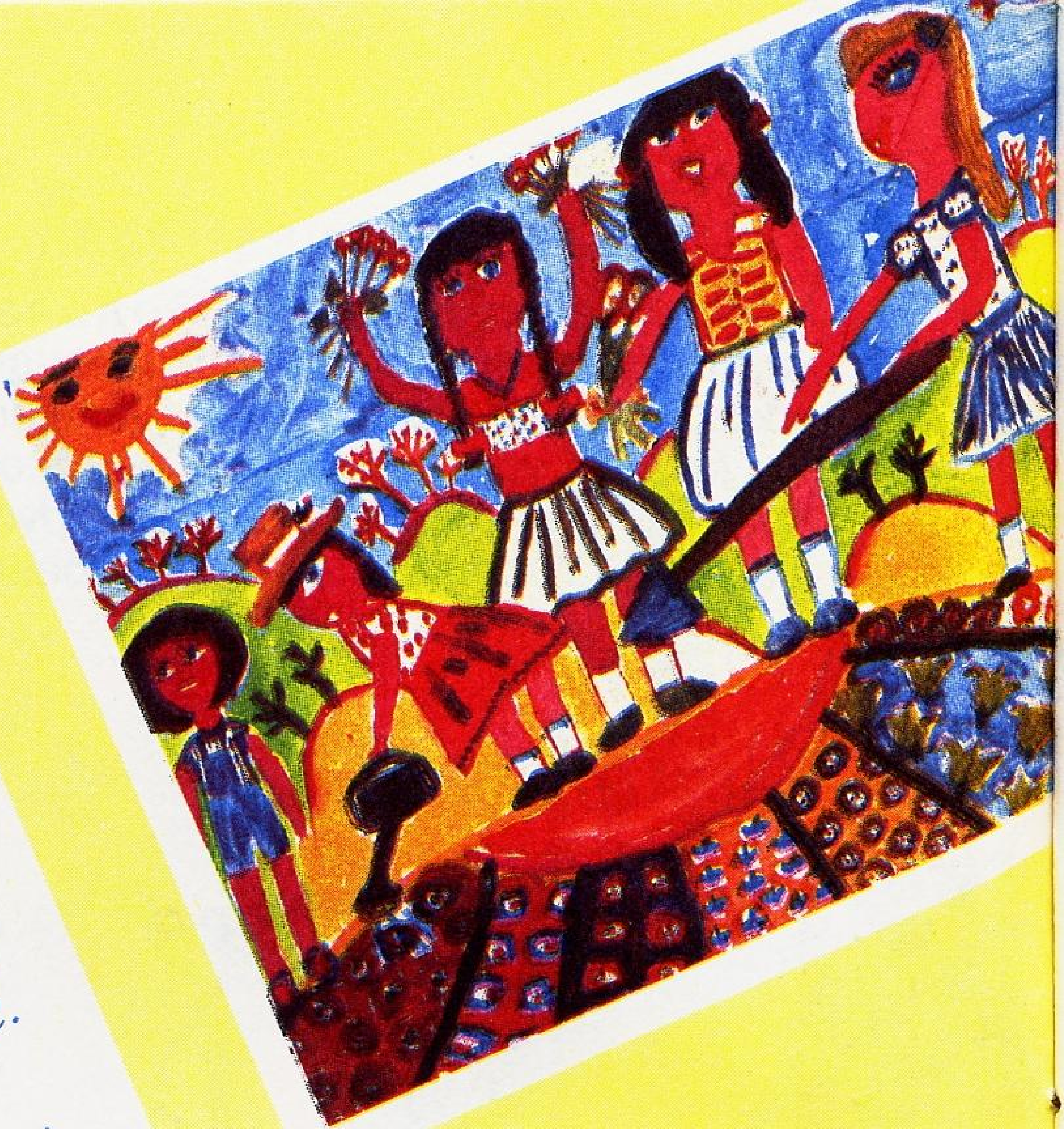
Здравствуй, дорогой незнакомый друг!

Пишет тебе ученица 6-го класса Анжела Арламова. Живу я в Белорусской ССР, в поселке Озерцы. Мы шефствуем над участниками Великой Отечественной войны. Это благодаря им у нас сейчас такое счастливое детство! На войне у меня был тяжело ранен дедушка. И хотя он остался жив, осколок снаряда — до сих пор у него в груди...

В нашей стране нет безработных, обучение у нас бесплатное, медицинское обслуживание тоже. В нашей стране самый дешевый хлеб.

И я хочу, чтобы все люди Земли взялись за руки, чтобы был мир во всем мире!

Белорусская ССР, Витебская область, поселок Озерцы.

Пожелания делегатам XII Всемирного

Игорь Васильевич ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ,
академик, Герой Социалистического Труда,
лауреат Ленинской и Государственных премий СССР

Прекрасна природа нашей планеты. Но ее чистый воздух отравляют дымы бесчисленных заводов. Поля и реки загрязняются стоками промышленных предприятий. Возник конфликт между человеком и окружающей его средой. Так где же выход? Не надо ли срочно притормозить технический прогресс?

Моя позиция: нужно не меньше науки и техники, а больше науки и техники, но на разумной основе. Необходимо срочно перестраивать производство так, чтобы все, взятое у природы, перерабатывалось полностью, от начала до конца. Превращалось в полезные для человека продукты. Нужны заводы, которые не создают отходов.

В СССР уже более десяти лет назад принят Закон об охране природы. Но решить эту грандиозную, общеземную проблему в рамках отдельной страны невозможно. Надо объединить усилия всех народов. Накопленных знаний уже достаточно, чтобы сделать нашу планету изобильной, чтобы сохранить ее красоту, ее богатство. Нужно только пустить эти знания в ход.

На XII Всемирном фестивале молодежи и студентов проблема охраны окружающей среды будет обсуждаться молодыми гражданами разных стран. Проблема эта может быть решена только в условиях мира, потому что война тоже несет гибель природе, всему живому. Сохранение мира и сохранение среды обитания человека — две неразрывно связанные задачи.

Я верю, что поколение людей, вступающих в XXI век, будет дышать только чистым воздухом, купаться только в чистых озерах и реках, знать только богатый жизнью океан. Сделать наш общий дом — Землю — именно таким предстоит вам, молодежь планеты.

Сергей ИВАНОВ

ЕГО СРЕДИ НАС НЕТ...

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 6.

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

По пятам и еще ближе

— Мы для чего это будем делать?— спросил Сережа.

— Для того, что я должна ее понять,— отвечала Таня.— Если она украла, то зачем.

Обе эти реплики были произнесены довольно задушенными голосами, словно бы в приключенческом фильме. Сережа, между прочим, именно так себя и чувствовал... Им предстояло следить за Аленой Робертовной и, как выразилась Таня, «определить логику ее поведения вне школы». То есть, по-человечески говоря, как она себя ведет после уроков, почему и зачем. А еще более по-человечески говоря — посмотреть да и увидеть, может, она что подозрительное будет совершать...

Они благополучно выпустили Алену из школы, абсолютно чисто пристроились сзади. На первом же перекрестке их классная рассталась с биологиней Татьяной Николаевной и продолжала свой путь одна.

Из мировой кино- и теледетективной продукции Сереже было известно, как это трудно — осуществлять слежку. Противник очень скоро замечает «хвост».

Однако Алена — причем без всяких надувательств — была лучшим в мире объектом для наблюдения. Сережа и Таня чувствовали себя рядом с ней настоящими невидимками... Да и любой мог бы рядом с ней чувствовать себя невидимкой!

Она шла, одетая в скафандр своих мыслей, и ничего не замечала вокруг... Даже машины, которые несколько раз весьма опасно проносились перед ее носом. Алена их, конечно, как бы видела, но не придавала значения. Словно бы это проносились мимо нее не машины, а только тени от машин.

Она никуда, кажется, не спешила. Просто шла, не останавливаясь, словно бы гуляла по лесу. Но это был не лес!

Сережа в жизни своей редко пользовался словом «интуиция». Вообще, может быть, употребил его раза два, и то не вслух. Он и сейчас им не воспользовался. Хотя именно интуиция подсказывала ему, что Алена к этому делу с журналом абсолютно непричастна. Как облака на небе. Как птицы в жарких странах!

— Тань,— он сказал,— мне кажется, мы...— и покачал головой.

Впереди шла Алена все тем же задумчивым шагом, лишь время от времени перекладывая из руки в руку свою полухозяйственную сумку.

Таня поняла, чего он хотел сказать, оттолкнула спокойным, холодноватым взглядом:

— В литературе описаны еще не такие случаи!

— В литературе... в какой?

— В криминалистической!

И безропотно он пошел дальше... Следить...

Если б Алена была хоть немного другим человеком... Нет, если б у нее были хоть немного другие какие-нибудь планы, она запросто смогла бы скрыться. Даже и не стараясь совсем, даже и не подозревая о преследователях. Сверни куда-нибудь, сядь на трамвай, растворись в магазине, наконец, просто иди домой.

Так нет же! Она шла себе, никуда не растворяясь, вообще словно никуда не стремясь.

Но куда-то все же она шла?

И наконец открылось: она шла к метро...

Они вошли в тот же вагон. Только с другого конца.

В просвете между незнакомыми спинами и руками видна была сидящая Алена. Сделав сумку свою неким подобием подставки, она проверяла тетради. Таня и Сережа переглянулись: страшное любопытство одолевало их — чья там сейчас несчастная лежала на операционном столе?..

Вслед за Аленой им пришлось сделать пересадку, потом еще одну. На Таганке они чуть не потеряли ее. На Бауманской наконец подземный путь был окончен.

И вдруг Алена сделала то, чего никак не положено делать учительницам,— по крайней мере таковы были Сережины понятия. Отстояв короткую очередь, она купила мясной пирожок. Съела его с заметным аппетитом, чуть сутуля плечи и пригнув голову.

Рядом с нею целыми толпами стояли жующие

люди. Бауманская — это самый студенческий район в Москве: МВТУ, МЭИ, Институт связи — целое море студентов и целые горы жареных пирожков: схватил, сжевал и помчался дальше.

Таня и Сережа не знали, что Алена Робертовна здесь тоже когда-то училась, в пединституте имени Крупской.

Она и жила здесь почти двадцать лет. Лишь относительно недавно из старого дома ее переселили в новый дом, в новый район. Но сюда она нет-нет да и приезжала, потому что не могла забыть родной Бауманской, ни студенческих лет, ни этих пирожков классических, которые они ели всей компанией, пересмеиваясь, разговаривая с набитым ртом:

«Чего-чего?»

«Вот бы, говорю, тебя сейчас дети увидели. Педагогиня!» Не подозревала она, что «дети» в самом деле видели ее... Сережа смотрел, не отрываясь, и чувствовал, что не должны они этого видеть! Что это никакая не детективная работа!

— Тань! Ну что ты, сама не видишь?.. Не она это! Не похожа совсем...

Таня на мгновение оторвалась от Алены, поедающей пирожок:

— Преступника сразу не поймаешь, ясно? Не угадаешь! Есть даже теория, что преступники все ненормальные. Ты про него думаешь одно, а у него в голове совсем другое.

— А если она не преступник?

— А если да?! — И, поймав Сережину секундную растерянность: — Мы обязаны просеять как можно больше народа. Иначе не раскроешь.

Что ж тогда выходит, подумал Сережа, тогда выходит, разрешено любого подозревать — без разбора?

— Нет, Тань. Что-то у нас тут бабой-ягой пахнет...

— Чем?!

— Да... неважно...

Давно когда-то бабушка научила его делить поступки на хорошие, на человеческие и на те, которые, прикрываясь тобой, подстраивает бабаяга... Это сразу становится ясно: попробуйте проверить несколько своих действий — сами убедитесь.

Кстати, когда не забываешь про подлую ягу, совсем по-другому начинаешь жить. Лучше... Вы попробуйте!

Но Сережа вот смутился, не сумел объяснить своему Холмсу столь «детских» вещей (видимо, в этом трусливом молчании тоже не обошлось без некоей «БЭ-Я»). И поэтому слежка продолжалась.

Алена Робертовна между тем с удовольствием доела пирог.

Именно сегодня почему-то в конце шестого урока она решила съездить «к себе на родину» — так у нее назывался тот уголок Москвы на Бауманской, где еще недавно был ее двор, где она училась играть в классы, где ей объяснились в любви первый раз.

Это было на лавочке под старым, хотя и не слишком могучим вязом. Он отчего-то плохо рос, и за двадцать пять лет, которые Алена его знала, вяз не прибавил, казалось, ни в ширь, ни в высоту.

А теперь только он один и остался от всего ее двора, четырех домов с допотопными старыми сараями, с голубятней, с крохотной фабричкой, где у рабочих можно было выпросить цветные стекльшки, с чердаками, с подвалами, с толстенными стенами, каких никогда уж больше не будут делать нигде на земле. Их и ломать было непросто. А особенно Аленин дом, который был во дворе самый старый и самый крепкий, как оказалось.

Алена запряталась тогда в жиденькой толпе зевак. И вот подъехала машина с огромным литым шаром, размахнулась и ударила дом прямо по лицу, в середину. Алена успела взглянуть на окна второго, верхнего, этажа, где они жили.

Ее бабка перед отъездом зачем-то вымыла полы, окна, аккуратно заперла дверь на ключ... Она здесь прожила семьдесят два года, с рождения.

Теперь Алена последний раз увидела эти вымытые, словно под Первое мая, окна. И тут же они лопнули от удара, посыпались и ослепли. Но дом продолжал стоять, не шелохнувшись. И тогда машина развернулась во второй раз и опять ударила, потом опять. А дом стоял под этими ударами — упрямо и покорно.

Алена отвернулась, убежала... Когда очнулась — стоит у метро, как раз, наверное, вот здесь, где она ела сейчас пирожок... А тогда она вдруг подумала, что это предательство — бросать дом в его последнем бою. И пошла обратно!

Однако дома уже не было в живых. Из пролома в стене вывалилась их умывальная раковина и застыла в странном положении — словно цветок на зеленой крашеной трубе...

И тогда Алена с огромной тоскою поняла, что это уже не дом, что ему ничем не поможешь, что его больше никогда не будет! Как и в ее жизни чего-то больше никогда не будет... Детства и юности...

Вот о чем ей подумалось, вспомнилось сейчас у метро, «на том самом месте». Она стояла, опустив голову и руки... А правую руку оттягивала сумка, в которой лежали тетради.

Что же ты замышляешь, думала Таня. Ей не казалось поведение Алены Робертовны таким уж безобидным. Нет, она как-то связана с этой пропажей... А иначе — почему человек должен себя так странно вести? Мечется-мечется по городу. Словно следы заметает!

В то же время Таня чувствовала, что и подручный ее может оказаться прав: не было в облике их классной руководительницы ничего такого... ну, дерзкого, подозрительного, что ли... Хотя это все лишь голые эмоции, на уровне «мне кажется».

— Ну? И что ты думаешь делать? — тихо спросила Таня.

Решительный момент настал для Сережи!

Так чего же ты? Скажи: «Бросим слежку, уедем домой». Он промолчал... У взрослых это называется: побоялся ответственности. А у ребят — еще честнее: струсил!

И тут Алена сама начала действовать. Пошла увереннее, чем обычно, словно на что-то решившись... А преследователи за ней!

Вот она вошла в продовольственный магазин — вроде тех, что на окраинах нашего города зовут универсамами. Чтобы попасть на «продуктовую территорию», там надо взять специальную железную сумку. А свою оставить в такой вроде бы камере хранения... Алена отдала свою сумку, взяла номерок и... на улицу!

Что же это значит?!

Они переглянулись, и Сережа в ответ мог лишь пожать плечами. Ведь так обычно поступают экстремисты: незаметно оставят в каком-нибудь учреждении бомбу с часовым механизмом, а сами уйдут... Сверху тетради, а под низом может быть и бомба...

Чушь, конечно, собачья. Да и шагала Алена очень уж не по-экстремистски. Она как бы... ис-

кренне так шагала. Вся во власти своих мыслей — то быстрее начинала бежать, то шла потихоньку. По этой походке ее в случае чего каждый мог приметить и запомнить.

А день им для слежки попался хороший — солнечный и с ветром. Такие дни иной раз еще забредают в середину осени. При свете и ветре этого дня особенно грустно и легко было бы думать о прошедшем лете.

— Больше всего на свете хочу сейчас прочитать ее мысли!

И читать тебе нечего, думал Сережа, не нужны тебе эти мысли... А сам все продолжал идти за Аленой Робертовной. Странная такая вот ситуация!

Иногда ему удавалось видеть Аленино лицо... Может, это неправильное сравнение — лицо ее было открыто настроению, как пруд открыт бывает — то

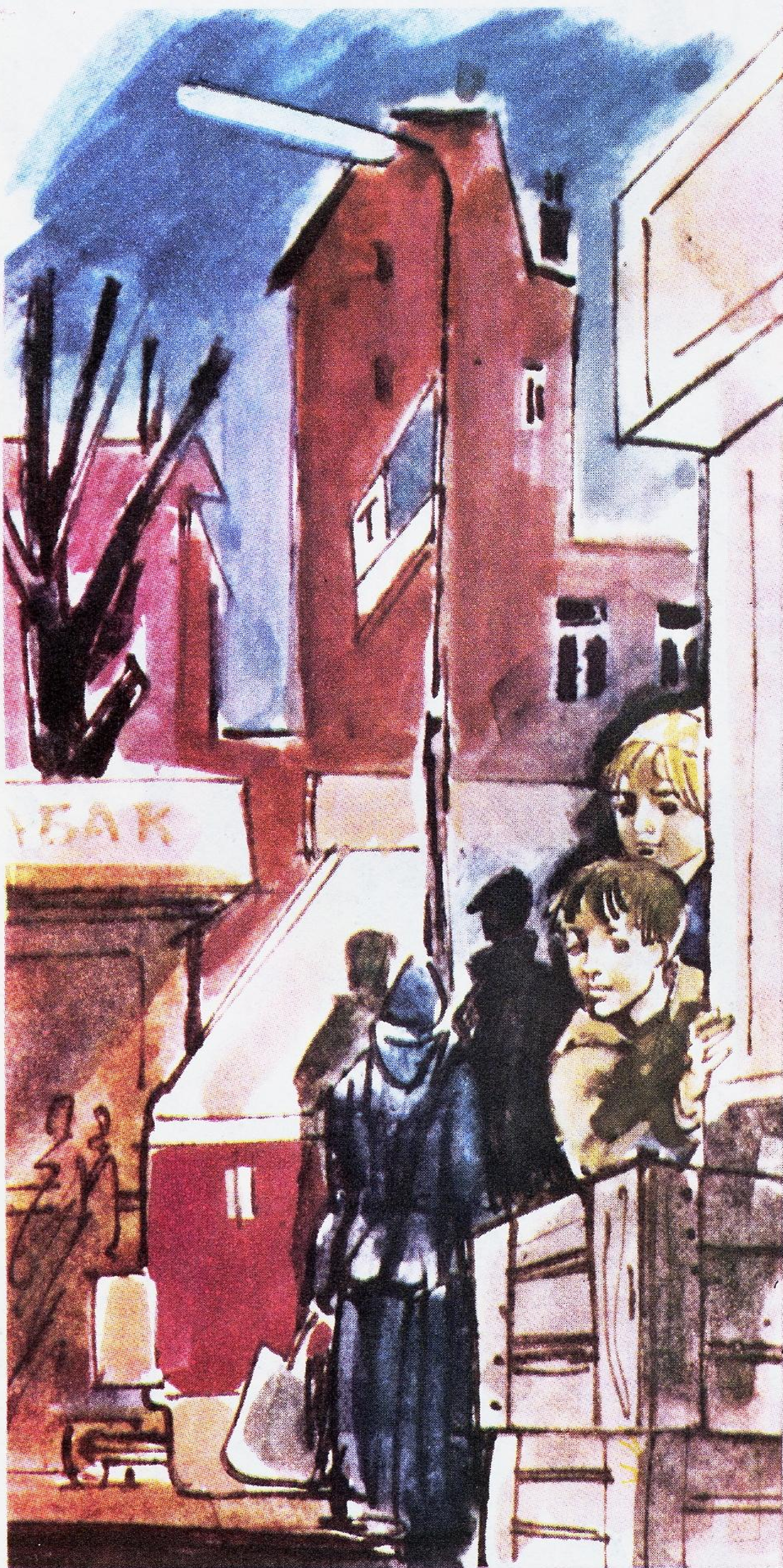
солнцу, то облакам, проплывающим в небе, то ветру...

Раньше Сережа относился к Алене Робертовне довольно равнодушно: он вообще не имел такой привычки — подлизываться к учителям, но не имел привычки с ними и воевать... Отвечал им уроки. Если была возможность, старался в меру надуть. Иногда приходилось даже выслушивать их душеспасительные напутствия (это когда ему прицеливались написать замечание в дневник).

Но кончалась школа — кончались и учителя. Как говорится, баста! И наверное — хотя и не наверняка,— если б у них ввели преподавание при помощи обучающих автоматов, для Сережи Крамского мало что изменилось бы.

И вдруг в этот ветреный и солнечный день Сережа заметил, что начинает относиться к Алене с... симпатией, что ли? Он ее узнавал, вот в чем дело — тратил на нее время и душу...

Алена по-прежнему не садилась ни в какой транспорт и, вернее всего, брела совершенно бесцельно. Так, по Сережиному разумению, могут шестиклассники поступать. Но не учительницы!

— Куда же она все-таки придет, а?

«Никуда она не придет!— подумал Сережа.— Неужели ты этого еще не поняла?»

Впервые ему не хотелось разговаривать с Таней. Ему хотелось быть с Аленой Робертовной, с ее непонятным поведением. И поэтому он продолжал идти за ней.

А вернее сказать, с ней!

Всю длинную обратную дорогу в метро они с Таней ехали молча. Это иногда случается с людьми, и необязательно надо говорить: ссора. В метро ведь все-таки слишком шумно и сутолочно.

Но когда садились в автобус, Таня сказала... почти бросила:

— Я думаю, дня два ты мне не понадобишься. Действуем по индивидуальным программам.

Его охватила обида, не то испуг. И пришибленный этим чувством Сережа так и доехал до своей остановки, а Таня вышла на одну раньше.

Бабушка, по обыкновению своему сидя в кухне — хотя на плите ничего не булькало и не скворчало,— медленно листала Сережин учебник истории.

Зрелище весьма странное, надо признаться, и даже, может быть, нелепое. Зачем, скажите на милость, вам, шестидесятишестилетняя женщина, читать такие книги? Собираетесь сдавать экзамены на курсы кройки и шитья?..

Так несколько раздраженно думал Сережа. На самом деле бабушка собиралась писать статью о языке этого учебника. А язык ей, надо сказать, не нравился. И она собиралась писать весьма разгромную статью.

Елизавета Петровна считала, что язык данного учебника особенно важен, так как чтение исторических книг развивает у человека стратегическое мышление (то есть, проще говоря, такое мышление, которое учит составлению планов на далекое и близкое будущее). А «ребенку», как известно, такого мышления особенно недостает... Вот, стало быть, для чего... можно даже сказать: «во имя чего» старалась бабушка.

Эх, знать бы об этом и Сереже... Стратегическое мышление... Возможно, у него родились бы какие-нибудь новые идеи по ходу расследования.

А возможно, и родились бы какие-нибудь новые идеи насчет отношения к бабушке...

Но ничего Сережа не узнал, и ничего в нем не изменилось. Потому что бабушкину статью никогда и нигде не напечатали — не захотели в журнале ссориться с авторами учебника.

Он сел напротив бабушки: то ли ему хотелось есть, то ли ему хотелось общаться — сам не знал... Для начала хмыкнул. Это он так выражал свое отношение к ее занятию. Да, пожалуй, и вообще к ней.

Елизавета Петровна приподняла очки, посмотрела на внука. А Сережа, очки никогда не носивший, опять (как и всегда) удивился про себя, почему они никуда не падают, находясь в таком ненадежном, невесомом состоянии, а именно на лбу.

Вот о чем ему действительно хотелось бы спросить... И, конечно же, он не спросил! Не решился на этот «слишком детский» вопрос.

И бабушка, кстати (не будем людей идеализировать за их преклонный возраст), тоже не решилась рассказать Сереже, чем она занимается. Самым обычным образом испугалась, что ее обсмеют. И потому начала свою речь с наступления, с уже хорошо известной в семье темы: как Сережа (сло-

вечко «Крамс» Елизавета Петровна с некоторых пор произносить не решалась), как он сильно изменился в последнее время.

— Люди, если ты заметил, делятся на тех, которых мы понимаем, и на тех, которых мы не понимаем... Чувствуешь иной раз: человека-то много, а что он такое, зачем он?.. Вот и я последнее время никак не могу соединить твои поступки в какую-то систему.

Сережу удивили неожиданная простота и правильность этого наблюдения... Ведь и Алена точно такая: человека много, да? Поступки, поступки, а что, почему?.. Только не надо, как бабушка: раз ей что-то непонятно, так она сразу уж с каким-то недоверием, чуть ли не с подозрением.

А ты возьми да разберись — куда лучше будет!

...Тут в скобках стоит заметить, что сам он разбираться в бабушкином «поведении» и не собирался...

Елизавета Петровна, между прочим, еще что-то сказала, Сережа ее не услышал... Хотел было попить чайку, но чтобы не увязнуть в разных там дискуссиях, встал, ушел из кухни... Оглянулся — бабушка еще смотрела ему в спину, а сама уже готова была дальше листать учебник истории.

— Родители письмо прислали,— сказала она, вспомнив.— Пишут, все хорошо... Задерживаются.

— Ладно,— кивнул Сережа.— Я после почитаю.

И больше, между прочим, Сережины родители в этой книжке не появятся... Так зачем же они вообще появлялись? А вот затем: чтобы мелькнуть, а потом исчезнуть... Чтобы другие родители, взглянув на них, могли с удовольствием сказать: «Нет-нет, мы не такие!»

Сережа сел на диван перед пустым, темным экраном телевизора... Не мог понять, но отчего-то ему было... вроде как не по себе. Почему — неизвестно. Без всякой видимой причины. Так бывает, когда проснешься поутру, выглянешь в окно, а там пасмурно.

Вернее всего, ему было неспокойно и грустно от случившегося вдруг одиночества... если так можно сказать, общего одиночества. Таня у себя в квартире, родители в Академгородке, бабушка на кухне, он здесь, перед серым холодным телевизором. И каждый сам по себе. По-настоящему никому до другого дела нет.

Так он сидел пригорюнившись. И немножечко он, конечно, был прав. Но в основном все-таки он был не прав!

Такое состояние, когда грусть словно сама собой и не понятно почему начинает распускаться в тебе, такое состояние долго у человека продолжаться не может. Если б, скажем, зуб болел, это бы другое дело, тут вздохи из тебя вылетают целыми толпами — как призраки из английского замка. А беспричинно?.. Да что я вам, кисейная барышня!

Опять же дела, уроки... А там другое, третье. И — проехали.

Да и потом он жил не просто так, а посреди детектива.

Дела подсудимой плохи

Два дня Таня абсолютно не обращала на него внимания. Причем так равнодушно, так поделовому не обращала, словно бы это и не Сережа был ее главным помощником.

— Тань,— наконец он сказал,— уж два дня твои проходят!

Таня посмотрела на него, усмехнулась — так, между прочим, удивительно по-взрослому. Не с ехидством, не с превосходством, а именно вот по-взрослому — что Сережа еще маленький, а она до ужаса огромная!

— Не волнуйся, тебя не забыли. Просто все должно выясниться именно сейчас.

— Когда сейчас?

— А вот смотри!

Таня подняла руку... Шел урок литературы. Алена, увлеченная своим объяснением, ее не заметила. Тогда Таня встала:

— Скажите, пожалуйста, Алена Робертовна, а когда будет готова контрольная по литературе?

Алена запнулась с налету.

— Контрольная?.. Господи! Действительно! Завтра будет готова.

— Спасибо!— произнесла Таня особенно ученическим, старательным голосом и села. И тут же показала Сереже... жетончик алюминиевый:— Вот она где, контрольная!

Весь прямо-таки похолодев, Сережа догадался: сумка с тетрадями — магазин — жетон из камеры хранения!

— А ты как его достала?

— Вынула у нее из кармана пальто!

— Ты что?! Разве можно!— Он посмотрел на Алену, которая уже опять парила в своем рассказе.— Ты это зачем?!

— А чтобы сконструировать некоторую ситуацию.

Тут уж она не смогла удержаться и улыбнулась.

— Но о подробностях несколько позже.

А «подробности» были такие. Два дня сумка лежит в универсаме. И Алена про нее не вспоминала! Таня рассудила, что и с журналом могло произойти нечто подобное. И лежит он себе где-нибудь в камере хранения Курского вокзала или под чьим-нибудь диваном.

Рассеянная Алена — вот в чем дело!

— А зачем ты у нее номерок... взяла?

Номерок Таня взяла для чистоты эксперимента: узнать, вспомнит Алена без подсказки, где тетради посеяла или нет. Если не вспомнит, значит, она и журнал куда-то задевала!

— Ну, это... мало ли,— сказал Сережа,— это все-таки необязательно...

— А у нас тут вообще не может быть прямых доказательств. Но как косвенное оно очень сильное. Это во-первых! А во-вторых, больше-то некому, кроме нее.

Сережа прикинул, что можно было бы тут возразить...

— Пиши!— приказала Таня.— После шестого урока состоится важное сообщение. Группа розыска.

— Как это — «сообщение» и вдруг «состоится»?— сказал Сережа.

— Ничего. Нормально будет. Посылай записку по рядам.

Алена себе заливалась соловьем. А по рядам, от парты к парте или, вернее говоря, от стола к столу медленной белой молнией пробиралась записка. И каждый, прочитав ее, оглядывался на Таню Садовничью, а потом невольно на Алену.

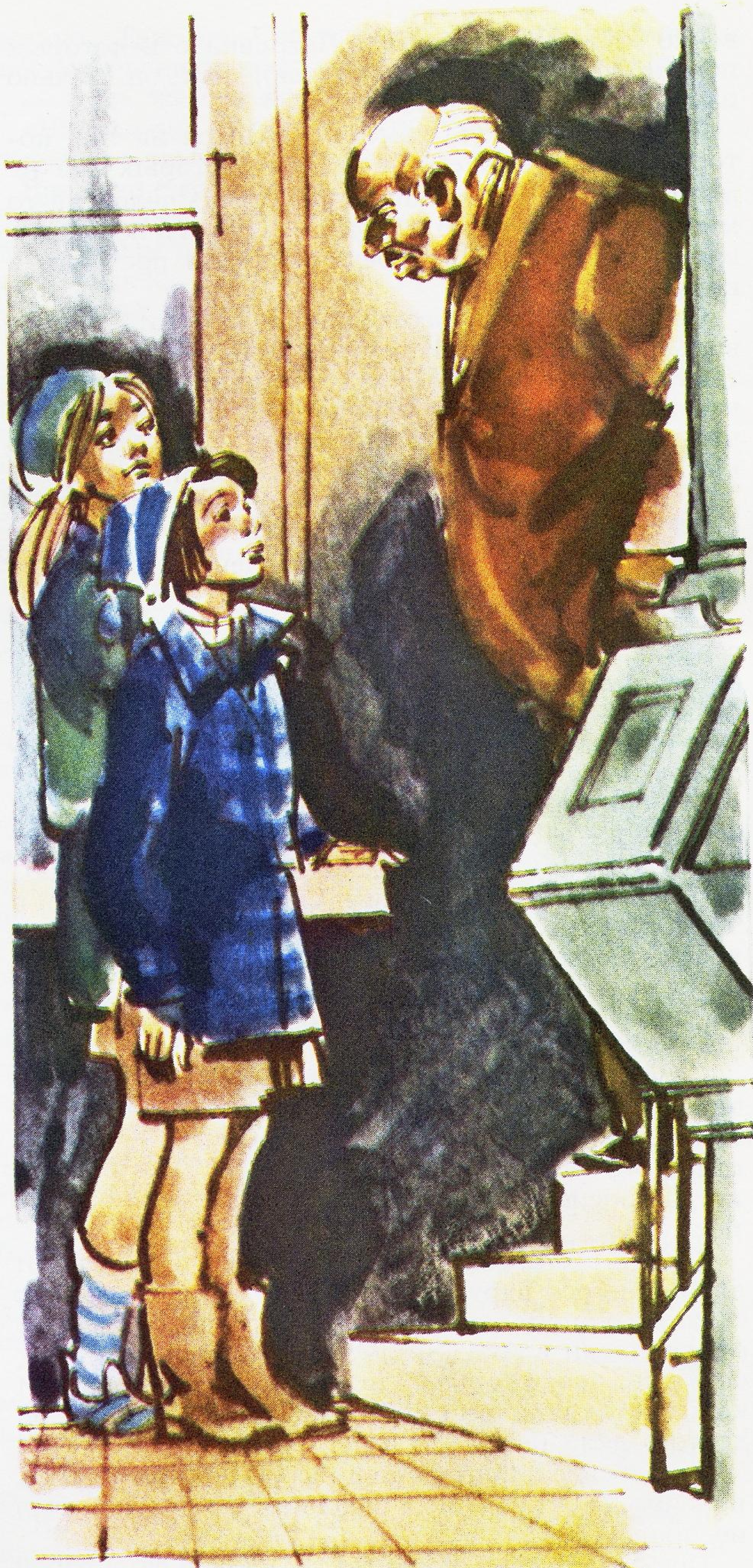
После шестого лишь два человека не остались: одному надо было с матерью к врачу, другому (другой, вернее) на фигурное катание. Оба подошли к Тане... вроде как отпрашиваться:

— Пусть нам после Корма отзвонит. Ладно, Садовничья?

— Нам же тоже интересно, мы же тоже члены

коллектива!— сказала фигуристка.— Мы же не виноваты!

Не улыбнувшись, ничем не выдав своего торжества, Таня достойно кивнула.

Для пользы дела

Попробуйте когда-нибудь после шестого урока задержать свой класс хотя бы на минуту. Сами увидите, что у вас получится.

Это знала и Таня Садовничья. Сейчас, незаметно глянув на часы, она обнаружила, что шестой «А» слушает ее уже четверть часа. И дальше готов был слушать!

— Мне нужно,— продолжала Таня,— чтоб вы от класса выбрали двух свидетелей-понятых. Двух самых, ну... уважаемых. Для проведения очень важного следственного эксперимента!

То была, между прочим, интересная сцена. И многие учителя, наверное, дорого отдали бы, чтоб присутствовать при ней. Нет, это вам не санитарку выбирать и не ответственного за поливаемость цветов — голосуй за кого попало, лишь бы скорее домой.

Выбирали с пристрастием, с криками. Таня, словно настоящая учительница, спокойно стояла у окна.

Сережа Крамской смотрел на все, что происходит, и удивлялся: неужели это его класс, знакомый чуть не с рождения? Ему было почему-то неприятно, и он радовался, что не должен в этом участвовать...

А странное дело: хоть выборы и проходили совершенно безнадзорно, выбрали-то тех же самых — Серову Лену и Самсонову Лиду — старосту и председателя совета отряда. Причем никто этого не заметил. Потому что — а кого еще-то выбирать? Всем известные... Значит, и правильно сделали.

— А теперь до свидания, остальные!— громко сказала Таня.

Говоря по правде, ей не очень нравилось, что придется иметь дело с девчонками... Не из-за какого-то там «ухаживания», а просто с мальчишками у нее получается проще контакт... Хотя немного, наверное, и из-за «ухаживания». Кто тут разберется!

— Запомните,— сказала Таня.— Если история раньше времени выплывет наружу, все с вами сразу будет ясно!

Серова и Самсонова переглянулись. Старые противницы, они сидели сейчас за одной партой перед учительским столом, почти касаясь друг друга плечами.

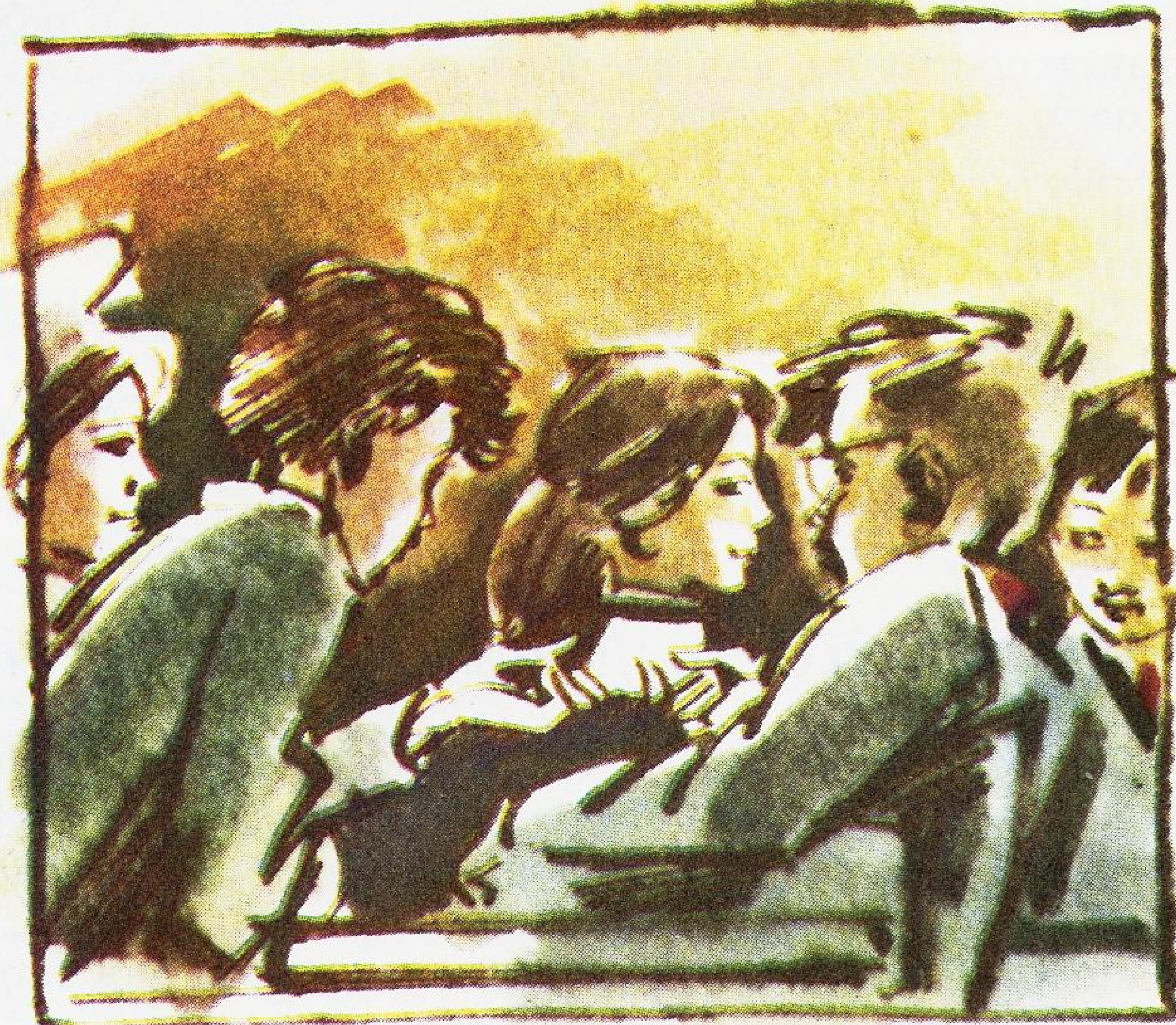
— Зачем ты так говоришь, Таня?— нахмурив брови, сказала Самсонова.— Чтобы нас обидеть? Мы с Леной совсем не такие люди!

— Я вас просто предупредила. И отправляйтесь на задание сразу.— Тут она проявила заботу о подчиненных:— По дороге где-нибудь поешьте.

Что говорить, в этом было очень много настоящей самостоятельной жизни! «Поешьте по дороге». Необычно и значительно.

Самсонова и Серова вышли из школы. Они чувствовали, что им любопытно друг с другом, что им о многом хотелось бы поговорить. И очень хорошо живется, когда не надо выслеживать другую и подсчитывать ее промахи.

— Давай ко мне зайдем,— сказала Лена.— Это же все равно по пути. Бутербродов возьмем и портфели оставим.

Лида молча кивнула. Ей любопытно было пойти на неведомую территорию, в такое матерое логово врага. И к тому же... неплохо, конечно, «где-нибудь поесть», но у нее совершенно не было денег.

Этим двум девочкам предстояло найти подходящую засаду в районе того магазина и следить, придет Алена или нет. А если не придет, то за десять минут до закрытия предъявить номерок и взять сумку.

— А мы что будем делать?— спросил Сережа.

— «Мы»?..— Таня улыбнулась. Но ведь наказание с Крамского было уже снято.— Ладно, хорошо. «Мы» будем следить за действиями Алены.

Звучало это неплохо. А, по существу, оказалось томительным и трудным делом. Они подошли к Алениному парадному. Напротив как раз была телефонная будка. Позвонили, убедились, что учительница их дома... Дальше?

— Будем осуществлять наружное наблюдение,— сказала Таня.— А там — по обстоятельствам.

Они пошли в дом напротив, поднялись на седьмой этаж. Отсюда, с лестничной площадки, был отличный обзор. Дверь Алениного подъезда как на ладони, не нужен никакой оптический прицел!

Но что дальше делать, неясно.

Скучать!

Входят-выходят люди. Никакой Алены нету.

— А ты что думал, детективная работа состоит из одних приключений?— сказала Таня.

Такие до грубых мозолей заезженные слова... И стало еще скучнее.

Не знали они, что Алена Робертовна стояла сейчас у окна в своей квартире и смотрела на тот же огромный, ничем не засаженный и не заставленный двор, по существу, пустырь, заключенный между четырьмя щитами окружавших его домов.

Алене показалось, что там мелькнули ребячьи фигурки — уж не ее ли учеников?.. А почему, собственно, ее? Мало ли детей ходит по улицам?

А еще она стояла так, в этой неопределенной позе, потому что ее одолевали сомнения... Прошло уже несколько дней, как пропал этот злосчастный журнал. Ситуация сложилась неприятная крайне, и от Алены Робертовны требовали, чтобы она как-то разбиралась!

В конце концов все это не так уж трудно было бы выяснить. Журнал такая вещь, которая всегда на виду. И поэтому можно дознаться, где и когда именно потерян его след.

Если уж не удастся вернуть журнал к исполнению его, так сказать, служебных обязанностей, то хотя бы надо выявить виновника и примерно его наказать.

Так считала заведующая учебной частью.

Алена же считала по-другому. Если журнал не вернуть (а явно, что его не вернуть, коли он не нашелся за четыре дня), надо ли вести дознание, припирать кого-то к стенке. Алена считала, что куда лучше будет устроить откровенный разговор со всем классом! Это же их общее: беда, вина... называй, как считаешь нужным.

И Алена все тянула с дознанием, пользуясь тем, что была у завуча бывшей ученицей и любимицей.

А учителя, которым без журнала, без оценок в конце четверти впору кричать «караул», требовали виновников. А уж одна-то виновница была, по их мнению, налицо — Алена Робертовна. Это она распустила класс до такого состояния, что журналы стали пропадать.

Вот такая прорисовывалась ситуация.

Но, кстати, и это еще не все! Главное... да, конечно, главное — она не верила сама себе! Несколько раз с ней случалось такое: она перекладывала или даже уносила совершенно посторонние, а то и вовсе не относящиеся к ней вещи.

Она даже один раз решила, что, может, ей стоит обратиться к врачу, что, может, это клептомания — такая болезнь, при которой человек непроизвольно хочет что-нибудь стащить. Хотя, правда, со школьными журналами у нее ничего подобного никогда не происходило...

Таня и Сережа прождали до шести часов, что, конечно, стоило им немалых нервов.

— Поможем Серовой и Самсоновой,— сказала Таня,— а то они могут растеряться... До скольких магазин?

— До семи.

— Молодец!— Она глянула на часы.— Как раз успеем.

— Тань, а может, предупредим Алену, что мы ее подозреваем? Она ведь рассеянная, ты же сама говоришь. Засунула его куда-нибудь и забыла.

— А тут испугается и вспомнит!— Таня засмеялась.

Они шли по длинному переходу на «Курскую-кольцевую», и некоторые даже оглянулись на Танин такой громкий и холодный смех.

— Тебе, Тань, как будто самое главное — ее поймать!

— А тебе?

— Мне? Журнал найти!

— А мне и то, и другое! Преступников никто по головке не гладит. Один ты собираешься.

Сережа промолчал. Ему жалко было Алену Робертовну. Такое от рождения имелось у него... как сказать?.. Свойство души, что ли?

Он умел представлять себя на месте того, кто попал в беду. А Таня вот не умела. Она шла к намеченной цели без **лишних сомнений.** Тоже такое свойство души...

Появились они, надо сказать, очень вовремя. Самсонова и Серова в решительную минуту заволновались, не сказали, чего им было приказано.

Старушка — выдавальщица сумок с большим сомнением взяла номерок. Еще бы, столько дней прошло! Они с этой сумкой бог знает как намучились, решили уж в милицию ее отдавать. И вдруг являются эти две девицы... А сзади напирал вечерний голодный и спешащий народ.

Здесь-то как раз в горячую точку и протиснулась Таня:

— Дело в том, понимаете, что у нас учительница заболела, а там лежат тетради с контрольной... Вы не верите, да? Так проверьте!— Таня быстро раскрыла Аленину сумку.

Это был, конечно, дерзкий шаг, при других обстоятельствах которых, ох, не простился бы... Но из переполненной сумки буквально хлынули школьные тетради. Все такие наивные, все таких зелено-сине-розовых тонов. У женщин, толпившихся вокруг события, сердце, что называется, защемило... А чем его в таких случаях защемливает? А, наверное, той самой дверью, за которой безвозвратно оставлено школьное детство — милое и чудесное... Особенно после того, как оно благополучно или относительно благополучно уходит из твоей жизни.

А Таня Садовничья, не теряя времени и пустив вперед Сережу, проталкивалась сквозь народ.

Остальные члены ее небольшого отряда — каждый со своей степенью незаметности — утирали, что, называется, холодный пот со лба.

Поздний звонок

Вечером, перед тем как пойти спать, Таня проанализировала истекший день и осталась им довольна...

И в то же время была какая-то недовольность, которая мешала ей спокойно лечь спать,— Сережины слова: мол, надо Алену предупредить... Выходит, он у нас такой дико добрый, а Таня, значит, получается злодейка?

Вот почему она и не могла никак по-настоящему подружиться с Крамским — он как-то не до конца разделял ее позицию.

И вот она сняла трубку, набрала номер. В голове мгновенно родился план... Что ж, будь по-твоему, я предупрежу...

— Ой, алё... Это Алена Робертовна?.. Извините, Алена Робертовна. Это Садовничья Татьяна, ваша ученица... Хотела позвонить в другое место, а машинально набрала ваш номер... Извините, пожалуйста. Спокойной ночи!— И разъединилась...

Алена медленно положила трубку, сделала почти беззвучным телевизор... Странный был, однако, звонок. «Собиралась в другое место, машинально ваш номер». Машинально? Это когда он все время у тебя на уме... А почему?

И девочка не совсем понятная. Несколько раз Алена ловила на себе ее взгляд. Такой оценивающий, что ли. Словно решает, иметь с ней дело или не иметь.

И еще сегодня что-то... сегодня...

А! На литературе. Ее вопрос про контрольные. Он ведь странный! Ребята не любят о контрольных узнавать, потому что боятся. И ждут — пусть сам учитель скажет. И даже, замечала Алена, жила в ее

учениках фантастическая надежда, что, может быть, «училка» и совсем забудет про контрольную.

А эта вдруг сама... Странно!

И Алена (она отлично помнила то свое состояние) хотела уже подшутить над такой небывалой решительностью... Да запнулась!

Вспомнила, что контрольная-то еще не проверена.

А где, кстати, тетради?

Хм... Абсолютно вылетело из головы. Как говорится, хоть убей...

Но на уроке думать о постороннем некогда. Там и растеряться-то некогда! И потом тоже не нашлось минутки призадуматься. Опять с завучем про этот журнал... В общем, за целый день она не вспомнила ни разу: как-то не раздавалось внутри сигналов беспокойства... Только вот теперь, этот случайный звонок...

Случайный ли?

Опять включила телевизор на нормальную громкость...Но действительно, где же все-таки тетради?

А-а! Вспомнила! Я их где-то оставила.

Проклятая рассеянность!

В какой-то камере хранения. Еще номерок болтался в кармане... Ну да, перчатки вынимала...

Как читатель может догадаться, в пальто — и нигде в другом месте! — номерка не оказалось. И Алена уже сама себе не верила: в этот раз он мелькнул перед глазами или прошлой осенью?.. Ужас был еще в том, что она будто даже вспомнила номер этого номерка — шестьдесят восемь...

Бред какой-то! Что за шестьдесят восемь?.. Журнал, теперь тетради...

Да была ли камера хранения? Если б знать! И если бы упомнить множество предметов, которые она в свое время потеряла, или у кого-то оставила, или, напротив, унесла!

Спать Алена Робертовна легла растревоженная. Ночью привиделось ей, как она ходит по каким-то коридорам и без конца рассказывает про исчезнувший журнал, пишет объяснения. А кругом бесконечно серый и тоскливый свет...

Таня удивлена

— Может быть, не все обратили внимание на мой вопрос... Который я спросила тогда у Алены...

Так начала Таня Садовничья свою речь... На самом деле она была уверена, что внимание обратили все. И ей, признаться, было странно заметить на их лицах **тупое,** именно так подумала Таня, тупое недоумение.

Но умный человек должен уметь прощать окружающим и непонятливость, и нелепость, и насмешку, под которой чаще всего скрывается самое обычное недопонимание... Примерно так думала Таня, и эти мысли помогали ей успокоиться.

— Я спросила у Алены, где тетради с контрольной... Вот что я спросила! А она сделала такое вот растерянное лицо... — И здесь Таня выложила на стол трехэтажную тетрадную стопку.

Это хорошо получилось — она могла судить по раскрывшимся ртам. Только помощник ее, Крамской, сидел как бы несколько равнодушный. Но ведь он все знал. Да еще Самсонова и Серова из разных концов класса светили на нее завистливыми глазами...

Извините, девочки! Хотите быть в центре внимания, думайте, соображайте, работайте! А не только живите прошлыми заслугами...

Зато уж остальные были действительно под ее гипнозом!

И здесь без шуток надо заметить, что в такие минуты человек в глазах очень многих становится — причем на всю жизнь — выдающейся личностью. И потом в семейных легендах, внукам своим будут эти шестиклассники рассказывать, что, мол, когда-то свела судьба с некой Таней Садовничьей. Что теперь с ней, не знаю, но уж, наверное, стала большим человеком!

И Таня в этим минуты особенно ясно чувствовала, как растет и мужает ее... знаменитость...

Знаменитость... А хорошо это или плохо?

Что здесь ответить? О купании в лучах славы мечтают многие. И, наверное, в принципе здесь ничего плохого нет. Но плохо, когда эти «многие» стремятся получить славы больше, чем им положено. За все, как известно, надо чем-то расплачиваться. И, между прочим, имейте, пожалуйста, в виду: расплата не жестокость какая-нибудь, не случайность неприятная. Она — как закон природы.

Но те, которые **стремятся получить хорошее во что бы то ни стало,** они часто расплачиваются чужим человеческим счастьем, или благополучием, или спокойствием. А бывает, и чужими человеческими жизнями. А что, говорит, я мог поделать? Это необходимо было для пользы дела...

Врет он!..

Спокойно и точно Таня изложила ход расследования. Лишь перескочила через взятый из Алениного кармана номерок. Способы успеха в конце концов не так уж и важны. Важен результат. А он лежал на столе.

— Я предлагаю устроить ей последнее испытание: положить тетради где-нибудь на видном месте — с намеком. И если она опять не признается про журнал, тогда — суд!

Такой настал момент — странный, качающийся на весах. Ученики шестого «А» теперь совсем не были уверены, что надо давать Алене этот последний шанс... Ну, правильно — неплохая училка... А зато суд! Как интересно суд провести — вы только подумайте!

И Таня, которая сама предложила этот последний шанс, предложила его лишь затем, чтобы потом ни один Крамской не обвинил ее в жестокости, в неблагородстве, на самом деле ничего не имела против немедленного процесса, и потому не стала останавливать народ, а лишь пожала плечами: мол, если вы так считаете и настаиваете...

— Я знаю хорошее место! — быстро сказал Сережа. — Надо проникнуть в учительскую, и там есть в углу вешалка деревянная рогатая. На нее повесить Аленину сумку... Давайте выберем, кто это может сделать. У нас три минуты времени!

Это все он проговорил одним залпом — чтобы не перебили. И еще успел в конце придумать про три минуты и про «давайте выберем» (по идее, самого смелого, самого находчивого), чтобы их отвлечь!

Особенно три минуты были, как сказали бы специалисты, точной психологической деталью... Народ сразу кинулся предлагать.

Только Таня поняла его ловкую политику. И подумала, что Крамской — совершенно заурядная личность. Ну, был по крайней мере. И вдруг такие точные удары! Откуда?

Надо с ним поговорить на эту тему, подумала Таня, как-то его прощупать. Или он притворялся, или он действительно так вырос...

Однако никакого разговора подобного между

ними не состоялось. Ни в тот день, ни после, никогда. Они разошлись, о чем мы вскоре узнаем. Разошлись — и презирая друг друга и сожалея о ссоре.

Таня так и не узнала, что на смелые поступки человека толкают не одни только решительность и воля. Смелым человека делает нередко и доброта... «Ну чего ты лезешь на рожон?! — ему говорят. — Не видишь, что ли!» А он — хоть ты убей — не может не заступиться... Хоть ты убей!

И случается, убивают...

Так должна бы перевестись доброта в роде человеческом. А она все не переводится!

Урок дзюдо

Значит, все-таки она сошла с ума! Магазин, наконец, явившийся в ее памяти так четко, что и не сказать... Старушка — приемщица сумок, ярко-синий платок на голове... Она все это помнила!

А тетради при этом спокойно висели на деревянном рожке старинной, отполированной миллионами шляп и пальто вешалке, невесть как попавшей в их новую железобетонную школу.

Алена опустилась на стул, боясь прикоснуться к сумке своей, словно к привидению. Она могла бы поклясться, что вчера здесь никакой сумки не было. Но кто же теперь поверит в ее клятвы?

Двух мнений быть не может, понимаешь ты?..

Алена Робертовна сняла злосчастную сумку, спустилась на первый этаж, вышла из школы.

Из окон своего класса ее округленную, постарушевшую спину видели ученики шестого «А».

— В милицию пошла! — пошутил Тренин. На эту его посредственную шутку откликнулись довольно дружно: сейчас звонок, а у них первым уроком как раз Алена. Значит, сорок пять минут полной свобо-

ды... Тем более никто ей ничего плохого-то не делал! Значит, и совесть чиста...

У автомата верхняя петля разболталась, и он как бы сам тянул к Алене руки. Делать нечего, подумала она, все равно предупредить надо. К телефону подошла завуч. По голосу и по невнятным ответам своей любимицы она поняла, что здесь каким-то образом опять замешан журнал.

— Ладно, не волнуйся, ступай отдохни...

И подумала: ну я, голубчики, с вами сейчас переговорю!

Она всегда приходила в школу к первому уроку, хоть даже если у нее самой был занят только второй или даже третий час. Это она делала (как сама же полушутя-полусерьезно признавалась себе) исключительно для собственного спокойствия: была уверена, что ничего плохого при ней в школе случиться не может.

Причем не обязательно она в эти свободные часы занималась чем-то учебным или педагогическим. Сейчас, например, она собиралась почитать «Новый мир», который ей дали на два дня... И вот, пожалуйста!

Поэтому завуч была настроена особенно решительно.

Шестой «А» это очень быстро почувствовал. Его колошматил крепко подкованный в своем деле человек, которого пять лет в институте учили, а потом еще долго жизнь учила этому так называемому «педагогическому дзюдо».

Что обычно делают в таких случаях? Молчат. По возможности стараются пропускать мимо ушей, про что там идет ругание, чтоб нервы зря не трепать... А Людмила Ивановна жестко продолжала гнуть свою линию. Ее, пожалуй, еще немного послушать, действительно уверишься, что они виновны в этом проклятом журнале... Бред какой-то, гипноз на ровном месте.

И вот по классу поползло открытое письмо: Серова Садовничьей... Еще было то удобно, что Серова сидела от Тани точно через весь класс по диагонали. Одна на первой парте у двери, другая — на последней у окна. Значит, каждый сможет ознакомиться с данным документом. А Лена Серова того и хотела:

«Садовничья Таня! Почему мы должны терпеть это, выслушивая, как рабы? Предлагаю смело встать и выложить наши доказательства и улики. Я даже могу это сделать сама! Е. Серова».

И приписка: «Пусть каждый прочитает и поставит свою подпись — «за» или «против».

Лист был разделен на две половины. И в половине «За» уже стояла одна подпись Мироновой — верной серовской оруженосихи.

Минут за десять до звонка письмо приползло к Тане. Причем в половине «За» было много подписей, а в половине «Против» — лишь малая запуганная стайка.

И все-таки решающее слово они оставили за Таней. Было чем погордиться. В таких случаях особенно хорошо, когда твой доверенный (ну и немного подчиненный) человек сам понимает это и сам тебе об этом говорит.

Дождешься от него!

«Доверенный человек» насупленно рассматривал листок, словно там могли быть еще изнанка, подкладка и тайные кармашки!

Ему можно рассматривать, он ничего не решает. А вот как поступить Тане?

Если она хочет укрепить свое положение в классе, надо соглашаться: зачем идти против всех?

Но здесь была одна существенная подробность: Серова, видите ли, «готова сделать сама». То есть готова взять себе... всю славу!

Таня посмотрела на список «Против»... правильно — Самсонова здесь. Потому что сообразила!

Этот вопрос надо было решать быстро и психологически точно! Дело никак нельзя выпускать из рук. Все подготовлено, все отлажено. Еще немного, и Татьяна Садовничья может получить известность не хуже самого Шерлока Холмса. Тем более она женщина!

Только надо аккуратно отмести всяких там Серовых, всяких там любительниц позариться на ее успех.

И поможет ей в этом насупленное доверенное лицо, несговорчивый Ватсон.

— Ну? Что ты думаешь?

— Сами же дали последнюю попытку... теперь отнимают! Она даже на урок не пошла!

— Правильно! — Таня вырвала лист из тетради по русскому. Написала: «Мы должны быть более честными в принятых решениях. Обещали дать ей последний шанс? Значит, так и надо поступать!» Пододвинула лист Сереже.

И опять поползла по рядам белая медленная молния... Кто видел, говорят, что шаровые молнии тоже так вот движутся — медленно и как бы нерешительно, словно чего-то выжидают или кого-то ищут...

Особенно долго над запиской сидела Самсонова. Почему? Неизвестно... И Таня Садовничья даже испугалась, что Лида сейчас встанет и... Тогда вся слава ей!

Но для таких поступков нужна решительность: настоящая, а не самсоновская. Так подумала Таня — с облегчением и с превосходством, — когда наконец записка отчалила от самсоновской парты.

До Серовой листок дойти не успел. Сорок пять минут кончились под грохот звонка... А Таня на то и рассчитывала!

Людмила Ивановна, завуч, тоже видела какое-то подозрительное шевеление во время урока. И, пожалуй, даже заметила, как однажды мелькнула с ряда на ряд свернутая вчетверо бумажная эстафета.

Но удержала себя, не подошла и не сказала непререкаемо: «Дай-ка сюда!» Чувствовала, что нарушит что-то важное и хрупкое...

Многие учителя, я уверен, не стали бы вдаваться в столь смутные рассуждения, а просто: «Дай-ка сюда!» Но Людмила Ивановна была не из таких. И Алена, как видим, недаром была ее любимой ученицей.

Когда раздался звонок, завуч как раз договаривала последнюю из приготовленных ею суровых фраз. И потом, уже на переменочном полушуме, вставании:

— Поймите, запомните: это сделал кто-то из вас! И лучше вам самим разобраться, чем...

Она сделала намеренную паузу, ожидая отклика. И дождалась.

— Найдем! — сказала Таня Садовничья. — Даю вам слово!

И вслед поднялся почти самолетный гул одобрительных голосов. Людмила Ивановна даже немного растерялась. Но, не выдав себя ни единым дрожанием в голосе, закончила:

— Сроку вам до завтрашнего классного часа!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Отряд говорит

Школьная реформа. Особое внимание трудовому воспитанию. Разве это проблемы только взрослых? А мы, школьники, не должны задуматься? Да нет, мы понимаем, что это не так. И, если не безразличные люди, стараемся определить для себя, что значит, скажем, воспитать себя в труде.

ВОСПИТАТЬ СЕБЯ В ТРУДЕ

Наверное, можно собрать больше всех металлолома, хорошо выполнить задание на уроке труда, добросовестно прополоть овощную грядку на совхозном поле, что само по себе похвально, НО почувствовать, что трудиться не очень хочется. И лучше бы... Бывает? Бывает.

Воспитать себя в труде — скорее всего воспитать в себе потребность трудиться. Научить себя еще в школьные годы видеть, где ты нужнее. Суметь делать полезную для окружающих работу с интересом и радостью. Тогда есть надежда вырасти не только исполнителем, но и творцом. Отвечающим за свои поступки человеком, умеющим действовать радостно. Труд, в котором проходит большая часть жизни, должен приносить радость. Делать человека счастливым...

Думал ли ТЫ об этом? Говорил ли об этом ТВОЙ ОТРЯД?

Вероятно, первый вопрос, который мы зададим себе, будет таким: С ЧЕГО НАЧАТЬ? И ответ придет, пусть не сразу, но все же: С САМОГО СЕБЯ. Попробуй поискать внутри себя ЖЕЛАНИЕ. Что тебе больше всего ХОЧЕТСЯ, НРАВИТСЯ делать? И еще: оглянись, что НЕОБХОДИМО людям рядом с тобою. Делать то, что порадует других, так же счастливо, как и то, что ты делаешь для своего удовольствия. Не замечал? Вот если бы это СОВПАЛО — желание и необходимость, тогда получаешь УДОВЛЕТВОРЕНИЕ. Ты делал то, что тебе доставляет радость, и радовал своим трудом других. Всегда ли так возможно? ЭТОМУ НАДО НАУЧИТЬСЯ.

КАК? Не надейся, что мы напечатаем готовенький рецепт. Рецепты выписывают больным. А ты же здоров. Здоровому нормальному человеку точные рецепты действий вредят: они притупляют мысль, ослабляют волю. Мы просто расскажем тебе об опыте ребят из ЛИТВЫ, а ты примеришь к себе: подходит ли? ЗАДУМАЕШЬСЯ — это главное. Это начало всякого ДЕЙСТВИЯ.

Итак, ЛЕТОМ, а лето очень удобное время для того, чтобы испытывать себя в новом деле, в поступке, в поиске, ЛЕТОМ некоторые ребята Вильнюса, Каунаса, Тракая ИДУТ РАБОТАТЬ В СФЕРУ ОБСЛУЖИВАНИЯ.

ЛЕТОМ в сфере обслуживания так НЕОБХОДИМЫ дополнительные рабочие руки.

В детских садах и яслях воспитатели уходят в отпуск, а с детьми нужно много гулять, вывозить их за город. Да и дети, освободившись от многих одежек, становятся подвижнее — тут за ними глаз да глаз! В дома отдыха и санатории в летнее отпускное время собираются отдыхающие со всей страны. Всех нужно хорошо накормить, посуду перемыть, на кухне овощи почистить, в комнатах прибрать, территорию привести в порядок, украсить. Кто откажется в такое время от помощников в домах отдыха и санаториях? А разве не нужны ловкие, трудолюбивые руки в теплицах, на грядках, где выращивают цветы для городских улиц и наших квартир и овощи, которые мы все так любим? И переписываются летом всегда больше: мы путешествуем и пишем домой. И грузы тоже передвигаются по стране непрестанно, стараясь перебраться в места назначения в теплое летнее время. На почтовых отделениях не откажутся от людей, умеющих быть полезными делу.

А мы, школьники, ХОТИМ испытать себя в деле? ХОТИМ понять, что такое настоящая взрослая работа? ХОТИМ знать, на что мы способны? Что НРАВИТСЯ, а что совершенно НЕ НРАВИТСЯ нам делать? ЛЕТОМ

с отрядом

мы можем проверить, в каком деле СОВПАДАЕТ наше ЖЕЛАНИЕ и НЕОБХОДИМОСТЬ. Попробовать ПОРАДОВАТЬСЯ работе и ПОРАДОВАТЬ ею других, ПРИНЕСТИ ПОЛЬЗУ себе и людям.*

***У 36-й школы г. ВИЛЬНЮСА** давняя дружба с детскими садами №№ 122, 127, 124, 134. Дружба, но и деловые отношения. Школа и детские сады заключают договор. И по этому договору ребята летом работают в детских садах, а детские сады платят им за работу как взрослым.*

Марина АЛФИМОВА заканчивает десятый класс. У нее уже многолетний опыт такой работы. И вот что она рассказывает: «Мне казалось, что я люблю детей, нравилось возиться с малышами. У моей старшей сестры двое ребят, Алешка и Ирочка. Я с ними играла. Но когда стала всерьез думать о том, чтобы после школы поступить в Шяуляйский институт методики и педагогики начального обучения и дошкольного воспитания, то решила прежде проверить себя. Летом, начиная с восьмого класса, шла работать в детский сад. Вы спросите, а отдыхать когда же? Во-первых, я работала только один летний месяц. А во-вторых, я на практике поняла, что перемена занятий — тоже в своем роде отдых.

В мои обязанности входило убирать комнаты, спальни детей. Мыть после еды посуду. Следить за порядком и чистотой. Но всякий раз на меня смотрели детские глаза. И мне хотелось отвечать им добрым взглядом и улыбкой. Я помогала воспитателям одевать детей на прогулку и гулять с ними, стала придумывать для своих подопечных разные игры. Училась говорить с ними и отвечать на их вопросы. Постепенно я научилась различать характеры. Один Дима, белокурый, с задорным хохолком на макушке и широко раскрытыми голубыми глазами, любил петь песни и руководить другими. В нем жил талант организатора. Другой Дима, темненький, с задумчивыми карими глазами, читал стихи, галантно ухаживал за девочками и защищал их. Он всех умел защищать и улаживать любой спор, и прекращать драку, и мирить. У него был такой дар. Через какое-то время я поняла, что, умело используя способности, наклонности ребят, лучшее в каждом из них, можно все это обращать на пользу всему коллективу. И однажды, по воле случая оставшись одна с двумя группами, старшей и малышовой, я нашла прекрасных и неожиданных помощников в двух Димах. Они ловко настроили всех помогать мне с малышами.

Летний труд в детском саду оказался нелегким, но для меня подходящим. Я часто задерживалась на работе допоздна, а иногда и дежурила вместо ночной няни. СВОЕ ДЕЛО не в тягость. Не помешали нашей семье и заработанные мною деньги. Это тоже приятно».

Таня ЖЕЛЕЗНОВА, Павел БОРТАШЕВИЧ, Саша МИСАНЮК, Игорь ХОМЕНКО: «Мы шестиклассники. В нашей школе все, кто хочет потом работать летом в детских садах, с пятого-шестого класса начиная, весь учебный год ходят помогать воспитателям. Мы с ребятами играем, на уроках труда делаем для них игрушки. Мы читаем им книжки, показываем спектакли. Помогаем на прогулках: катаемся с ними с горки, запускаем вместе модели, отправляем в плавание бумажные кораблики. Это практика».

***А у ребят из 2-й школы г. ТРАКАЯ** практика другая. В Тракае — старинный средневековый замок, красивые озера, спортивные базы. Летом в Тракае много отдыхающих, спортсменов, туристов. У 2-й школы деловой договор с комбинатом коммунальных предприятий и с домом отдыха.*

Аудрюс ПИЛЬЧИЦАС: «Мне ХОТЕЛОСЬ попробовать свои силы. Смогу ли я работать несколько часов подряд. Не будет ли тяжело мне бросать вилами на машину собранную девчонками скошенную траву? Как достаются деньги? Что чувствует человек, заработавший деньги?»

Диана ПОЛУБИНСКАЙТЕ: «Все это верно. Но еще мы думали о том, что НАДО помочь взрослым принарядить Тракай к приезду летних гостей. Комбинат поручил нам очистить город от мусора, от ненужной травы. Мы помогали подрезать кустарники, сажать цветы, поправлять клумбы. Заработанные деньги я не потратила. Я положила их в копилку, чтобы этим летом заработать еще и купить магнитофон. Не хочу просить у родителей».

Аудрюс ПИЛЬЧИЦАС: «А я сразу купил себе летние ботинки, какие давно хотел. Остальные деньги отдал маме. Мне было так приятно, когда мама меня поблагодарила. Мне оказалось приятной похвала работников комбината. И приятно было сознавать, что есть и твоя доля труда в благоустройстве города. Нам хотелось, чтобы все нашим городом восторгались».

Бируте ШУЛАЙТИТЕ, Виргиния ПОШКЕЙТЕ, Виргиниюс КАЙРИС: «Три года мы, человек двадцать пять — отряд, идем ле-

101459, ГСП, Москва
Бумажный проезд, 14, 11 этаж
«Отряд говорит с отрядом»

том работать в дом отдыха. Горничными, судомойками — девочки. Дворниками, грузчиками — мальчики. Работа нелегкая и не всегда приятная. Почему же так трудно попасть в отряд? Конкурс, споры — и попадают лучшие. Мы задавали себе этот вопрос. И думаем, что от этой работы получаешь удовлетворение. Пусть она нелегкая, но такая нужная. Люди будут жить в чистых, красивых, удобных комнатах. Есть вкусную, красиво и вовремя (вовремя!) поданную еду. Гулять в чистом, красивом парке среди цветов и зелени. И во многом это зависит от нас. Как мы чистим на кухне овощи, как быстро разгружаем машину с продуктами, как ухаживаем за парком и комнатами. А кто эти люди — отдыхающие? Ветераны войны и труда, очень много ветеранов. Передовиков производства, колхозников. Им после отдыха снова возвращаться к работе. Важно, как они отдохнут. А ветераны, если хорошо отдохнут, поживут подольше, меньше станут болеть. Это сознавать радостно.

Мы готовимся к летней работе загодя. Готовим для отдыхающих концертные программы, веселые, смешные газеты, наглядную агитацию, сувениры. Отдавать, дарить приятно. Но и получаем мы от своих новых друзей немало. Они рассказывают нам о своей жизни, о своих профессиях, о войне. Где и как еще мы бы увидели столько интересных людей, узнали больше о жизни, о разных профессиях?

На заработанные деньги большинство из нас поехало в следующий месяц лета отдыхать в Палангу, Ленинград, Москву. Кто-то на заработанные деньги исполнил заветное желание, кто-то помог семье. Труд в доме отдыха становится для нас школой жизни, помогает понять себя».

Школа № 19 г. КАУНАСА *заключает договоры с почтой и трестом озеленения города. По этому договору ребята за свою работу денег не получают. На те деньги, что они зарабатывают, почта и трест озеленения кормят их завтраками и обедами до и после работы. После работы на автобусах возят на экскурсии, иногда даже в окрестности города или вот, к примеру, в Тракай, в Вильнюс. Оформляют в школе актовый и спортивный залы. Такая договоренность.*

Сергей БАРТОШ, Анатолий ШВАЧКО, Наталья ВИНГЯВИЧУТЕ: «На почте мы наклеиваем марки на открытки. За смену нужно подготовить 500 открыток для продажи. Еще мы заполняем по 50 телеграмм, так называемых производственных. Они предваряют отправление грузов, разных деловых перевозок. Тут требуется пристальное внимание и большое терпение. Эта работа не всем нравится и не всем удается. В колхозе работать сложнее, но веселее. Зато здесь хорошо воспитываешь свой характер, приучаешь себя к усидчивости, терпению. Еще радуешься оттого, что знаешь: твоя работа поможет благоустроить залы в школе для всех ребят, да и для почты польза».

Анжела КЛАСТАУСКАЙТЕ, Елена ПЕТРОВА: «Трест озеленения поручает нам полоть цветы на грядках и в теплицах. Астры, гвоздику, которым нужно много тепла и летом держат под стеклом. Прополка — работа трудная. Полют в перчатках. Три-четыре полосы цветов пройдешь и чувствуешь — спину ломит. А на солнце и вовсе устаешь. Без сноровки, обрезая розовые кусты, сильно поцарапали руки. В волосах застряли листья. Пчелы, осы не давали покоя. Постепенно приспособились. Волосы стали завязывать, руки прикрывать рукавами, да и под куст, чтобы его окучить, подбирались с лопатой, у которой ручка подлиннее. Зато, когда видели, как покупают люди цветы, думали: может, это наши? И радовались. Еще наши цветы участвовали в выставке цветов. Столько из них сделали прекрасных композиций! Прямо произведения искусства. Но главное, мы почувствовали себя увереннее, сильнее. Наверное, это самый лучший способ выбрать свое место в жизни, найти свое дело. Чтобы не отрабатывать, а работать с радостью. В работе, в деле лучше видишь людей. Учишься разбираться в людях, находить общий язык и с теми, кто нравится, и с тем, кто не нравится. Это тоже в жизни важно. Лето дает возможность видеть ребят в непривычной обстановке, другими. Те, кто не очень успевает в учебе, порою хорошо проявляют себя в летнем труде, к ним начинают лучше относиться в коллективе. Вообще летняя работа вместе очень многое дает для коллектива. Для отряда».

Вот что рассказали нам ребята из Вильнюса, Тракая, Каунаса.

Что думаешь об этом ТЫ? Твой пионерский ОТРЯД? Поделитесь своим опытом. Расскажите, как вы проводите ЛЕТО. Как ВОСПИТЫВАЕТЕ СЕБЯ В ТРУДЕ?

На борту «Кораблика» — участники литературного конкурса «Я голосую за мир». Этот конкурс, посвященный XII Всемирному фестивалю молодежи и студентов, провели белорусские школьники, ученики средней школы поселка Воропаево (Витебская область, Поставский район).

Сергей ЯКИМОВИЧ, 6 класс «Б».

Пусть будет так!

Пусть солнце нам светит,
Пусть реки текут,
Пусть мамочки наши
Нам булки пекут.
А папы пусть пашут
И сеют зерно...

Землю разрушить
Никому не дано.

Нина МАТЮШОНОК, 7 класс «А».

Я голосую

Я хочу, чтобы люди спокойно
Ложились, вставали,
Чтобы песни о счастье
С утра не смолкали,
Чтобы люди все жили
В любви и согласье...

Я голосую за мир
И за светлое счастье.

Алена МАШНИЧ, 6 класс «Б».

Солнышко светит

Солнышко светит
Над нами весеннее,
Идем мы по жизни
Дорогою Ленина.
И пусть эхом несется
По нашей планете:
— За мир голосуют
Советские дети!

Второй гость «Кораблика» — литературная студия «Изюминка» из украинского города Желтые Воды. Ребята этой студии тоже посвящают стихи XII Всемирному фестивалю.

Игорь КРАВЧЕНКО перешел в 6 класс школы № 10.

Нам нужен мир

Нам нужен мир
На голубой планете.
Его хотят
И взрослые и дети.
Им хочется, проснувшись
на рассвете,
Не вспоминать,
Не думать о войне!
Нам нужен мир, чтоб строить
города,
Сажать деревья и работать в поле.
Его хотят все люди доброй воли.

Нам нужен мир
Навеки! Навсегда!

В той же школе учится Люда СИНЕНКО.

Для всей Земли

Шумят деревья,
солнце светит,
Цветут тюльпаны, резеда.
Но не всегда на свете
дети
Живут счастли́во.
Не всегда.

И чтоб земля благоухала,
Смеялись дети и росли,
Одних желаний наших
мало,
Нам нужно мир сберечь
сначала.
Для всех людей,
Для всей Земли!

Алла КОРЕНЕВА закончила 8-й класс школы № 11.

Берегите детей!

Рвутся снаряды,
И пули свистят.
Гибнет под пулями
Много ребят.
Тянутся дети
К солнцу и свету.
Люди, боритесь
За мир на планете!

«СТРОИТЕЛИ».
Рисунок Вани МАЗУРЕНКО, 10 лет.

БАЗАР СОЛИДАРНОСТИ

У каждого Всемирного фестиваля, начиная с первого в златой Праге и кончая одиннадцатым в солнечной Гаване, свои неповторимые приметы, обычаи, краски. На пражском впервые прозвучал «Гимн демократической молодежи». И с тех пор эта песня борьбы, солидарности, дружбы юности планеты звучит на молодежных форумах. На Гаванском фестивале всем запомнился яркий, темпераментный карнавал на Малеконе — набережной столицы Кубы. Сотни сверкающих символических кораблей, расцвеченных огнями, проплыли по набережной, тысячи танцующих и поющих юношей и девушек со всего света нескончаемым потоком двигались по улицам Гаваны. А каким замечательным был костюмированный карнавал в Софии! Даже летняя гроза не помешала ему. Вспомним грандиозное открытие фестиваля в Москве в 1957 году. Колонну автобусов с делегатами буквально захватили в плен жители нашей столицы. Повсюду гремели песни, возникали стихийные митинги. Открытие фестиваля задержалось... на целый час.

Но уже с первого Всемирного фестиваля стали рождаться фестивальные традиции. Зеленеют в столицах всемирных встреч молодежи фестивальные парки, скверы, аллеи. Это традиция. На международном трибунале молодежь обвиняет империализм. Это традиция. Проходят встречи по интересам, работают национальные клубы молодежи, детский центр. Это традиция. И еще одна — проведение базара или ярмарки солидарности.

...Каждое утро тысячи берлинцев и делегатов со всех пяти континентов шли к телевизионной башне, которую видно из любого уголка Берлина. Здесь работал Центр солидарности. Все, кто приходил сюда, могли посмотреть фильмы, фотографии, плакаты, выставки, рассказывающие о солидарности молодежи мира. Коллекционеры обменивались марками, покупали открытки и плакаты. В одном из залов была открыта «фабрика игрушек». Каждый из подготовленных уже деталей мог смастерить деревянные куклы для вьетнамских детей или фонари для борцов за свободу в Мозамбике и Анголе.

Позади телевизионной башни разместились красочно оформленные ларьки. Здесь шумел настоящий базар. За прилавками — лучшие молодые продавцы ГДР, их помощники — мальчики и девочки в пионерских галстуках. Торговля шла бойко. Только за первый час работы было продано две тысячи сувениров!

Чего только не было на базаре солидарности! Плюшевые мишки — символ Берлина, которых изготовили пионеры-тельмановцы, ковры и настенные коврики из Ирана, бразильские кольца и сандалии, русские матрешки. Но на базаре продавался и необычный «товар» — ваза, сделанная заключенными патриотами из Саудовской Аравии, сувениры, изготовленные греческими патриотами и бойцами Вьетнама. Всем хотелось купить алюминиевый перстень. У тех перстней — легендарная судьба. Все они (а их было тысячи) изготовлены из материала сбитых бомбардировщиков США, которые варварски бомбили вьетнамскую землю.

Все средства, вырученные на базаре солидарности в Берлине, были перечислены в фонд строительства детского госпиталя в Ханое.

Пройдут базары солидарности и на Московском фестивале — на улицах, в парках столицы, в молодежных клубах. На базарах будут продаваться самые разнообразные сувениры, изготовленные молодежью страны. Туда будут переданы и сувениры, которые читатели «Пионера» изготовили и прислали в редакцию.

В канун XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве в пионерских дружинах, домах и дворцах пионеров, в пионерских лагерях проходят базары солидарности. Их проводят советы дружин, городские и районные штабы пионеров. Они назначают казначеев базара, продавцов, отборочную комиссию, которая из представленных сувениров отбирает лучшие для базара солидарности. Все средства, вырученные на базаре, перечислятся на специальный фестивальный счет: 700140 в управлении по кассовому исполнению Госбюджета СССР правления Госбанка СССР.

Желаем успеха базару солидарности и ждем ваших рассказов о том, как базар солидарности прошел в вашей дружине.

Малая

Пионерская
Энциклопедия

Татьяна КОТЕНЕВА

Прощание с «Орленком»

Не счесть зареванных носов.
Настал прощанья час.
Полчемодана адресов
У каждого из нас.

Что адреса! Я был бы рад
Забрать с собою весь отряд.
Я всех бы пригласил домой,
И в том числе девчонок.
Но как мне увезти с собой
Всего тебя, «Орленок»!

Уже дорога кружит нас —
Последний вальс,
Прощальный вальс.
Но я еще увидеть смог
Кусочек моря, лоскуток.
Он между скал мелькал,
Как флаг,
Как голубой ладони взмах!

Мы уезжаем. Вот сейчас
В последний раз
Махнет Кавказ
Нам вслед платком зеленым...
И пусть спешит автобус,
Пусть!
Я постараюсь,
Я добьюсь,
Я все равно к тебе вернусь!
Ты жди меня, «Орленок»!

Владимир СТЕПАНОВ

Утренних зорь часовой

Лето ушло, убежало,
Скрылось за желтой листвой.
Но не грусти, запевала —
Утренних зорь часовой.

Видишь, как прежде, на мачте
Наш развевается флаг.
Пой нам о дружбе и счастье,
Пой о ромашках в лугах.
Пой нам! И лето, как эхо
Песни счастливой твоей,

К нам возвратится с рассветом
Теплым простором полей.

Дымом походных привалов
Пахнет осенний настой.
Не отнимай, запевала,
Губ от зари золотой.

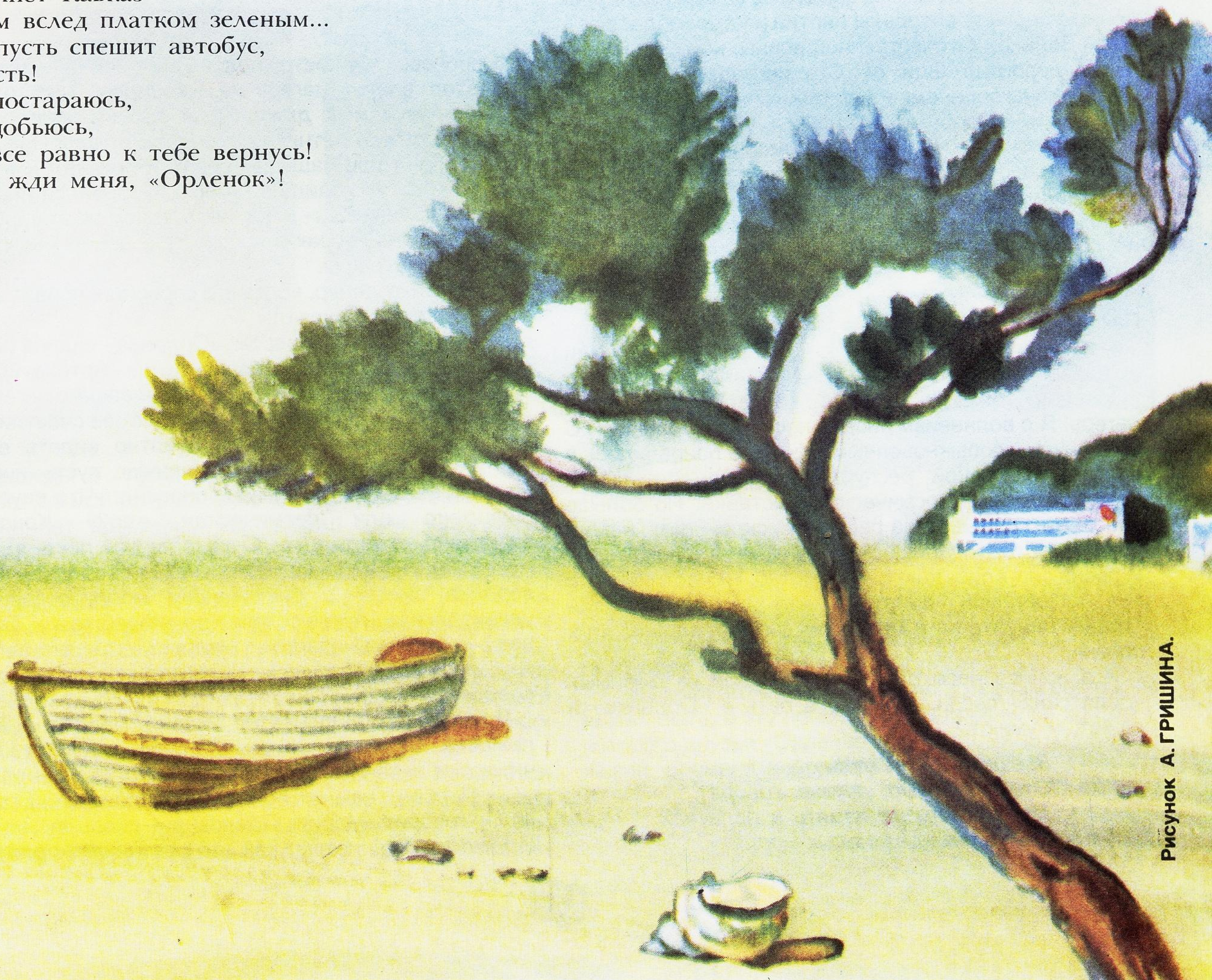
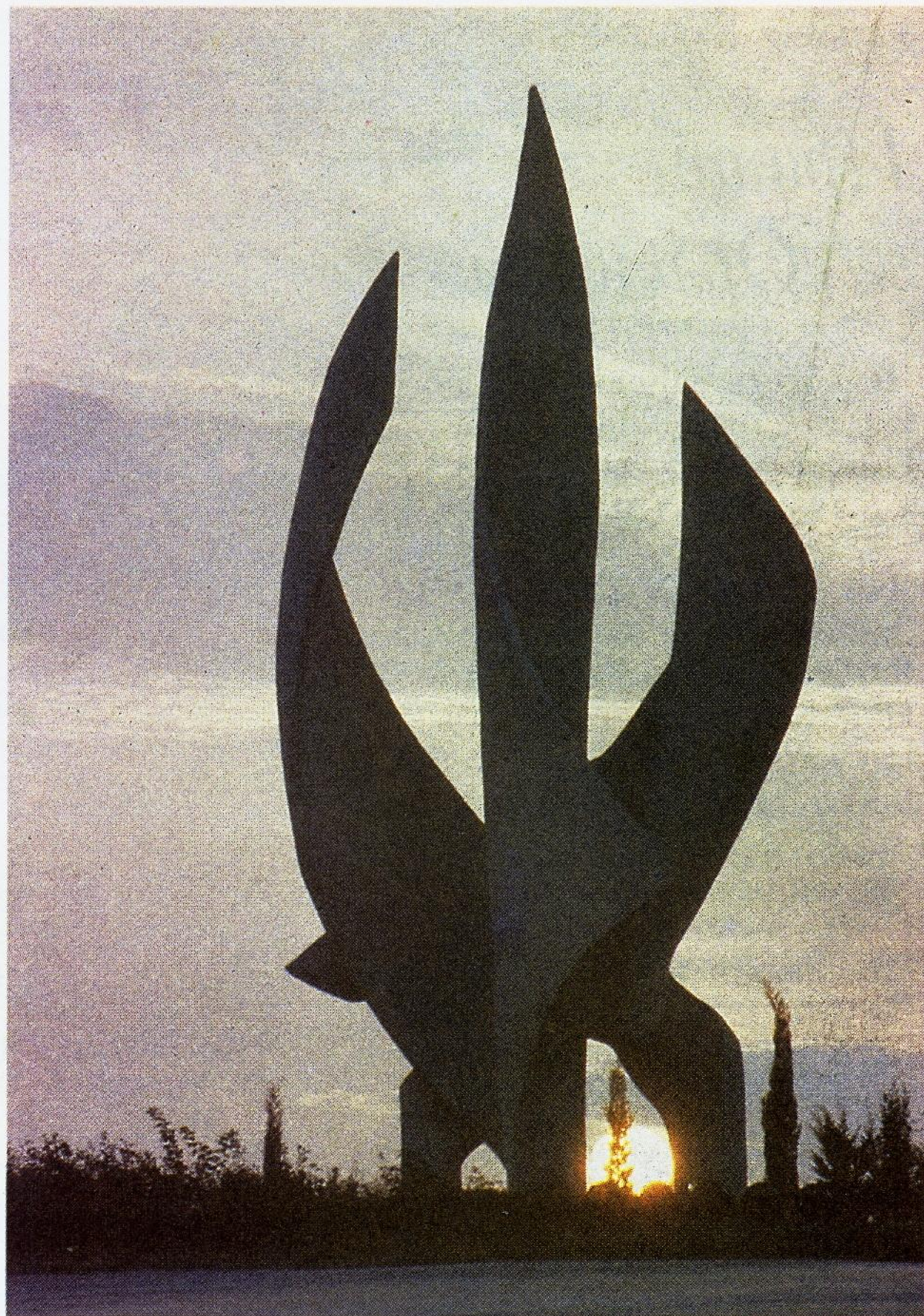

Рисунок А. ГРИШИНА.

Всероссийскому пионерскому лагерю «Орленок» — 25 лет

«ОРЛЕНОК» НАБИРАЕТ ВЫСОТУ

Найдите на карте Советского Союза город-герой Новороссийск, а рядом — Туапсе. Вот здесь, во Всероссийском лагере «Орленок», отдыхают пионеры со всех концов России. По-разному добираются в «Орленок» ребята, но каждый едет сюда не случайно. Потому что путевка в этот лагерь — пионерская и комсомольская награда. За смелость и мужество, за трудолюбие и прилежание, за доброту, за умение приходить на помощь человеку, который попал в беду, за благородство и рыцарство посылают в «Орленок» ребят. Посылают для того, чтобы они крепко подружились, ближе узнали друг друга, секреты пионерского и комсомольского мастерства. А еще для того, чтобы могли они встретиться с удивительными людьми — друзьями гордого «Орленка». А верных друзей «орлятам» не занимать. Среди них — убеленные сединой ветераны партии и комсомола, ветераны Великой Отечественной войны, которые огненными дорогами шли от Сталинграда к Берлину, награждены орденами и медалями Родины. Среди них знатные хлеборобы и металлурги, ученые и инженеры. И, конечно, писатели, композиторы, поэты и художники.

...Вдалеке плещется море. Вечереет. На лагерь сползают сумерки. Горит костер. А у костра вожатые и «орлята». Они, затаив дыхание, слушают своих гостей.

«Когда меня спрашивают, — говорит Александра Пахмутова, любимый композитор детей и молодежи, — какой я лагерь люблю больше, «Артек» или «Орленок», я всегда смущаюсь. И «Артек» я люблю, и «Орленок» тоже. Но, пожалуй, первая любовь — ваш лагерь. Я с волнением писала песни об «Орленке». С волнением необыкновенным. Мне все понравилось в вашей пионерской республике. И замечательный пляж, и море, и космическая выставка. Но больше всего — открытые лица ребят, их искренность, непринужденность, товарищеские отношения с вожатыми. И песни слагались как-то незаметно. Я счастлива, что они полюбились «орлятам», что их поют по всей стране. Давайте-ка и мы споем сегодня одну из этих песен».

И в ночное небо летят слова одной из любимых «орлятских» песен. Что-что, а петь в «Орленке» и любят, и умеют.

Звездопад, звездопад...
Это к счастью, друзья, говорят.
Мы оставим на память в палатках
Эту песню для новых «орлят».

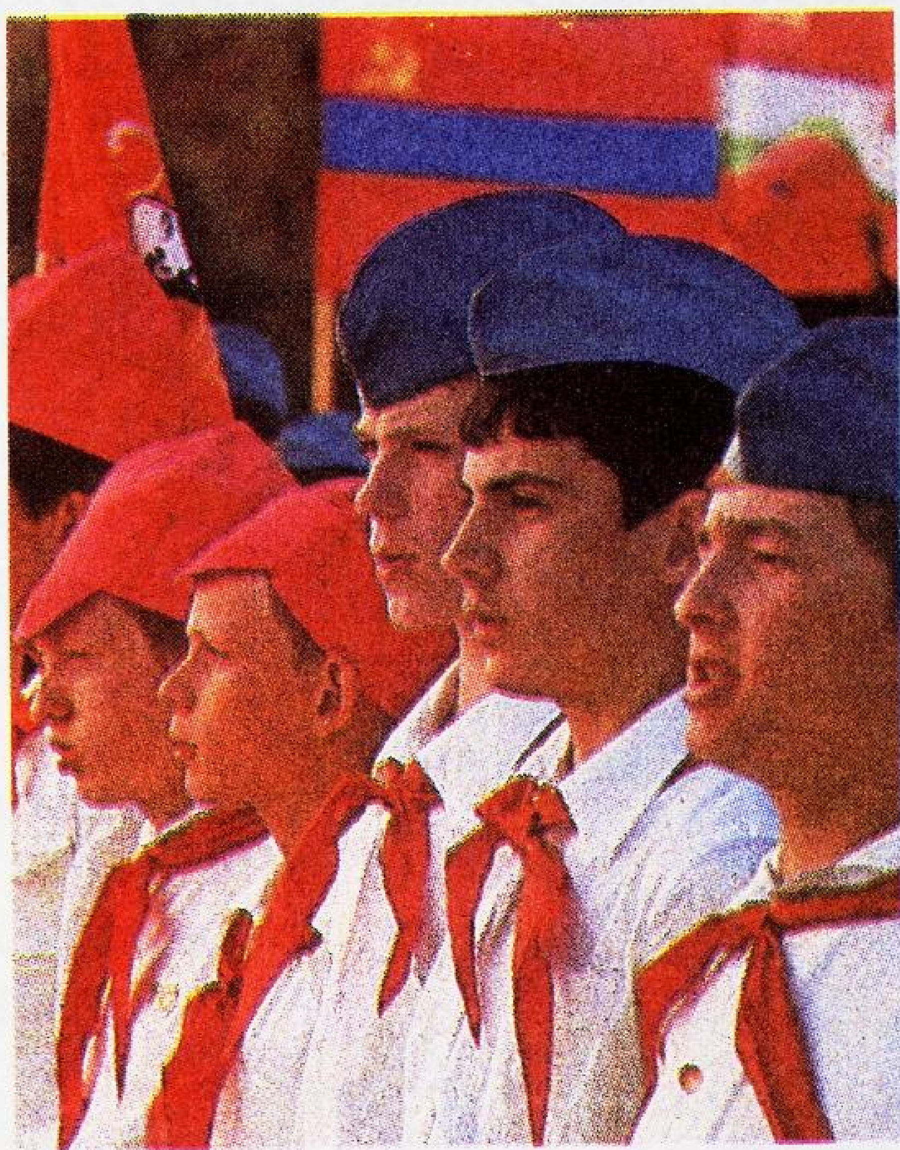
К пионерскому костру подсел высокий человек. Он прилетел в этот лагерь из... космоса. Только что закончился самый длительный космический полет того времени. И летчик-космонавт Виталий Севастьянов принял приглашение ребят и приехал к ним в гости. Он долго ходил по лагерю, любовался рассветом над «Орленком», с удовольствием разговаривал с ребятами на сборах и просто так, давал многочисленные автографы.

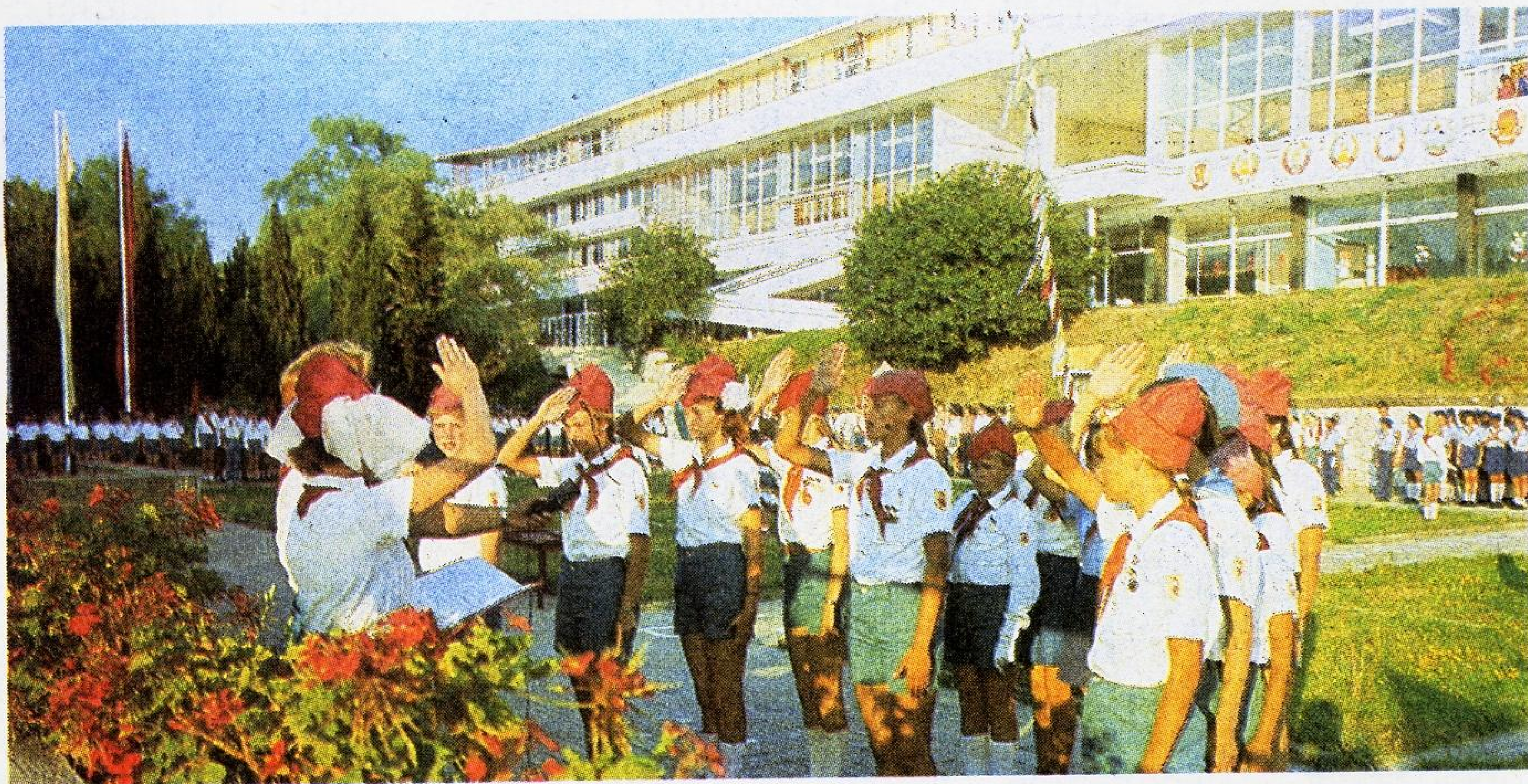
И вот в тот вечер, когда его спросили, нравится ли ему «Орленок», сказал:

— Когда я был пионером, «Орленка» еще не было. Мне не посчастливилось побывать и в «Артеке», и вот в эти дни, когда я хожу по дорожкам вашего лагеря, я возвращаюсь в детство. Оно у вас более счастливое, чем было у меня. И очень приятно видеть ваши улыбки, отвечать на ваши вопросы, пусть иногда наивные. Один мальчик меня спросил: «Что вкуснее, бифштекс или космическая еда?» Конечно, бифштекс, ответил я. К сожалению, пока в космосе нельзя его зажарить на сковородке. Сковородка вместе с бифштексом могут совершить удивительное путешествие по кораблю... «Орленок» — чудесный лагерь. Уверен, что кто-нибудь из «орлят» в будущем обязательно побывает в космосе.

В разговор включается Мария Павловна Прилежаева. Ее книгу «Жизнь Ленина» и другие книги читают и перечитывают многие поколения «орлят».

— Первое, чем я поинтересовалась в «Орленке», — говорит Мария Павловна, — сколько книг в библиотеке? А потом: как читают книги «орлята»?

Однажды в «Артеке» я была огорчена, услышав в ответ на мой вопрос такие слова: «Для чтения книг у меня нет времени». Так сказал один мальчик. В «Орленке» на этот же вопрос мне отвечали: «Прочитал две книги, прочитал три книги, прочитал несколько журналов...» Хорошо, что «орлята» учатся не только горнить и барабанить (а это тоже нужно), но и читать, размышлять над прочитанным. Думаю, когда-нибудь в «Орленке» будет громадная библиотека и в этой библиотеке — специальная полка, на которой будут стоять книги с автографами всех детских писателей нашей страны.

Тихо горит костер. Потрескивают сучья. Не хочется расходиться. Хочется еще послушать людей, которые называют себя друзьями «Орленка».

Илью Френкеля, замечательного советского композитора, знают все. И он включается в этот непринужденный разговор:

— «Орленок» — песенная республика. Здесь поют разные песни, но мне нравится, что в почете у «орлят» песни мужественные, песни звонкие, песни о гражданской войне и песни о революции. Такие песни любил Гайдар. И очень хорошо, что песня об отважном «Орленке» — одна из любимых у ребят. Пусть же она зовет их всегда к подвигу.

...Догорел огонь. Разошлись по корпусам ребята. И, может быть, в эту ночь им снова приснился костер, у которого друзья «Орленка» говорят с ними о лагере, о жизни, времени и о себе.

С. ФУРИН

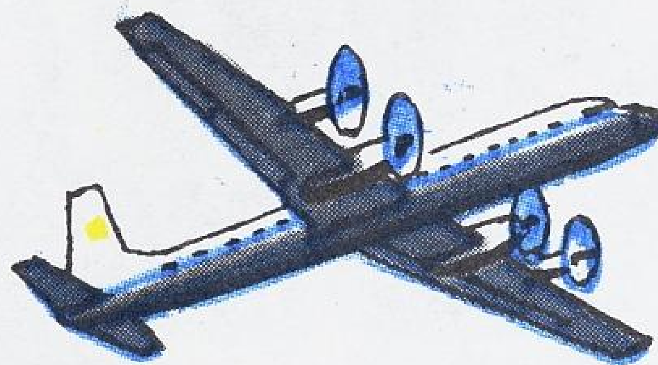
Фотографии М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

Анатолий МАРКУША

ГОЛУБАЯ РАПСОДИЯ

ГЛАВЫ ИЗ НОВОЙ КНИГИ

Продолжение. Начало в № 6.

Рисунки Н. ЕРМОЛАЕВА.

Все дальше, все быстрее

Самолеты летали все дальше, все быстрее. Какой ценой, однако, давались эти успехи? Вот отчет Анри Фармана о его первом междугородном перелете: Шалон — Реймс:

«Признаюсь, вначале я был смущен и даже волновался — что-то ожидает меня впереди, там, где столько препятствий? Могу ли я быть спокойным, рассчитывая только на устойчивость своего аппарата и исправность его мотора?

Эти сомнения не совсем оставили меня и в первые минуты, когда я уже в воздухе. В начале пути я летел над полем. При спокойной атмосфере все шло хорошо. Но вот около селения Мурмелон показалась группа высоких тополей. Как быть? Тополи угрожающе вырастают. Испуганные вороны крикливой стаей снимаются с деревьев и улетают в сторону.

Тополи уже в тридцати метрах от меня. Как обойти их? Справа? Или лучше слева? А рощица не так мала, пожалуй, метров пятьдесят... Надо решаться. Небольшое движение рулем высоты, и мой аппарат послушно поднимается над препятствием. Озираюсь вниз не без волнения и с удовольствием убеждаюсь, что верхушки деревьев не были задеты. Прекрасно! Летим дальше.

Однако спокойствие не было продолжительным. Впереди вырастают жилые строения и — что еще хуже — высокая мельница. Ну, думаю, была не была! Умирают только раз...»

Фарман благополучно долетел до цели, покрыв, как писали газеты, «в этот исторический день» 27 километров за 20 минут.

До 1912 года в авиационных катастрофах погибли 155 мужчин и 3 женщины. В 1908 году одна катастрофа приходилась на 1600 налетанных километров, в 1910-м километраж возрос до 32 180, а в 1912-м — до 172 163 километров. Самолеты явно становились надежнее. (Для сравнения: в 1960 году одна катастрофа приходилась на 125 миллионов налетанных километров.)

Несколько неожиданную точку зрения высказал известный историк авиации К. Вейгелин. Рассматривая печальные, но неизбежные события той поры, он пишет: «Авария облегчала выполнение задач летной техники, так как учила, как нельзя делать, как надо летать, какие недостатки следует устранить. Заинтересованность же аэродромной публики, жаждущей зрелищ, не ослабевала от катастроф нисколько... скорее даже обострялась».

Вокруг летного дела сгущался мистический туман.

Над полями — лесами — болотами,
Над извивами северных рек
Ты проносишься плавными взлетами,
Небожитель — герой — человек.
И смотря на тебя недоверчиво,
Я качаю слегка головой:
Выше, выше спирали очерчивай,
Но припомни — подумай — постой.
Что тебе до надоблачной честности?
На земной материнской груди
Отдохни от высот, от опасностей,—
Упади — упади — упади!
Ах, сорвись и большими зигзагами
Упади, раздробивши хребет,—
Где трибуны расцвечены флагами,
Где народ, и оркестр, и буфет...

Но не станем всерьез принимать декадентский аккомпанемент, а лучше заглянем в старые статистические отчеты. Данные их, оказывается, вовсе не столь устрашающи, как можно было бы ожидать. А если принять во внимание, что Луи Блерио скончался естественной смертью в 64 года, первый пилот Великобритании Джон Брабазон умер в 80 лет, Анри Фарман — в 84, Орвил Райт — в 77 лет, то картина примет и вовсе оптимистический оттенок.

Как бы там ни было, но люди не только отважно летали, но уже вполне успешно сочиняли инструк-

ции, рассчитанные на массовое использование авиации. Из инструкции пассажиру 1911—1912 годов:

«§ 1. Пассажиру, летящему впервые, следует в общих чертах разъяснить назначение и действие рычагов, кранов и переключателей, расположенных в непосредственной близости от его места в самолете.

§ 2. В случае вынужденной посадки пассажир должен напрячь ноги, пригнуться и втянуть голову в плечи. При этом очень важно крепко держаться за опорные точки кабины, с которыми летящий должен быть заблаговременно ознакомлен.

§ 3. При взлете и посадке пассажиру следует располагаться строго по центру своего сиденья и сохранять спокойствие.

§ 4. Многие пассажиры, особенно те, что занимаются спортом, первоначально испытывают потребность балансировать вместе с самолетом: некоторые только головой, некоторые — всем туловищем. Эта потребность естественная.

§ 5. Желательный головной убор для полета — плотно облегающая шерстяная шапка, для защиты глаз — очки. И шапка и очки должны надежно закрепляться, а руки оставаться свободными, так как пассажиру предстоит крепко держаться за указанные в кабине места. Обувь должна плотно сидеть на ноге и обеспечивать полную свободу движения.

§ 6. Пассажиру не следует иметь при себе колющих предметов, больших ключей, чтобы в случае жесткой посадки не получить от них повреждений...»

Катастрофы, конечно, были. Теперь, спустя три четверти века, пожалуй, правильнее интересоваться даже не числом жертв, а причинами потерь? Судя по архивным материалам, около 70 процентов катастроф произошло по вине летчиков и из-за плохих погодных условий и только 16 процентов отнесены за счет несовершенства и неисправности материальной части. Данные эти кажутся не вполне надежными, и все-таки пренебрегать ими нельзя... Но как понимать вину летчиков?

Буквально с первых дней практических полетов стали формироваться две школы пилотирования: одна утверждала принцип свободного маневрирования, ссылаясь на опыт птиц, другая — рекомендовала действовать с предельной осмотрительностью, опасаясь кренов...

Как ни странно, но чрезвычайно быстрое распространение авиации привело к тому, что первые пилоты сплошь да рядом отрывались от земли, не успев даже приблизительно ознакомиться с теоретическими трудами профессора Н. Е. Жуковского — всемирно признанного уже в то время ученого; прислушаться к высказываниям профессора Октава Шанюта; заглянуть в наследие Отто Лилиенталя; поинтересоваться соображениями Альфонса Пено... Люди торопились, они верили в свой инстинкт и удачу. Вот, например, что рассказывает о своем первом полете один из популярнейших пионеров-летчиков России — Сергей Исаевич Уточкин:

«Поле, на котором я готовился совершить полет, во всех отношениях изобиловало опасными свойствами. Короткие, прямые и узкие виражи. Насыпь, бугры, столбы, канавы и здания. И заборы со всех сторон. Здесь нельзя было попробовать полететь. Нужно было сразу лететь. И лететь искусно, умело, точно... Да притом высоко — выше препятствий.

Однако я верил в себя. Почему, думал я, в двадцати разновидностях спорта я легко овладевал каждым и очень скоро постигал тонкости? Глаз мой выработан, рука тверда, энергия и воля... Я улыбнулся и, садясь в пилотское место, поглядел на кучу красного кирпича: через несколько секунд я буду над ней...» — И ни у кого ни единого дня не обучавшийся летному делу Уточкин отважно оторвался от земли! — «Дикое настроение охватывает меня. Безудержность, восторг новизны ощущений. Земля, мой враг, уже в десяти саженях подо мной. И я во властных объятиях другой стихии...»

Чтобы понять человека, очень важно ощутить его время. Много лет спустя после описываемых событий, я спросил своего отца, близко знавшего Уточкина, каким был этот человек-легенда? «Азартным! — сказал отец, подумал и добавил: — И совсем ребенком...» Риск всегда порождает азарт, но на одном азарте далеко не улетишь. И трудно согласиться с афоризмом бесстрашного Уточкина: «Кто летает, тот падает. А кто боится падать — пусть не летает».

Близилась первая мировая война. Строились военные самолеты. Идея воздушного боя не могла, естественно, не занимать авиаторов. И тем не менее неясного было куда больше, чем ясного. Чтобы представить всю неподготовленность авиации к войне, достаточно заглянуть в печатный труд капитана Родкевича «Авиационные войска» (1913 г.).

Бравый капитан предлагал: «Заметив самолет противника, полететь ему навстречу, беря постепенно бо́льшую высоту, и пролетая над ним, бросить в него снаряд». Следующая рекомендация не мучившегося сомнениями капитана звучала еще анекдотичней: «Если самолет противника близко и летит на той же высоте, то, подлетев на дистанцию 300—400 м, круто повернуть на 180° и, таким образом, дать струю воздуха, которая может перевернуть самолет противника».

И было это не в 1903, а в 1913 году, в том самом, в котором 27 августа следовало бы напечатать ярко-красным праздничным цветом!

27 августа 1913 года Петр Николаевич Нестеров замкнул в киевском небе свою первую мертвую петлю, справедливо носящую теперь его имя.

Петр Николаевич родился 15(27) февраля 1887 года. 29 октября 1906 года по окончании Михайловского артиллерийского училища был произведен в офицеры. Девятнадцатилетний юноша — артиллерист жадно ловил все, что касалось едва народившейся тогда авиации. В 1910 году Нестерова прикомандировывают к кавказской резервной артиллерийской бригаде. Причина — слабое здоровье (!)... Нестеров надеется, что целебный кавказский климат поможет ему.

В октябре 1910 года Нестеров впервые наблюдает публичные полеты. В воздухе — Уточкин. Но не праздным зевакой присутствует Петр Николаевич на летном поле. К этому времени им разработан и послан в Главное инженерное управление проект оригинального самолета. Нестеров знакомится с Уточкиным лично. Он несколько разочарован: гусарский, рисковый подход Сергея Исаевича к летному делу не импонирует Нестерову, человеку с изобретательской жилкой.

В июле — августе 1911 года Нестеров построит в Нижнем Новгороде планер собственной конструкции и впервые оторвется на нем от земли. 7 октября после долгих мытарств, после непосредственного обращения к военному министру (в нарушение всех норм воинской субординации) Нестеров будет зачислен в Петербургскую Воздухоплавательную школу.

ВНИМАНИЕ! 12 сентября 1912 Петр Нестеров совершит первый полет на самолете, а 28-го, **ше-**

стнадцатью днями позже, сдаст экзамен на звание пилота-авиатора. И еще через **семь** дней — 5 октября — получит звание военного летчика.

Что нужно было в ту пору, чтобы удостоиться этой чести?

Сначала сдать зачеты по дисциплинам: практика и применение аэропланов в военном деле; развитие техники авиации; теоретические сведения по авиации; материальная часть и служба аэропланов; двигатели внутреннего сгорания (авиационные и автомобильные), автомобили; материаловедение и сопротивление материалов; радиотелеграфия, метеорология, фотография... Преодолев всю эту премудрость на земле, надо было еще совершить полет по маршруту продолжительностью не менее 1,5 часа; пребывание на высоте от 1000 до 1200 метров не менее 30 мин.; планирующий спуск с высоты 500 м, остановка не далее, чем в 150 м от заданной точки. Подъем на высоту 500 м, посадка с выключенным двигателем, заход с разворотами...

В двадцать шесть лет Нестеров возглавляет групповой перелет трех самолетов по маршруту Киев — Остер — Козелец — Киев. Спустя две недели он завяжет «мертвую петлю» в небе.

Надо понять, эта петля не просто рискованный маневр в воздухе, а дерзкий вызов всей осторожной, «тихой» школе летания — без кренов, блинчиком... Петля не случайное наитие отважного пилота, а результат раздумий, теоретического труда, сомнений, словом, венец усилий ума и сердца!

31 августа 1913 года Нестеров произведен в штабс-капитаны. Жить ему остается без пяти дней один год... Он успеет еще совершить перелет Киев — Одесса — Севастополь, экспериментировать на «Ньюпоре» с переделанным хвостовым оперением: пройти за один день по рекордному маршруту Киев — Гатчина, выполнить боевые вылеты на разведку и бомбардировку противника.

26 августа 1914 года Нестеров погибнет, тараня врага.

Он прожил всего двадцать семь с половиной лет.

Он пролетал неполных два года.

Он испил полной чашей и безразличие властей, и недоброжелательство прессы, и нужду, и коварные приступы малокровия.

Он не согнулся и до последнего дня оставался верен идее — **в воздухе везде опора!**

«Военный летчик никак не может обойтись без умения делать фигуры высшего пилотажа,— писал Нестеров.— Вертикальные виражи, перевороты и петли должны быть обязательной программой для того летчика, который не захочет на войне играть роль курицы или мирного голубя... Неизбежные воздушные бои будут схожи с нападением ястребов на ворон... А кто из вас захочет быть вороной». Слова эти превратились как бы в завещание Нестерова его товарищам и коллегам. Они были услышаны, им последовали.

Летом 1915 года штабс-ротмистр Козаков «протаранил немецкий аэроплан, снизил его, оставшись невредим и не испортив своей машины. «Штабс-ротмистр успешно продолжал боевую работу и годом позже сбил у Двинска германский аэроплан, за что отмечен штабом Верховного Главнокомандующего...»

Несколько строк из приказа Вильгельма II по германской армии: «Я в полной мере горжусь пехотой, кавалерией и артиллерией и буду счастлив то же самое сказать о моем воздухоплавательном корпусе. Я желаю, чтобы мои авиаторы стояли на такой же высоте своего искусства, на которой стоят русские». Комплимент несколько неожиданный и тем более ценный, что кайзера никак нельзя заподозрить в симпатии к российской авиации.

Думаю, творческая потенция Петра Николаевича Нестерова, этого удивительного человека, смотревшего на мир, как свидетельствуют его портреты, неизменно грустными и несколько удивленными глазами, сравнима с творческой потенцией признанного гения России — поручика Михаила Юрьевича Лермонтова...

Через двенадцать дней после Нестерова Адольф Пегу, выдающийся летчик Франции, повторил петлю Нестерова. Вскоре появились и другие последователи. И школа свободного маневрирования в воздухе одержала в конце концов решительную победу.

Много лет спустя знаменитый пилотажник Альфред Фронваль за 3 часа 52 минуты накрутил 962 петли подряд, и это был как бы венок на могилу Петра Николаевича Нестерова, венок от благодарных потомков.

Через океан

Вот какую историю рассказывает летчик-испытатель Джимми Коллинз в одной из своих книг.

«Летчик Клайд Пэнгборн, совершивший вместе с Херндоном первый беспосадочный полет из Японии в Америку через Тихий океан и покрывший себя славой, Пэнгборн, вместе с Тернером завоевавший третье место в воздушном дерби Лондон — Австралия в 1934 году,— этот самый Клайд Пэнгборн в течение многих лет заведовал зрелищной частью знаменитого летающего цирка Гейтса. В октябре 1923-го он вылетел со своим воздушным цирком в Льюистон (Монтана). У него был контракт с ярмарочным комитетом города, который давал ему исключительные права на все воздушные пассажирские перевозки и полеты во время ярмарки.

Он приземлился за час до объявленного начала программы, состоявшей из фигурных полетов, хождения по крыльям летающего самолета и парашютных прыжков,— программы, рассчитанной на привлечение публики с тем, чтобы уже потом можно было заработать деньги катанием пассажиров; катание рекламировалось в качестве главного аттракциона ярмарки.

К своему удивлению, Клайд встретил на ярмарке другого летчика с самолетом и парашютистом. У них все было подготовлено... Пэнгборн сказал неожиданному сопернику, чтобы он убирался. Тот спросил: «А что?» Пэнгборн ответил: «У меня есть контракт. Я съезжу в город, чтобы выяснить это дело».

Он отправился в город и объяснился с ярмарочным комитетом. Он сказал, что подаст в суд, если они не уберут с аэродрома другого парня с парашютистом к тому времени, когда он начнет представление. Представители ярмарочной администрации приехали на аэродром. Встретив там летчика и его парашютиста, они напомнили ему, что в прошлом году он пользовался этим аэродромом, но, уезжая, забыл о пустячном деле — не уплатил оговоренной арендной платы. Они заявили ему, что если он не уберется, то сегодня к четырем часам дня попадет в тюрьму.

Этот аргумент оказался убедительным. Летчик завел мотор, влез в пилотскую кабину, позвал парашютиста, который был явно недоволен таким оборотом дела, так как предвкушал в этот день радость веселых прыжков, и оторвался от земли.

Парашютистом был Чарльз Август Линдберг, еще не умевший тогда летать...»

Итак в 1923 году Линдбергу был 21 год, он еще не научился летать, но уже прыгал с парашютом. Первоначальное обучение полетам заняло у этого страстного любителя авиации и острых ощущений немного времени, а точно 8 дней. Выплатив за эти дни своему инструктору 500 долларов, Линдберг налетал 8 часов. Еще 500 долларов он истратил на покупку списанного военного самолета.

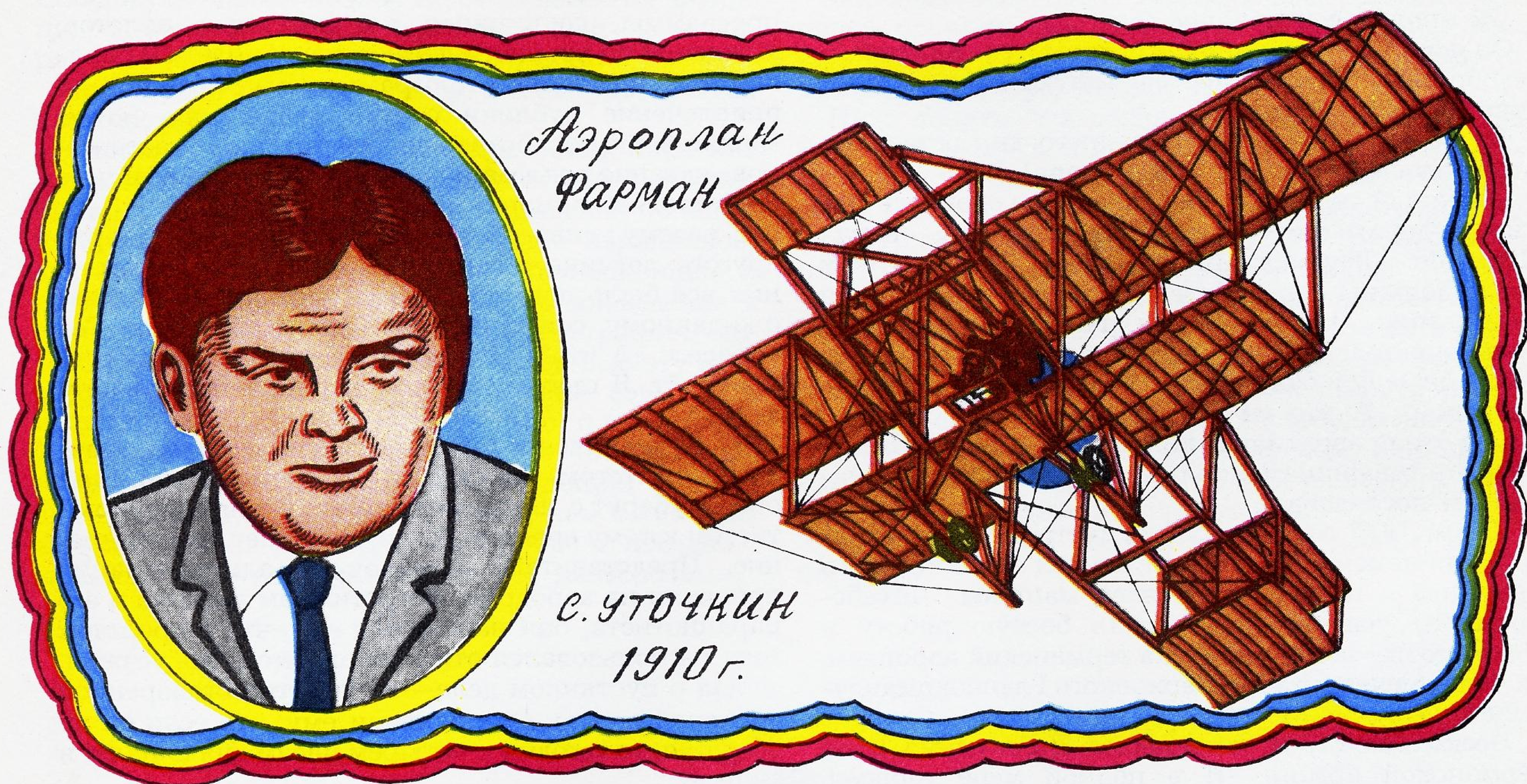
Однако к 1925 году он покончил с легкомысленными публичными выступлениями, записался на время в армию, получил пилотское свидетельство и звание младшего лейтенанта резервного корпуса.

Примерно год Линдберг летал почтовым пилотом. Если верить его биографам, склонным к преувеличениям и рекламе, однажды на линии летчику, что называется, стукнуло в голову: а почему бы не вступить в борьбу за приз Раймонда Ортега? Миллионер Ортег предлагал 25 000 долларов тому, кто пересечет Атлантический океан в о д и н о ч н о м беспосадочном полете.

Линдберг приобретает самолет и нарекает его «Дух Сант-Луиса». Машину переделывают по его указаниям: на три метра увеличивают размах крыльев, усиливают нервюры, ставят дополнительные баки. Стараясь как можно больше увеличить запас горючего, Линдберг идет на то, чтобы дополнительную емкость втиснули над приборной доской. Это лишает его какого-либо обзора вперед. Земля с места летчика просматривается теперь только через боковые стекла. Но Линдберг не унывает, он прилаживает небольшой самодельный... перископ. Ничего, хватит!..

И вот 20 мая 1927 года в 7 часов 40 минут утра перегруженный «Дух Сант-Луиса» начинает разбег.

Линдбергу двадцать пять лет. За спиной у него опыт начинающего пилота и отважного парашютиста, а, если выражаться не фигурально, позади пилотского кресла лежат два электрофонарика,

моток шпагата, охотничий нож, четыре факела, водонепроницаемая коробка со спичками, большая игла, два бочонка с пресной водой, пять банок консервов, две надувные подушки, комбинированный топор-пила — вот, кажется, и весь аварийный запас.

А впереди — Атлантика!

Рации на борту нет, сколь-нибудь серьезного навигационного оборудования тоже нет. Зато летчику всего двадцать пять — лучший возраст для подвига,— и он жаждет победы любой ценой!

На вторые сутки полета Линдберг видит в океане судно. Не раздумывая, он снижается, глушит мотор и кричит: «Алло, какой курс на Ирландию?» Не получив ответа, слегка огорчается, запускает мотор (и мотор запускается), набирает высоту и летит дальше. Да-а, такое можно позволить себе только на заре летной жизни.

Ему чудовищно, колоссально, необъяснимо повезло: не отказал единственный мотор, не снесло ветром черт знает куда, не сразило обледенением, ему хватило горючего... Через тридцать три часа после взлета Линдберг благополучно приземлился на парижском Ле Бурже, именно там, где было задумано с самого начала.

«Когда самолет остановился, я развернул его и хотел рулить в направлении огней,— рассказывает летчик.— Но все поле передо мной было усеяно людьми, они толпами мчались к моему самолету. Когда первые трое подбежали ко мне, я попытался убедить их, что необходимо сдержать остальных и не допускать их к самолету. Но, видно, никто не понял меня или просто не был в состоянии выполнить мою просьбу. Я заглушил мотор, чтобы пропеллер никого не убил, и попытался организовать хоть какую-нибудь охрану машины. Но было совершенно очевидно, что людей для этого сейчас не найти, и, когда под напором толпы самолет начал в разных местах трещать, я решил вылезти из машины, чтобы отвлечь от нее людей. Говорить было бесполезно, слова тонули в общем крике, и никто, видимо, ничего не слышал. Поэтому я начал выбираться из кабины. Но не успел я просунуть ногу в дверцу, как тотчас оказался снаружи. Почти полчаса я не мог ступить на землю, потому что восторженная толпа передавала меня с рук на руки».

Так пришел день Линдберга.

Еще никогда, ни одного летчика на свете не приветствовали и не славили, как этого человека. Ни сном, ни духом, что называется, не помышляя хотя бы на волос умалить личную заслугу летчика, должен все же подчеркнуть: очень ко времени пришелся этот прыжок через Атлантику. Яблоко созрело! И, свалившись на головы восторженной толпы парижан, долговязый, замученный, улыбающийся молодой человек как бы объявил своим появлением: «Люди, а мир-то становится меньше!»

Перелет Линдберга затмил даже такое событие, как воздушный бросок к Северному полюсу. На что был рубеж — полюс! Всем рубежам — рубеж! Северный полюс «пал» всего за год до полета Линдберга: на трехмоторном самолете «Жозефина Форд» Бэрд и Беннет достигли наивысшей точки мира, вылетев со Шпицбергена и возвратившись на Шпицберген.

Возможно, этот дерзкий бросок надо льдами не потряс воображение человечества потому, что Бэрд и Беннет летели над необитаемой ледяной пустыней, где-то у самой вершины глобуса, и люди просто не могли толком понять, что им нужно в этих безжизненных льдах? Так ли, иначе, но день Линдберга остался за ним безраздельно.

История — капризная дама. Пожалуй, из всех летающих людей только на долю Валерия Павловича Чкалова выпала столь же благосклонная ее улыбка. Но это случилось двадцать лет спустя. А в майский день 1927 года Линдберг на какое-то время сделался самым популярным человеком Америки, а возможно, и всей земли.

Вслед за перелетом 1927 года через Атлантику были совершены новые полеты — и отчаянные, и математически выверенные, шумно-рекламные и незаметные исследовательские; с Запада на Восток и с Востока на Запад...

В свое время агентство Ассошиэйтед Пресс писало: «Авиационные эксперты чрезвычайно удивлены точностью, с которой летчики управляли «Литуаникой»; используя только компасы, без всяких модернизированных летных устройств они вели самолет по самому прямому направлению к своей цели. Их смелый полет дает им право быть причисленными и к величайшим пилотам мира». Действующие лица этой истории: Стяпонас Дарюс, Стасис Гиренас и... «Литуаника».

Детство Дарюса прошло в Америке. Мальчиком он работал у братьев Райт: приобщился к авиации из самых первых рук. Потом вернулся в Литву, но не задержался дома и вновь отправился в Штаты. 21 мая 1927 года он очутился в толпе, восторженно встречавшей Линдберга в Ле Бурже. О чем должен был думать молодой пилот? «Эх, повезло человеку!» Можно не угадать интонации, но что такая мысль у Стяпонаса возникла, сомневаться не приходится...

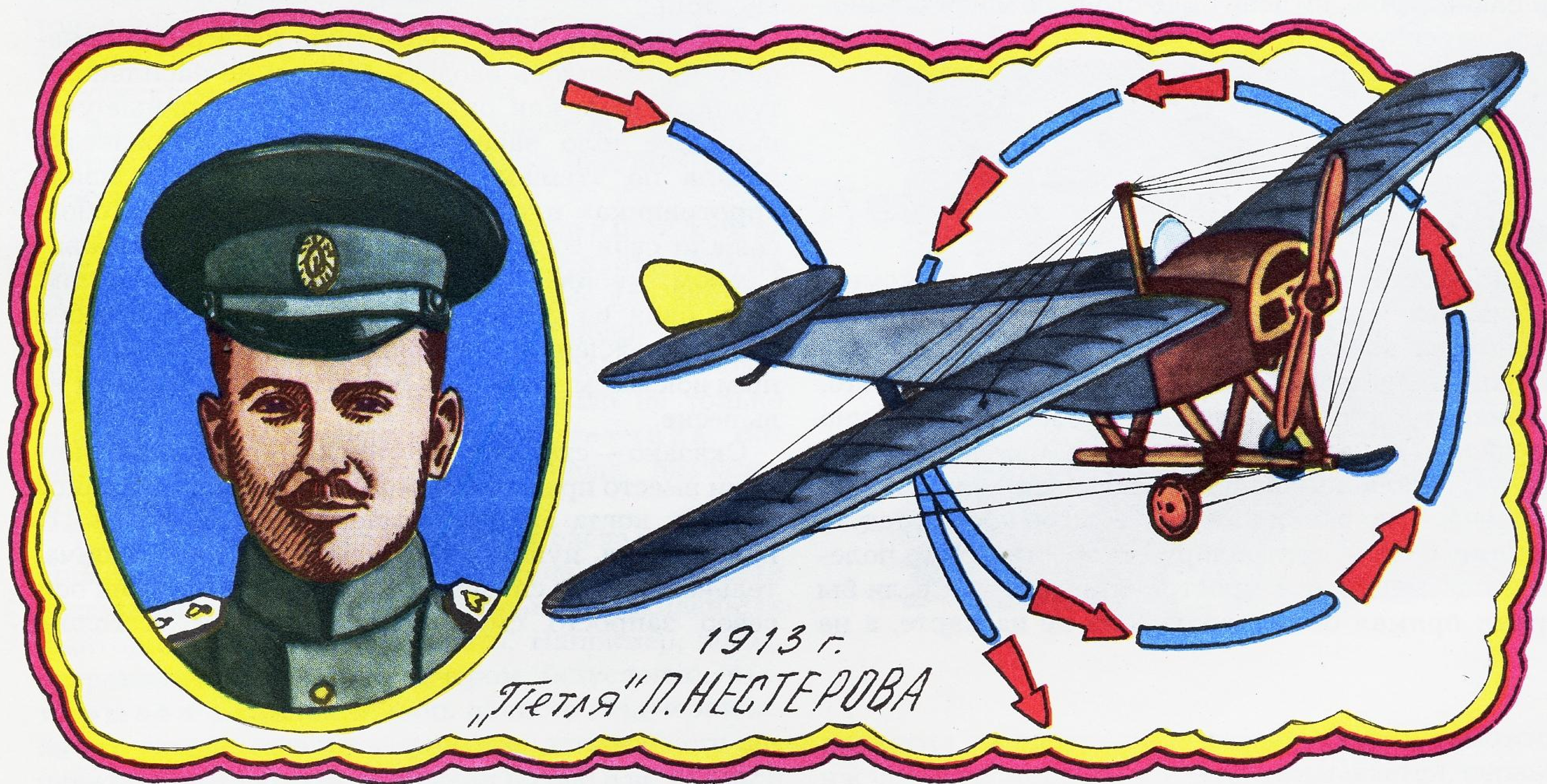
необходимое,— было не на что... Официального разрешения на вылет они не брали.

И тем не менее 15 июля под видом тренировочного полета они стартовали. Перегруженная «Литуаника» никак не хотела отрываться от земли. Взлетной полосы едва хватило. Позже в газетах писали: «Подъем в воздух литовских летчиков Дарюса и Гиренаса был таким, что у зрителей волосы встали дыбом». Но все-таки они оторвались от американской земли и ушли в океан.

Атлантика штормила. К вечеру 16 июля, пробившись сквозь бурю, они вышли к берегу Северной Шотландии.

Полет продолжался. В ночь на 17-е «Литуаника» вновь оказалась в центре циклона разрушительной силы.

До Каунаса оставалось шестьсот пятьдесят километров — три с небольшим часа полета. Они летели над погруженной в ночь Германией, летели домой, и родина была совсем близко...

Стасис Гиренас, прежде чем стать пилотом, успел побывать и в шкуре наборщика, и в шкуре матроса, поработал шофером такси...

Девическое имя «Литуаники» — «Беланка». Самолет этот числится в справочнике «Исторические летательные аппараты»: машина — родня «Духу Сант-Луиса», она выпускалась в нескольких модификациях.

Свою «Беланку» Дарюс и Гиренас купили в складчину, переименовали и сразу же принялись ремонтировать. 8 мая 1933 года свежеокрашенная оранжевая машина, получившая удлиненные крылья, новый двигатель, дополнительные баки, приземлилась в аэропорту Беннет, близ Нью-Йорка. Все, что у летчиков было, они уже вложили в «Литуанику», приобрести радиостанцию, автопилот, некоторые навигационные приборы — оборудование по нынешним понятиям совершенно

Юстас Марцинкявичус еще не написал тогда этих строк:

Что будем делать со своей Любовью?
Быть может, призовем на помощь небо?
И между всеми птицами земли
Ее разделим,
Ибо я не знаю,
Еще не знаю,
Сможем ли одни
Или не сможем
За нее ответить?

Около пяти часов утра 17 июля 1938 года немецкая крестьянка натолкнулась на оранжевые обломки самолета в Солдинском лесу, в провинции Бранденбург. Оба летчика были мертвы. Часы на руке Дарюса еще шли...

Их беспосадочный перелет продолжался 35 часов

35 минут. Они покрыли 6411 километров — для своего времени второе достижение в мире.

Останки пилотов перенесли в Каунас. Позже, в годы второй мировой войны, оккупанты пытались уничтожить захоронение пилотов, но литовские патриоты выкрали гробы из-под носа немецкой охраны и замуровали тела летчиков в подвале Каунасского мединститута...

Летом 1964 года состоялась торжественная церемония переноса могилы Дарюса и Гиренаса на городское кладбище Каунаса. Вскоре Бронюс Пундзюс изваял памятник пилотам. На сером суровом камне высечены слова из завещания, составленного этими отважными людьми перед броском через Атлантику: **«Молодое поколение Литвы! Вдохновленные Тобой, мы постараемся осуществить избранную нами задачу. Если добьемся успеха, пусть это укрепит Твой дух и уверенность в своих силах и способностях».**

Что сказать в заключение? Побеждают живые. Побеждают и мертвые. Ни расстояния, ни циклоны, ни равнодушие, ни зенитный огонь не могут остановить летящих.

И страшно им только — забвение...

Как понимать — трасса?

В представлении большинства людей, знакомых с авиацией издали, трасса — прямая, ярко прочерченная на карте линия, соединяющая пункт А с точкой Б. Измерить расстояние от А до Б просто, вычислить курс следования тоже не особенно трудно и отметить контрольные ориентиры — не фокус, а дальше — взлетай, выдерживай направление, вноси поправки на ветер, если он норовит сдуть машину с пути, контролируй скорость, время полета и перемещайся в пространстве так, как если бы яркая прямая была нарисована не на карте, а на земле. Немного подготовки и воображения... Только на деле все выглядит не совсем так. Чтобы проложить трассу, прежде всего нужна карта. Не какая-нибудь, а непременно подробная и совершенно точная. В наше время проблема изображения местности на бумаге решается просто: стоит воздушному фотографу, аэросъемщику, пролететь над заданным участком земли, и... пожалуйста, портрет готов. Остальное — голая техника. Еще проще и быстрее справляются с задачей геодезические спутники Земли.

Но когда прокладывались первые трассы, надежных карт было мало. Изображали они главным образом хорошо обжитые районы земли, где тянулись железные дороги, серыми полосами пролегали шоссе. Удивительно ли, что авиаторы изо всех сил цеплялись за линейные ориентиры, старались придерживаться «железок». Выведет компас или не выведет к цели — это еще вилами на воде писано, а уж если «ухватился» за железную дорогу Москва — Горький, скажем,— Владимир никак не проскочишь...

Инструментальную, расчетную навигацию поначалу приходилось вводить едва ли не насильно. А тут подоспели как раз большие авиационные учения. Все шло заведенным порядком — разведка лазала по «тылам», истребители перехватывали «противника» в воздухе, бомбардировщики сбрасывали свой сокрушительный груз на полигоны... Словом, «война» разыгрывалась, как по нотам, пока один из разведчиков не усомнился в своем местонахождении. Снизившись над железнодорожным вокзалом, он решил прочитать, что за пункт на вывеске.

Сказано — сделано. «Ногинск»,— прочитали летчики вместо предполагаемого «Подольска». В такой момент, когда экипаж сомневается в месте своего нахождения, нужно очень немного, чтобы окончательно запутаться: земля соскакивает со своей оси, север запросто смещается на восток, в голове

сплошной ералаш... А горючего на борту оставалось мало. И экипаж принял решение приземлиться неподалеку от станции, чтобы восстановить ориентировку «методом опроса местных жителей». Сели, окликнули парня: «Алло, друг, что за станция?» «Подольск». «Как Подольск, там же Ногинск написано...» «А это для блезиру. Сегодня утром военные перевесили... у них учения, говорят,— для маскировки...»

Оказалось: руководивший навигационной частью учений флагштурман, устав убеждать подчиненных словесно, решил дать им предметный урок — вот к чему приводит ваша «железная» навигация. Стыдитесь! И приказал «перепутать» станционные надписи в районе полетов.

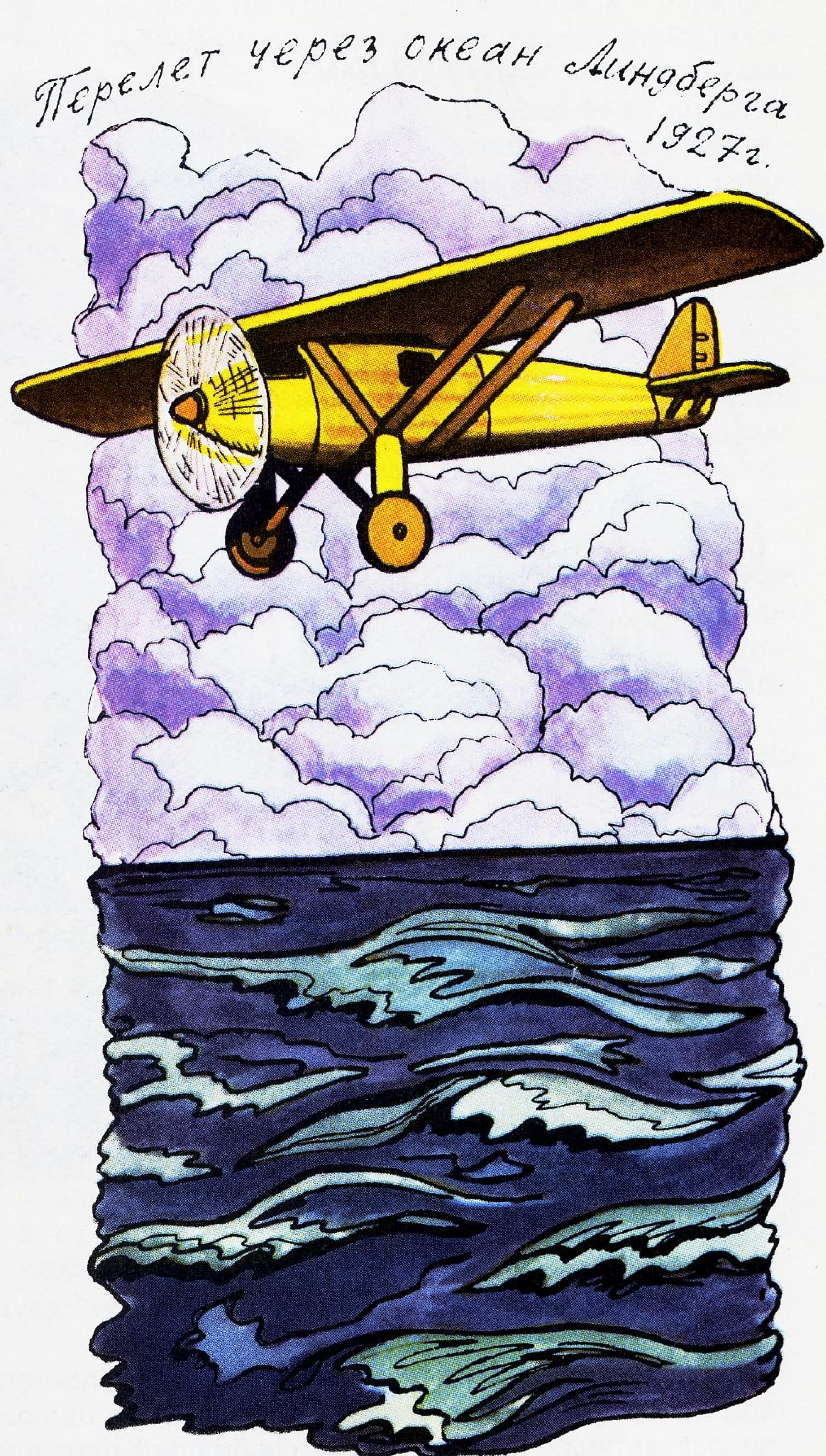
Да, карты были очень нужны, надежные, точные карты. Поэтому первые воздушные трассы пришлось прокладывать... ногами. Н. Д. Жигуленко, летчик образца 1915 года, в прошлом солист Московского императорского театра, участник революции 1905 года, человек-легенда, показал мне удивительный документ — предписание, предлагавшее товарищам Карамышеву — старший группы, Жигуленко, Пильгуну при проводниках Дарасанове, Мухрискине, Бармасове выйти в пеший поход по Восточной Сибири протяженностью 3000 километров для уточнения и описания будущей авиатрассы.

Шесть человек и двенадцать лошадей шли день за днем, четыре месяца подряд, уточняя карту, беря на заметку все мало-мальски пригодные для вынужденной посадки поляны, составляя подробную легенду этих забытых, как говорят, богом и людьми мест. При этом трассу надо было не только описать, но еще и увидеть глазами летчика. Вот почему в числе участников похода оказался Жигуленко.

Трасса! Уже в двадцатые годы сделали первые попытки высчитать экономические возможности воздушных сообщений. И сколько неожиданных факторов пришлось учитывать. Например, поезд, отправлявшийся в путь вечером, безусловно, выигрывал у самолета: ночь начисто перечеркивала все скоростные преимущества летательного аппарата. О воздушном движении ночью и не мечтали тогда. Экономисты всерьез рассматривали идею смешанных трасс: днем пассажир летит, а на ночь пересаживается в поезд, с тем, чтобы утром вновь подняться на самолете... Но, как ни изощрялись организаторы воздушного транспорта, расчеты показывали: воздушное пассажирское сообщение — затея убыточная. Любопытно, что первые доходы гражданская авиация стала получать вовсе не от перевозки людей (кстати, и сегодня пассажиры не лучший бизнес!), а за счет... авиапочты!

Медленно и трудно становилась авиатрасса принадлежностью быта, повседневностью.

«Долетел хорошо,— писал В. В. Маяковский в письме от 2 июня 1925 года.— Напротив немец тошнил, но не на меня, а на Ковно. Летчик Шебанов замечательный. Оказывается все немецкие директора сами с ним летать стараются. На каждой границе приседал на хвост, при встрече с другими аппаратами махал крылышками, а в Кенигсберге

подкатил на аэроплане к самым дверям таможни, аж все перепугались, а у него, оказывается, первый приз за точность спуска.

Если будешь летать, то только с ним».

Маленькое пояснение: В. В. Маяковский летел в Берлин. Тогда этот рейс выполнялся с промежуточными посадками, летел на самолете советско-германского акционерного общества «Дерулуфт» — отсюда упоминание о немецких директорах. Что касается пилота — Николая Петровича Шебанова,— Маяковскому действительно повезло. Летчик Шебанов поступил в летную школу по личной рекомендации В. И. Ленина, долгие годы он прокладывал труднейшие трассы Аэрофлота, первым из гражданских пилотов СССР налетал миллион километров...

Шло время, и трассы делались все длиннее и длиннее. Полеты становились все обыденнее, но романтика не хотела исчезать. И линейный пилот Антуан де Сент-Экзюпери писал: «Сражаясь со стихиями, пилот содействует укреплению человеческих связей, он служит людям. Сила его руки

сближает людей, которые любят и ищут друг друга».

Воспользуюсь подходящим случаем и замечу: долгий путь от первых подъемов воздушных шаров до регулярных пассажирских сообщений отмечен постоянным вниманием видных писателей мира.

«В Веймаре мы наблюдали подъем шара Монгольфье. Он был высотой 42 фута и 20 футов в ширину. Это красивое зрелище»,— писал Гете. 7 июля 1887 года на воздушном шаре «Орля» летал Мопассан, и полет произвел на него неизгладимое впечатление. Болельщиком и пророком великого будущего летательных аппаратов был Жюль Верн. Увлекался авиацией А. И. Куприн, и летал, и писал — в прозе и стихами. Однако самые удивительные строки, особенно если учесть, что написаны они были в 1864 году, оставил нам Виктор Гюго: «Прогресс встречает на своем пути много препятствий. Несмотря на это, он идет вперед, очень медленно, почти ползком. Он должен считаться решительно со всем: с религией, которую он не должен оскорблять, и с разной температурой — в Сибири ему слишком холодно, а в Африке слишком жарко. Он должен считаться с караваном в пустыне, с жандармом, с караульным, с желтой лихорадкой, с чумой, с дипломатией и договорами. Он должен бороться с рутиной, должен сдаваться и входить в переговоры. Он продвигается прихрамывая, на каждом шагу остановки, проверка, запрет, уступки, потеря времени, борьба с ненавистью, проверочный экзамен перед лицом невежд...

Однажды вечером я прогуливался с известным ученым Араго. Вдруг над нашими головами пронесся воздушный шар... Я сказал Араго: «Вот летает яйцо, в ожидании птицы...»

Океан должен уступить место другой беспредельной стихии. Вода как посредница в сообщениях людей между собою уже сыграла свою роль. Теперь она должна уступить место воздуху. У нас есть крылья, человек становится птицей. И какой птицей! Птицей, обладающей разумом!»

Это было сказано в 1864 году!

Постепенно трассы опутывали весь земной шар. 15 ноября 1954 года скандинавская авиакомпания открыла регулярную линию Копенгаген — Лос-Анджелес, а в 1960-м лайнеры пошли из Парижа в Токио. У двух трасс была пересекающаяся точка — **Северный полюс.** Так контрольный пункт рекордной чкаловской трассы сделался контрольным пунктом регулярных международных маршрутов.

Не так давно я заглянул в авиационный каталог. Добротная, напечатанная на мелованной бумаге книга начиналась картой полушарий, сплошь затканных паутиной маршрутов. На бессловесной схеме не значилось ни одно имя. И мне пришло в голову: вот если бы самыми мелкими буковками проставить только инициалы тех, кто причастен к созданию этой великолепной паутины, под напором

человеческих имен скроются и материки, и громады-океаны... Перевернул страничку. Веером разбежались яркие фотографии, объединенные общим броско-рекламным заголовком: **«ЧТО МЫ ПЕРЕВОЗИМ СЕГОДНЯ ПО ВОЗДУХУ?»**

Пассажиров (миллионы), грузы, почту, медикаменты, скот, консервированную кровь, химикаты, воду, скоропортящиеся продукты, много фруктов, ранних овощей, цветов...

Широкий веер цветных фотографий замыкали экзотические кадры: по трапу спускается белый медведь; сотрудники зоопарка встречают ораву обезьян, прибывших из Индии... Можно бы и продолжить, но я не хочу завершать главу на излишне идиллической ноте.

Бесспорно, успехи велики: гражданская авиация примерилась к сверхзвуковой скорости, она стала самым безопасным средством транспорта и заметно приблизилась к заветному рубежу — сделаться всепогодной. Не так давно пассажиры рейсового самолета, прибывшего в Лондон, получили красочные дипломы. Мистер или мисс имярек, свидетельствовал диплом, действительно находились на борту самолета, впервые в истории воздушных сообщений совершившего полностью **автоматическую** (без участия пилота) посадку. Не знаю, пришли ли в восторг пассажиры, не знаю, о чем заботилась авиакомпания, вручая дипломы,— об «исторической справедливости» или о рекламе, но оценим факт: самолет сел с а м!

Но не все так безоблачно.

Год от года самолеты летают быстрее, надежнее, а автобусы, доставляющие пассажиров к вылету, передвигаются сегодня не быстрее, чем двадцать лет назад, и багаж оформляется медленно, и на ожидания и внутривокзальные передвижения тратится пропасть времени. Выходит, лететь от Москвы до Ленинграда минут пятьдесят, а общее время в пути часа три — три с половиной. Пробовали связывать центры больших городов с аэродромами вертолетами. Отказались. Города и так погибают от шума. Планируют скоростные трассы город — аэропорт типа метрополитена. Дорого, строить сложно... Есть идея ввести сменные фюзеляжи: садишься в него, скажем, на площади Революции в Москве и с помощью автотяги несешься во Внуково, там без задержки фюзеляж подсоединят к крыльям, и... разрешите взлет?! Заманчиво, но как-то не по-сегодняшнему выглядит эта идея.

Впрочем, время в авиации — понятие достаточно относительное. Много лет авиация была делом отважных одиночек, рисковых людей, что называется, родным домом героев. И мы не заметили даже, как окончилось это лихое время и авиация сделалась нашей повседневностью.

И все-таки хочется верить, что повседневность не совсем уж «одолела» романтику — лечу, покоряю пространство, побеждаю время,— а лишь несколько сместила ее «по фазе». Гордое, одинокое «лечу» трансформировалось в «летим»: м ы л е т и м!

Мы — это экипаж, машина и бессонная земля. Ни в одном полете ни на минуту не покидает теперь летчика земля, она служит ему от запуска двигателей до заруливания после посадки всеми средствами волшебной электроники. Мы — это никогда прежде не виданное содружество одушевленных и неодушевленных участников авиационной работы. АСУ — автоматические системы управления находят все более и более широкое распространение в сегодняшней авиации.

А прекрасные слова «покоряю пространство» не только не утратили смысла, но лишь теперь стали в масштабах земного шара действительно всеохватывающими и «побеждаю время» — буквальными.

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

КАКИЕ НОВОСТИ У СОСЕДЕЙ?

Сначала человек обследовал местность, в которой жил. Потом — свой материк. Потом — свою планету. С началом космической эры пришла очередь других планет. Космические аппараты отправляются за пределы Земли и приносят известия, что наши соседи по Солнечной системе таят немало чудес и загадок.

— *Что нового узнали в последнее время о космической соседке Земли — Венере?* — спросили мы сотрудника Института космических исследований, доктора физико-математических наук *Льва Михайловича* МУХИНА.

— Около Венеры побывало уже шестнадцать советских космических аппаратов. Именно здесь в 1970 году впервые совершила мягкую посадку наша автоматическая межпланетная станция. Сведения, добытые приборами, установленными на борту этих земных посланцев, буквально перевернули представления о Венере. Еще не так давно эту планету называли сестрой Земли — много у них общего в размерах, массе. Верили даже, что на Венере есть жизнь.

А что оказалось? Раскаленный, первозданный мир. Могучая облачная атмосфера, плохо пропускающая солнечные лучи. Чудовищное давление этой атмосферы — в сто раз большее, чем на Земле. Адская температура у поверхности — многие сотни градусов. Ни капли воды, камень, песок. Какая уж там жизнь...

Но если мы такие несхожие, тем более интересно изучить соседнюю планету, да поподробнее. Взяли пробы атмосферного воздуха, оказалось, что он почти целиком состоит из углекислого газа. Кислорода в нем ничтожно мало, водяных паров практически нет — так только, какие-то следы. Но зато есть соединения серы и хлора, которые отсутствуют в нашем воздухе. Почему-то много благородных газов, например, неона. Почему? Пока не очень ясно.

Самые последние новости пришли с борта станций «Венера-13», -14, -15, -16. Две из них — «Венера-15» и -16 — сейчас кружат над планетой, а две послали вниз спускаемые аппараты, те привенерились и передали ценную научную информацию. Идет планомерная работа по составлению подробной карты этой планеты. Орбитальные станции с помощью радиолокационной съемки изучают ландшафт Венеры. Увидеть поверхность нашей соседки с большой

Развитие многих наук, отраслей народного хозяйства немыслимо сегодня без космических спутников, исследований, которые ведут ученые на орбитальных станциях.
О том, как помогает космическая техника планетологам, геологам, лесникам, спасателям, рассказали нашим корреспондентам В. ДРУЯНОВУ и Н. ПИПКО ученые.

высоты простым телеглазом невозможно из-за густых облаков. А радиолокатору облачный покров не помеха, он различает на поверхности детали размером до 1—2 километров. Постепенно на карте прорисовываются горные хребты, плато, кратеры, долины.

Есть в нашем распоряжении и цветные панорамные снимки поверхности утренней звезды: их еще раньше принесли советские спускаемые аппараты. С них глядит на нас чужой, безжизненный, перегретый мир... И все же глаз не оторвать от этих фотографий, сделанных в миллионах километров от Земли.

— Но снимки, на которых красуются король планет Юпитер или окольцованный гигант Сатурн, пришли из еще большего далека?

— Да, расстояние до планет-гигантов куда большее. Космические аппараты приносят о них принципиально новую, а порой совершенно неожиданную информацию. Например, межпланетные станции «Пионер» и «Вояджер» (что значит по-английски «путешественник») сообщили, что у Юпитера есть кольца. Да, они есть, оказывается, не только у Сатурна и Урана, но еще и у Юпитера. Колец — два. Состоят они, по всей видимости, из мелких обломков горных пород. Вообще-то говоря, эти обломки должны падать на Юпитер. И падают, наверное. Но кольца все-таки сохраняются! Значит, что-то пополняет их вещество. Вот и родилось предположение, что один из спутников этой планеты, постепенно разрушаясь, подкидывает в кольца строительный материал.

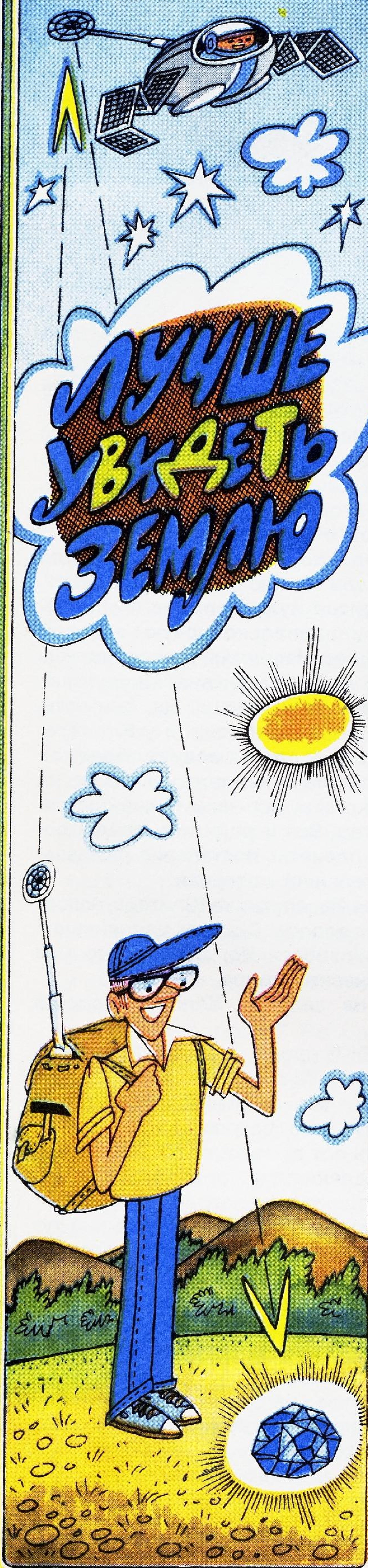
Другое поразительное известие: на Ио, спутнике Юпитера, извергаются вулканы, да не один, а целых восемь. Снимки, сделанные с высоты 40 000 километров от поверхности Ио, доносят до нас картину этого бушующего вулканического мира.

— А Большое Красное Пятно на снимках Юпитера хорошо видно?

— Видно-то хорошо, да загадка БКП проще не стала. С тех пор, как открыли этот «Глаз Юпитера» в XVII веке, сколько догадок было высказано: что, может быть, это продукт деятельности гигантского вулкана, а может быть, это остров, плавающий в плотной атмосфере Юпитера. Теперь вот думают, что это чудовищный антициклон с повышенным давлением, который может существовать в атмосфере планеты сотни тысяч лет.

— На Венере нет жизни, на Юпитере — тем более. И там, и тут разгул чудовищных стихий. И никакой надежды обнаружить по соседству с нами «кого-нибудь»?

— Сейчас обнаруживать явно «некого». Но есть основания думать, что будущее в этом смысле не столь уж безрадостно. Считают, что на спутнике Сатурна — Титане могут быть океаны из метана, есть в его атмосфере синильная кислота. Давление не столь уж велико, да и температура на поверхности вполне терпимая. И все это вместе взятое не исключает на Титане такой химической эволюции, которая может когда-нибудь перерасти в биологическую. То есть дать начало росткам жизни...

Человек летит в космос, чтобы изучать другие планеты — увидеть то, чего нельзя было увидеть с Земли. Но, улетая так далеко, человек лучше видит и свой собственный дом, свою планету. В глубокое прошлое Земли, в ее недра помогла заглянуть геологам космическая техника. Рассказать об этом мы попросили доктора геолого-минералогических наук, лауреата Государственной премии СССР Владимира Викторовича КОЗЛОВА.

На космических снимках Земли геологи увидели то, чего нельзя было заметить ни с самолетов, ни тем более в пешеходных маршрутах.

О том, что космические исследования указали геологам перспективные районы для поисков минеральных удобрений, нефти и газа, помогли открыть новые месторождения, вы, конечно, знаете.

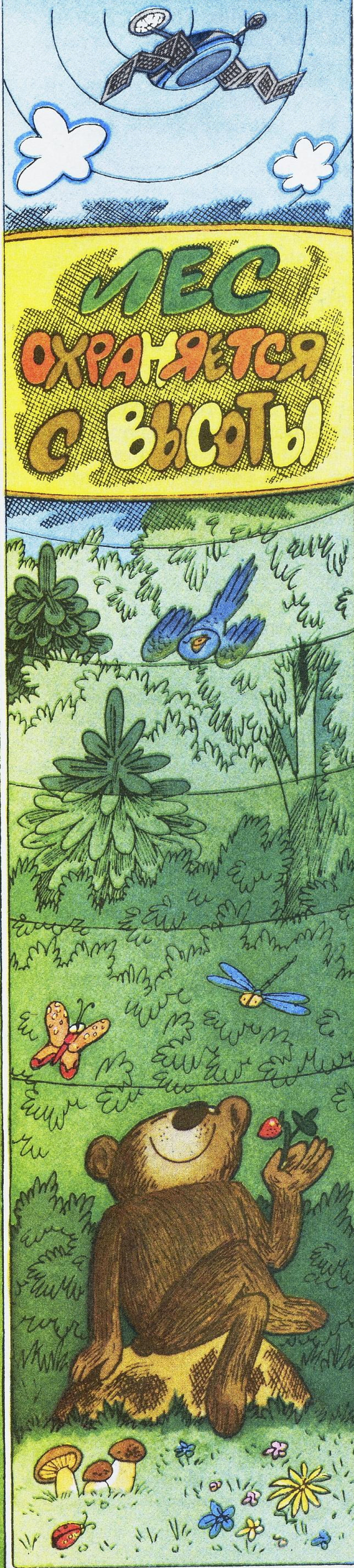
Не менее важны космические снимки для геологов, изучающих строение и историю Земли. Например, удалось обнаружить гигантские расколы в земной коре, которые протягиваются на сотни и даже тысячи километров (около таких расколов, как правило, и расположены месторождения полезных ископаемых). Кроме того, на космических портретах вдруг стали заметны огромные «кольца» из различных геологических пород, диаметром до полутора тысяч километров. Таких «колец» очень много, они открыты на всех континентах Земли. Когда с помощью космических кораблей были получены изображения Луны, Марса, Венеры, Меркурия, на них увидели геологические структуры и встречающиеся на Земле, и совсем незнакомые.

В чем причина сходства и различий? Подобные вопросы привели геологов к выводу: необходимо сравнивать «конструкцию» Земли и ближайших к ней планет, чтобы узнать историю ее возникновения и развития. Так родилось новое научное направление — сравнительная планетология.

О том, как устроена Земля, вы знаете — внутри ядро, его окружает мантия, а ее, в свою очередь, покрывает кора. На континентальной коре (она очень толстая — 70—80 километров) расположены материки, океаническая (толщиной всего в несколько километров) служит дном морей и океанов. Космические исследования установили, что так же устроены Меркурий, Венера, Марс. Океаническая кора там есть, но нет воды. Интересно, что континентальная кора всех планет сосредоточена в одном полушарии, а океаническая — в другом. Например, на Земле почти все континенты находятся в северном полушарии, а в южном — только Австралия, Антарктида и кусочек Южной Америки. Эту закономерность еще предстоит объяснить ученым.

На соседних планетах удалось обнаружить огромные круглые вмятины, которые возникли в результате падения метеоритов. Эти вмятины называют астроблемами — «звездными ранами». До этого на Земле астроблем не встречали, но, увидев их на Луне и Марсе, стали присматриваться из космоса и к своей планете. Сегодня обнаружены многие десятки земных метеоритных кратеров. Так изучение соседних планетных тел помогло нам лучше познакомиться с родным домом.

Сравнение истории развития планет показывает, что они, подобно живым организмам, взрослеют и умирают. Размеры планеты, ее расстояние до Солнца, вещество, из которого она образована,— вот что определяет жизненные пути всех планет Солнечной системы. Сравнительная планетология, которая сейчас находится в самом начале увлекательного пути, ведущего в прошлое нашей планеты, поможет глубже познать ее настоящее и будущее.

Лесника мы всегда представляли себе неутомимым пешеходом, который ежедневно обходит свои владения, помнит на своем участке почти каждое дерево, охраняет лес от болезней и пожаров. В общем, совершенно «земная» профессия... Может ли помочь леснику космическая аппаратура, что нового увидели ученые-лесоводы с космической высоты? На эти вопросы мы попросили ответить кандидата сельскохозяйственных наук, заместителя начальника объединения «Леспроект» Василия Ивановича СУХИХ.

Представьте себе, и за лесом удобнее наблюдать с высоты. Уже в двадцатые годы, когда советская авиация только зарождалась, лесники стали подниматься в воздух. Они хотели осмотреть нескончаемые русские леса, которые тогда почти не были изучены. Никто не знал, сколько их, из каких пород они состоят, где растут молодые деревья, где зрелые и многое другое. Наблюдение и фотографирование с самолетов помогли обследовать к 1955 году почти все лесные пространства страны.

Исследования из космоса, конечно, расширили возможности службы лесов. Лес — живой организм, он взрослеет и стареет, иногда заболевает, подвергается нашествиям разных насекомых и животных, которые могут нанести ему вред, лес рубят... Все это меняет «физиономию» лесных массивов, их цвет, способность отражать свет, густоту листвы. Изменения эти и отображаются на космических снимках. Особенно удобно то, что сведения эти можно получать регулярно и довольно часто. Искусственные спутники Земли летают вокруг земного шара по определенным орбитам, и их приборы замечают многое из того, что происходит в лесах.

Первые же наблюдения за лесами из космоса показали движение «зеленой волны». С появлением весны на деревьях вырастает новая листва, со временем ее становится все больше и больше, увеличиваются кроны деревьев. Весна движется с юга на север, теснит зиму, освобождая от нее все новые районы. На космических снимках это движение тепла отображается изменением вида одних и тех же территорий. Это действительно можно сравнить с движением волны. Осенью же наступают холода, листья желтеют, буреют, деревья сбрасывают их. Рождается «коричневая волна», которая движется с севера на юг вместе с холодом. Это тоже замечают космические объективы. Подобные наблюдения очень важны для правильного ведения лесного хозяйства. Они помогают следить за состоянием лесов, их ростом, вовремя проводить мероприятия по охране леса.

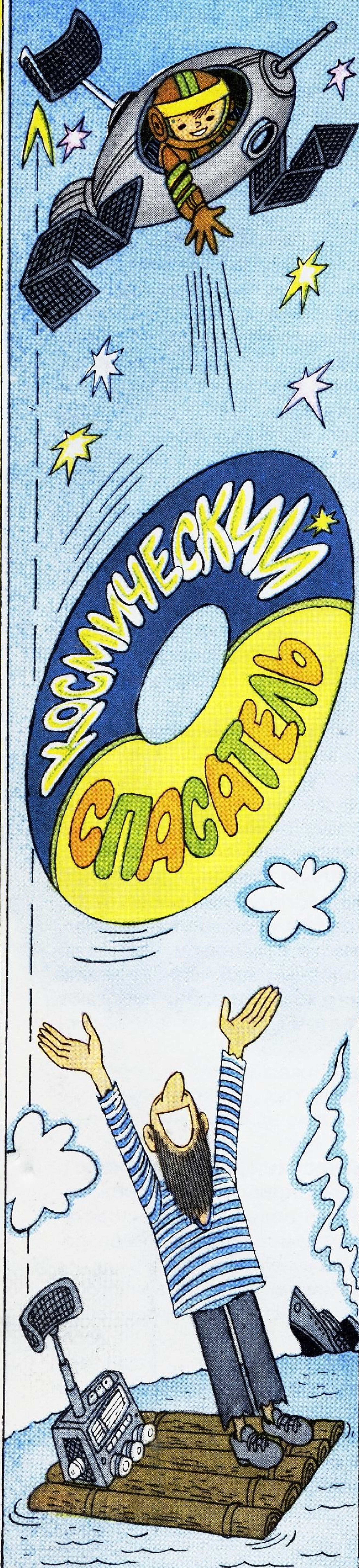
Самый страшный враг лесов — огонь. Пожар может за короткий срок погубить все деревья на огромных территориях. Лучше не допускать пожара вообще, но если он все же начался, нужно очень быстро его потушить.

Заметить даже небольшой, закрытый кронами деревьев костер с высоты удается с помощью специальных приборов — тепловизоров. Эти приборы улавливают ничтожные повышения температуры. Тепловидение с космических высот помогает быстро обозревать большие территории. В жаркие летние месяцы, когда подолгу нет дождей, наблюдения со спутников можно проводить несколько раз в день. И лишь только обнаружится пожароопасный участок — высылать патрульный самолет.

Когда деревья заболевают, у них, как и у людей, повышается температура. Тепловая съемка служит для лесов своеобразным градусником, и очень чувствительным. Сигнал о том, что определенный участок «температурит», поступит из космоса гораздо раньше, чем это заметит даже опытный лесовод.

Космический надзор за лесами продлевает им жизнь, помогает им расти, обогащает нас знаниями о природе Земли.

НАШ КОСМИЧЕСКИЙ ДОМ

9 сентября 1982 года в горах Британской Колумбии потерпел аварию самолет с тремя канадскими летчиками на борту. Вот как это случилось: «Неожиданно впереди нас возник крутой склон. Самолет не мог его обогнуть, Джон делал невероятные усилия, чтобы посадить самолет среди деревьев... Раздался оглушительный треск, когда мы упали. Мы были сильно побиты и истекали кровью. Мы старались, как могли, ухаживать друг за другом, раздумывая, как нам выбраться отсюда... Нам оставалось только надеяться и молиться».

Надежда и впрямь была призрачной: вокруг высокие горы, полное безлюдье. И вдруг — как чудо, как мираж — поисковый самолет, который уверенно шел к месту катастрофы. Через несколько часов пострадавших доставили в госпиталь. Им было трудно поверить, что своим спасением они обязаны не чуду, а маленькой звездочке, облетающей Землю на тысячекилометровой высоте,— советскому спутнику «Космос-1383». С момента запуска этого спутника в июне 1982 года начала работать Международная спасательная система КОСПАС — САРСАТ. Канадские летчики были первыми на Земле людьми, спасенными с помощью космического патруля.

Слово — начальнику Центра системы КОСПАС *А. В. БЕЛОУСОВУ:*

— Названия КОСПАС и САРСАТ расшифровываются на русском и английском языках примерно одинаково: космическая система поиска аварийных судов и самолетов. Хотя сегодня корабли и самолеты оснащены совершенным оборудованием, они достаточно часто терпят бедствие. Море и воздушный океан остаются грозной стихией, в борьбе с которой человек не всегда выходит победителем. Поэтому жизнь людей иногда прямо зависит от того, как быстро спасатели поймают сигнал «SOS» и окажут помощь.

Строгие правила предписывают всем радистам каждый час в определенное время прослушивать эфир на аварийных волнах. Но не всегда это помогает: призыв о помощи из какого-нибудь отдаленного района может и не дойти.

Вот почему родилась идея перенести поиск терпящих бедствие в космос. Представьте себе: высоко над Землей почти по круговой орбите летает спутник. В поле его радиозрения — зона диаметром более пяти тысяч километров. Спутник видит сразу территорию, равную половине Атлантического океана, или всю Европу вместе с морями — Средиземным, Черным, Каспийским, Северным... За один виток вокруг Земли спутник успевает обследовать территорию, для осмотра которой потребовалось бы поднять в воздух тысячу самолетов!

Представьте далее, что над Землей летает не один спутник, а несколько. И все они слушают аварийную частоту. Это практически означает, что катастрофа в любом месте планеты будет обнаружена не позднее чем через час-два. Это если очень не повезет. А если повезет, то спутник засечет сигнал бедствия уже через несколько минут.

Многие суда и самолеты оснащены сейчас аварийными радиопередатчиками. Их сигнал, уловленный спутником, немедленно передается в наземные центры связи. Уже созданы шесть таких центров. Они расположены в странах — основательницах спутниковой поисковой системы — СССР, США, Франции, Канаде,— а также на территории Англии и Норвегии. Из центра сообщение о терпящих бедствие поступает в ближайший к катастрофе район, а там уже вступают в дело спасательные службы.

Международная программа космического патрулирования предусматривает вывод на орбиту четырех спутников. Три из них уже летают над Землей. Первому из них, советскому, обязаны жизнью канадские летчики. В 1983 году запущен еще один спутник, американский. Но он, к сожалению, вышел из строя.

В ближайшем будущем система космического патрулирования должна охватить весь земной шар. Но она уже сейчас принесла замечательные результаты. С сентября 1982 года по середину 1984 года с ее помощью было зафиксировано более ста аварий и спасено почти 300 человек! Причем аварий с советскими экипажами среди них не было ни одной.

Создание системы КОСПАС — САРСАТ — пример тех хороших возможностей, которые открывает международное сотрудничество в космосе. Не зря ее участники объявили свою систему открытой. Это означает, что любое государство в любой момент может к ней присоединиться.

КОСТЮМ ДЛЯ ДЕЛЕГАТА

Как все девочки, Катюша очень интересуется модой. Сама она, правда, не расстается с русским нарядом: звание фестивального талисмана обязывает. Но будьте уверены: она наверняка знает, какие в этом сезоне носят юбки, как повязывают платочек и какой узор должен быть на вязаной кофточке, чтобы все подружки, увидев ее, хором воскликнули: «Ах!»

Впрочем, мы отвлеклись... В дни, оставшиеся до начала XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов, у Катюши была пропасть работы. И все же она с радостью согласилась заглянуть в Общесоюзный дом моделей и потом рассказать читателям «Пионера», как будут одеты в дни фестиваля члены советской делегации.

Катюша, признаться, и сама давно мечтала побывать в большом доме на московской улице с необычным названием Кузнецкий мост, где самые опытные конструкторы и самые искусные портные создают советскую моду — ту, которой аплодируют потом в Париже и Нью-Йорке.

И вот Катюша в Доме моделей. Она заглянула в демонстрационный зал. Побывала в рабочих комнатах модельеров, где будущие платья и брюки, блузки и куртки появляются на бумаге в виде эскизов. Прошла по мастерским, где стрекочут швейные машинки, а на столах лежат вороха разноцветных тканей..

Надо ли говорить, что Катюшу везде встречали радушно, а она старалась хорошенько все понять и запомнить. Самый долгий и интересный разговор у нее получился с художниками-модельерами Еленой Ивановой и Александром Игмандом: это они придумали костюмы для советских участников фестиваля. Посмотрите на снимки. Быть может, вам покажется, что такие пиджаки, куртки, юбки и блузки вы уже много раз видели — на улице, на стадионе, в кинотеатре... И действительно: в фестивальных моделях художники постарались использовать все лучшее, что есть в молодежной моде, в ее спортивном стиле. Вещи спортивного стиля удобны, не стесняют движений. Юбка со складками будто специально создана для размашистого шага. В куртке из хлопчатобумажной ткани двух цветов юноше так и хочется расправить плечи, почувствовать себя настоящим атлетом. Это стиль для тех, кто подвижен, энергичен, подтянут,— сутулая спина и развинченная походка с ним не гармонируют.

Этот стиль универсален. Что это значит? Модельеры предлагают девушкам блузки типа мужских рубашек. Такую блузку можно носить с брюками — на прогулку, с юбкой — на товарищескую встречу, с юбкой и пиджаком — в торжественных случаях. Отдельные предметы можно по-разному соединять между собой и получать каждый раз новый костюм. И все элементы фестивальной формы так продуманы, что превосходно сочетаются.

А обратите внимание — какого цвета ткани использовали художники. Светлые, жизнерадостные оттенки голубого, розового, зеленого... Вместе с белым эти краски создают особенно праздничное настроение и так идут молодым, веселым, загорелым лицам!

— Мне лично эта мода нравится,— заявила Катюша. А уж она-то разбирается в моде.

В. СЕВЕРЬЯНОВА

Фотографии А. ЧЕРНЫХ.

Юрий Коваль
Полынные сказки

Рисунки С. ОСТРОВА.

В начале нашего столетия происходят события, о которых рассказываю я в своей книге.

Герои книги давно забыты. Но это только так кажется. Память о хорошем человеке, который жил когда-то на земле, не умирает, она остается в памяти других людей, в их рассказах.

Сельская учительница Татьяна Дмитриевна, моя бабушка, о которой я слышал в детстве много рассказов от своей мамы, жила в глухой деревне в Средней России, в Мордовии, где многие дети даже и не знали русского языка.

Она была из тех народных учителей-просветителей, которые отдали свою жизнь простым бедным людям. В царской России крестьяне были почти поголовно безграмотны, и учителя, которые «шли в народ», несли знания, совершали подвиг, тихий подвиг.

Автор

Это было...

Давно это было.

Это было, когда я еще любил болеть. Но только не сильно болеть. Не так болеть, чтоб тебя везли в больницу и вкалывали десять уколов, а тихо болеть, по-домашнему, когда ты лежишь в постели, а тебе чай с лимоном несут.

Вечером мама с работы прибегает:

— Боже мой! Что случилось?!

— Да так, ничего,— отвечаю слабым голосом.— Все в порядке.

— Чаю надо! Крепкого чаю! — волнуется мама.— Где лимон?

— Не надо ничего... оставьте меня.

— Милый мой, милый,— шепчет мама, обнимает меня, целует, а я постанываю. Замечательные были времена.

Потом мама садилась рядом со мной на кровать и начинала мне что-нибудь рассказывать или рисовала на листочке бумаги домик и корову. Это все, что она умела нарисовать,— домик и корову, но я никогда в жизни не видел, чтоб кто-нибудь так хорошо рисовал домик и корову.

Я лежал, и стонал, и просил:

— Еще один домик, еще одну корову!

И много получалось на листочке домиков и коров. А потом мама рассказывала мне сказки. Странные это были сказки. Я никогда и нигде таких потом не читал. Прошло много лет, прежде чем я понял, что мама рассказывала мне про свою жизнь. А у меня в голове все укладывалось как сказки.

Шел год за годом, пролетали дни. И вот этим летом я сильно заболел. Обидно болеть летом. Я лежал на кровати, глядел на макушки берез и вспоминал мамины сказки.

Сказка про серые камни

Это было давно... очень давно.

Смеркалось.

По степи мчался всадник.

Глухо били в землю копыта коня, увязали в глубокой пыли. Облако пыли подымалось за спиною всадника.

У дороги горел костер.

Четыре человека сидели у огня, а в стороне от них лежали в поле какие-то серые камни.

Всадник понял, что это не камни, а стадо овец.

Он подъехал к костру, поздоровался.

Пастухи угрюмо смотрели в огонь. Никто не ответил на приветствие, никто не спросил, куда он держит путь.

Наконец, один пастух поднял голову.

— Камни,— сказал он.

Всадник не понял пастуха. Он видел овец, а камней не видел.

Хлестнув коня, он помчался дальше.

Он мчался к тому месту, где степь сливалась с землей, а навстречу ему подымалась вечерняя туча. По земле стелились под тучею облака пыли.

Дорога подвела к оврагу с глубокими склонами. На склоне, красном и глинистом, лежали серые камни.

«Это уж точно камни»,— подумал всадник и влетел в овраг.

Тут же накрыла его вечерняя туча, и белая молния воткнулась в землю перед копытами коня.

Конь метнулся в сторону, снова ударила молния, и всадник увидел, как серые камни обратились в зверей с острыми ушами.

Звери скатились по склону, кинулись под ноги коню.

Конь захрапел, подпрыгнул, ударил копытом — и всадник вылетел из седла.

Он упал на землю и ударился головой об камень. Это был настоящий камень.

Конь умчался. За ним стелились по земле вдогонку длинные серые камни. Только один камень остался на земле. Прижавшись к нему головой, лежал человек, который мчался неизвестно куда.

Утром нашли его молчаливые пастухи. Постояли над ним, не сказали ни слова.

Они не знали, что в тот самый момент, когда ударился всадник об камень головой, на свете появился новый человек.

И всадник мчался, чтоб увидеть этого человека.

За минуту до смерти он думал:

— Кто же родился? Сын или дочь? Хорошо бы дочь.

Родилась девочка. Ее назвали «Ольга». А попросту все ее звали «Леля».

Сказка об огромных существах

Был жаркий июльский день.

На лугу стояла девочка. Она видела перед собой зеленую траву, по которой рассыпаны были большие одуванчики.

— Беги, Леля, беги! — услышала она.— Беги скорее.

— Боюсь,— хотела сказать Леля, но сказать не смогла.

— Беги, беги. Ничего не бойся. Никогда ничего не бойся. Беги!

— Там — одуванчики,— хотела сказать Леля, но сказать не смогла.

— Беги прямо по одуванчикам.

«Так ведь они же звенят»,— подумала Леля, но быстро поняла, что сказать такую фразу ей никак не удастся, и побежала прямо по одуванчикам. Она была уверена, что они зазвенят под ногами.

Но они оказались мягкие и не звенели под ногами. Зато звенела сама земля, звенели стрекозы, звенел серебряный жаворонок в небе.

Леля бежала долго-долго и вдруг увидела, что перед нею стоит огромное белое существо.

Леля хотела остановиться, но остановиться не могла.

А существо огромное манило незнакомым пальцем, притягивало нарочно к себе.

Леля подбежала. И тут огромное существо схватило ее и подбросило в воздух. Тихо замерло сердце.

— Не бойся, Леля, не бойся,— послышался голос.— Не бойся, когда тебя подкидывают в воздух. Ты ведь умеешь летать.

И Леля вправду попробовала летать, замахала крыльями, но далеко не улетела, снова опустилась на руки. Тут она увидела широкое лицо и маленькие-маленькие глазки. Черненькие.

— Это я,— сказало огромное существо.— Марфуша. Не узнаешь? Беги теперь назад.

И Леля побежала назад. Она снова бежала по одуванчикам. Они были теплые, щекотались.

Она бежала долго-долго и увидела новое огромное существо. Голубое.

— Мама! — крикнула Леля, и мама подхватила ее на руки и подбросила в небо.

— Не бойся. Ничего не бойся. Ты умеешь летать.

И Леля полетала уже подольше и, наверно, могла бы летать хоть сколько угодно, но ей самой захотелось опуститься поскорей в мамины руки. И она опустилась с неба, и мама с Лелей на руках пошла по одуванчикам к дому.

Сказка о какой-то штуке с золотым носом

Она летала теперь каждый день и всегда старалась приземляться в мамины руки. Так было надежней и приятней.

— Хватит летать,— сказала однажды мама.— Научись как следует ходить. Иди.

И Леля пошла. А куда пошла — она не знала.

— Иди смело. Не бойся ничего.

И она пошла. И только отошла, как над головой у нее что-то глухо зазвенело:

— Дон! Дон!

Леля испугалась, но тут же не испугалась.

Она подняла голову и увидела: высоко на стене висит какая-то штука с золотым носом. Она качала этим носом, а лицо у нее было круглое, белое, как у Марфуши, только уж очень много глаз.

— Это что за штука с золотым носом? — хотела спросить Леля, но спросить это не удалось. Язык как-то пока не поворачивался. А поговорить хотелось.

Леля набралась духу и спросила у этой штуки:

— Летаешь?

— Так,— ответила штука и махнула носом. Страшновато махнула.

Леля снова испугалась, но тут же снова и не напугалась.

«А не летаешь — так и бог с тобой»,— хотела сказать Леля, но сказать ей это опять не удалось. Она просто махнула на штуку рукой, а та в ответ носом. Леля снова рукой, а та — носом.

Так они махали некоторое время — кто носом, а кто рукой.

— Ну ладно, хватит,— сказала Леля.— Я пошла.

Она пошла дальше, и вокруг нее стало темно. Она шагнула в темноту, прошла два шага и раздумала идти дальше. Все-таки неловко было перед этой штукой, которая не летает, а только качает золотым носом. Может, она все-таки летает?

Леля вернулась назад, постояла, посмотрела: нет, никак не летает. Качает носом, и все.

И тут Леле самой захотелось взлететь к этой штуке и схватить ее за нос, чтоб зря не болтался.

И она взлетела и схватилась за нос.

От удивления у этой штуки вылезли из орбит все ее глаза. Она икнула и перестала болтать носом.

А Леля опустилась вниз, к маме на руки.

— Это часы, Лелесь, их за нос дергать нельзя.

«А чего они все время носом болтают?» — хотела спросить Леля, но язык снова не повернулся. А поговорить о часах хотелось.

— Летают? — спросила она.

— Нет, они не летают,— засмеялась мама.— Они ходят или стоят.

Сказка о крыльце и завалинке

А уж это было, когда Леля перестала стенные часы за нос дергать.

Она решила теперь ходить и стоять. Как часы.

И она все время ходила и стояла, ходила и стояла. Дойдет до часов, постоит.

— Хожу и стою,— говорила она.— Хожу и стою.

Часы тикали в ответ, помахивали золотым носом, который назывался маятник. Но Леля забыла про маятник, она теперь думала, что это не только нос, а еще и такая нога золотая. Этакая нос-нога. Вот часы и ходят этим носом-ногой. А дергать за носоногу нельзя: часы встанут. А дернуть хочется. Ну ладно, пошли дальше.

Она пошла дальше, и тут же вокруг нее стало темно. И она опять вернулась к часам. Жалко все-таки, что нельзя их дернуть за нос и за ногу.

«А вот меня можно»,— подумала Леля и дернула сама себя за нос, а потом села на пол и дернула за ногу.

Часы на все эти штучки не обратили никакого внимания.

И Леля снова пошла вперед, в темноту. И увидела в темноте светлую щель, из которой шел свет. И так получилось, что Леля сунула в нее свой нос. И, конечно, щель могла каждую секунду прищемить ей нос, потому что была дверная. Но не прищемила.

«Не прищемляет,— подумала Леля.— Повезло».

И она толкнула дверь и вышла на крыльцо.

Свет зеленый и золотой ослепил ее, а за светом, зеленым и золотым, она увидела луг и одуванчики и очень обрадовалась. Так обрадовалась, как будто раньше их не видала. Но раньше-то ее приносили сюда на руках, а теперь она сама дошла. Это важно дойти самому до того, до чего хочешь.

Леля села на крыльцо и стала глядеть на то, до чего дошла сама.

«Дошла до одуванчиков,— думала она.— Добралась. А трудновато было. Коридор такой темный; да еще эта щель дверная. Зря я совала в нее нос. Больше никогда не буду».

Так сидела она и так примерно думала и любовалась тем, на что глядела.

«А на чем это я сижу»? — подумала вдруг она.

И перевела взгляд на крыльцо. Уютное это было крыльцо, тесовое, с резными колонками, с навесом, чтоб не капал дождик на того, кто сидит на крыльце.

Она постучала по резной колонке, и тихо-тихо ответило ей крыльцо.

— Это — крыльцо,— послышался сзади мамин голос.

«Крыльцо,— думала Леля.— Крыльцо. Хоть и не крыло, а, наверно, летает. Пускай летит, а я буду на нем сидеть и глядеть на луг и одуванчики».

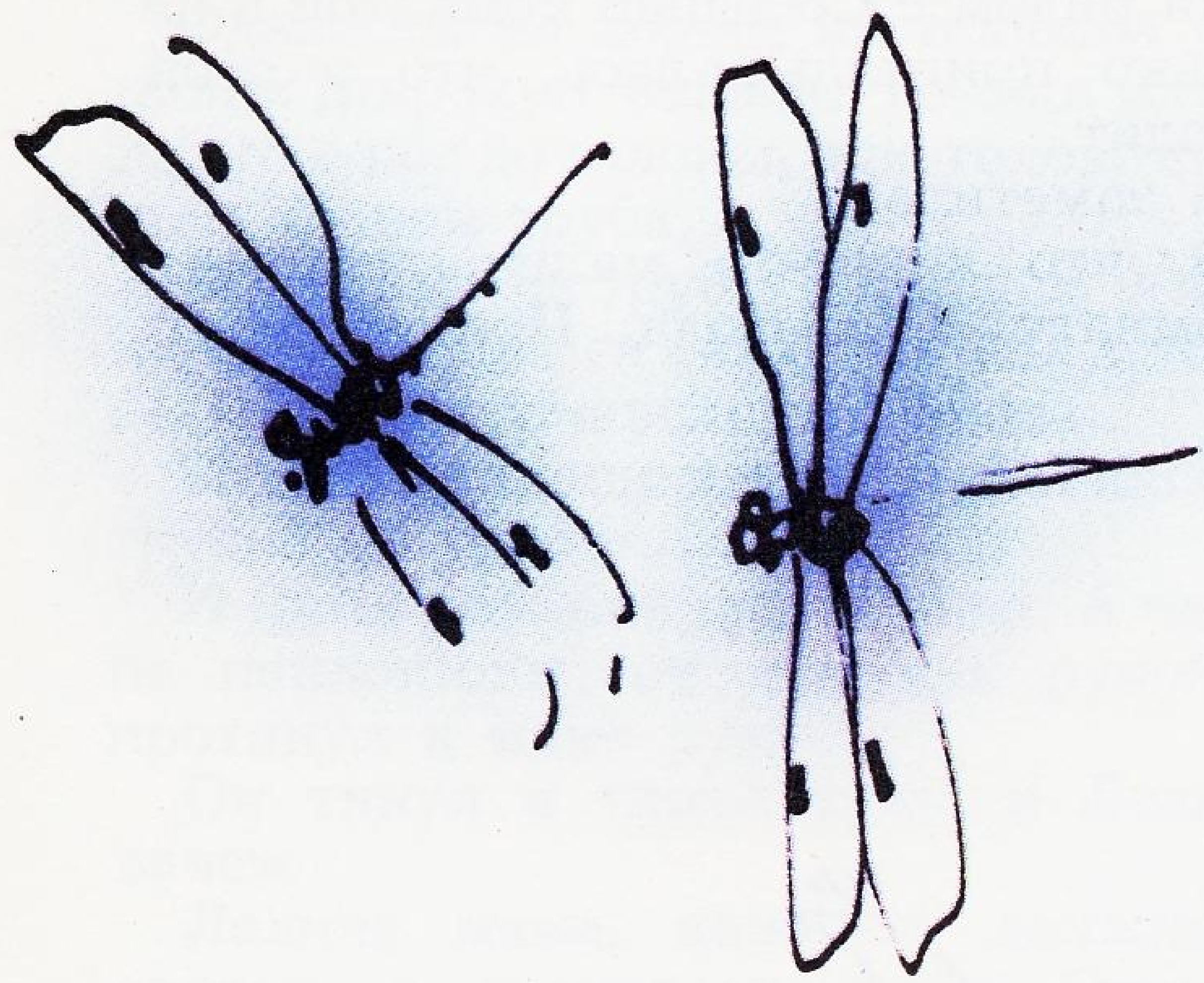
Но крыльцо никуда не летело.

«Ну и ладно,— подумала Леля.— Зато на нем сидеть хорошо. Буду всегда на нем сидеть».

Теперь каждый день она подходила к часам, шла потом по коридору и садилась на ступеньку крыльца.

Она очень полюбила свое крыльцо и называла его «крылечко».

Рядом с нею часто сиживал котенок Васька, подходил поросенок Федя.

— Почеши-ка мне пузо,— говорил вроде бы поросенок и терся о ее ногу. И Леля чесала ему пузо.

Почему-то, кстати сказать, она сразу поняла, что поросенок Федя не летает. И дело тут не в крыльях. Крылья можно приделать и к поросенку. А просто те, кто чешет пузо, летать никак не могут. Или летай, или пузо чеши.

Так сидела Леля на крылечке, размышляя о пузе, о поросенке и о полетах.

«Конечно, Федя не летает,— думала она.— Но, пожалуй, на нем можно сидеть. Как на крылечке».

Леля сошла с крылечка, подошла к поросенку и только хотела усесться на него, а Федя убежал.

«Стой, Федор!» — хотела сказать Леля, но сказать не успела и плюхнулась в траву. Она не огорчилась, что поросенок убежал, она обрадовалась, что можно на траве сидеть.

— Иди-ка сюда, Лелесь,— послышался голос.

Леля оглянулась и увидела, что неподалеку от нее сидит мама. И сидит она не на крыльце, не на траве и, конечно, не на поросенке Феде, а на чем-то совсем другом.

— Иди сюда, иди. Садись рядом со мной на завалинку. Она не летает.

Но Леля уже сама поняла, что завалинка не летает, ясное дело — она ведь заваливает.

Хорошая была завалинка, обшитая серыми досками. И на ней можно было сидеть.

«Но сидеть можно и на стуле,— думала Леля.— Сидеть и глядеть в стену. Но разве сравнится стул с крыльцом и завалинкой, а стена с лугом и одуванчиками? Да никогда в жизни».

И тут Леля поняла, что главное — это не то, что на крыльце можно сидеть, главное — что у нее есть крыльцо, и завалинка, и луг, и одуванчики.

А сидеть можно на чем угодно. Да хоть на стуле, да хоть на поросенке Феде, если вовремя сказать ему:

— Стой, Федор!

Сказка о соседней комнате

Наконец-то Леля поняла, что она живет в доме. А дом этот называется «школа».

— А вон те дома тоже школы? — спрашивала она, когда научилась толком спрашивать.

— Да нет, там просто дома.

— А это наш дом?

— Наш.

— Он — дом?

— Дом.

— А где же школа?

— Да вот она. Наш дом и есть школа. Здесь дети учатся.

Школа начиналась с крыльца, и, поднявшись по ступенькам, надо было пробежать через коридор, в котором всегда было темновато, тут и попадешь в сторожку, в которой жил школьный сторож дед Игнат.

Из сторожки в глубину школы вели две двери. Одна — налево, другая — направо.

И налево была комната Лели.

И была в ней кровать с яркими серебряными шарами, а на ней лежало сразу три подушки. А внутри-то у подушек был пух! Утиный, гусиный и куриный пух! Вот это да! Леля никак не ожидала, что у подушек внутри пух.

Но пух в конце концов ерунда. Пух в подушках, стол да стулья есть в каждом доме, а вот такой огромной, желтой и высокой штуки, что стояла у стены, не было нигде.

Штука называлась «кафедра».

На кафедру можно было взобраться и речь говорить.

И Леля забиралась на кафедру и говорила речь.

— А в подушках — пух! — говорила она.— Утиный, гусиный и куриный! Вот как!

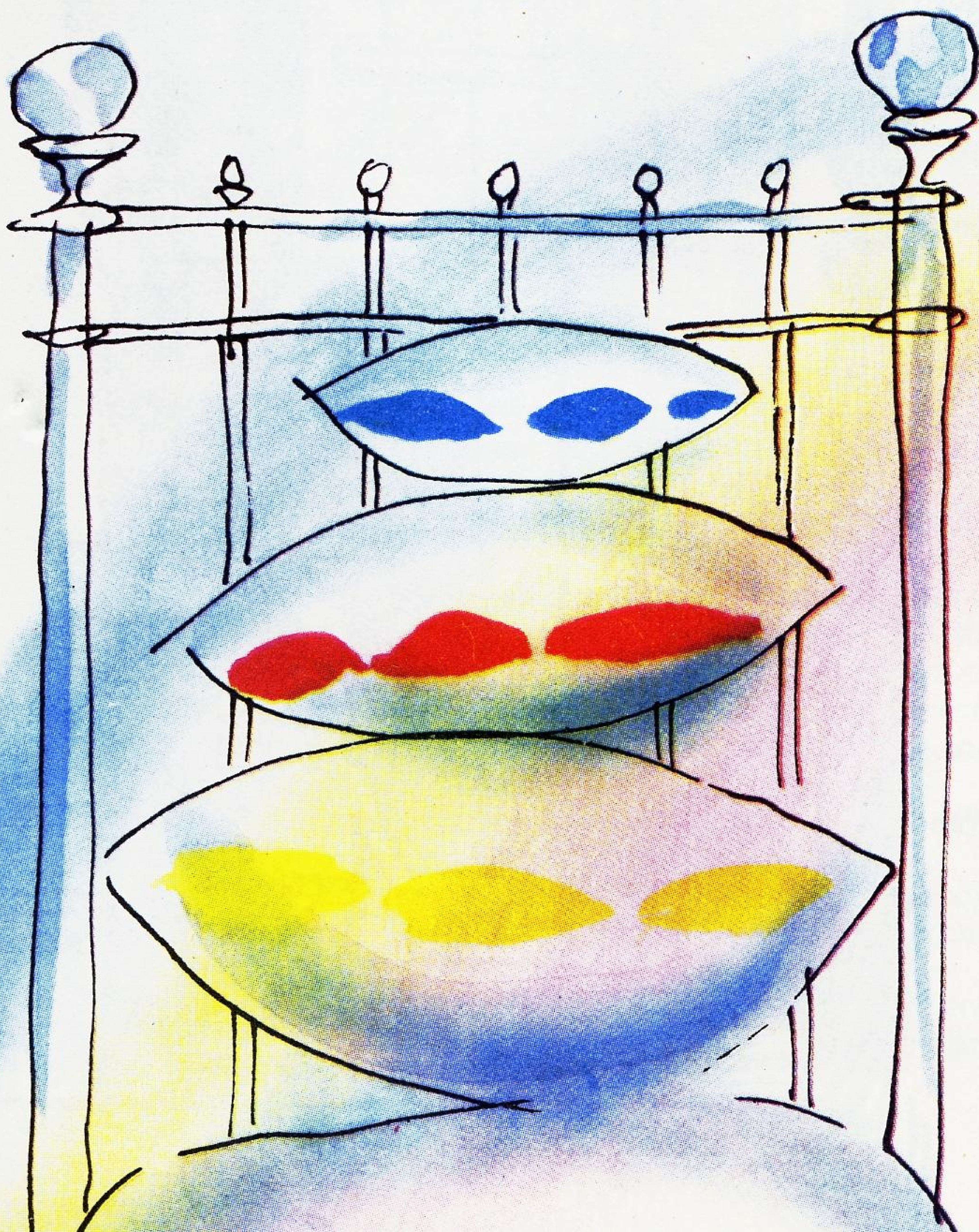
И стенные часы слушали Лелю, удивляясь насчет подушек.

Кафедра была покрашена желтой масляной краской. Не какой-нибудь простой краской, а масляной.

— У нас кафедра покрашена масляной краской! — толковала Леля с кафедры стенным часам.— Вот как!

А рядом с Лелиной комнатой была Соседняя. И рядом с Соседней комнатой нельзя было плакать.

Когда Леля была еще совсем маленькая и лежала еще в колыбели, ей хотелось поплакать.

Но как только она начинала это дело, тут же к ней подходил кто-нибудь и говорил:

— Тише... тише... не плачь... нельзя... там — соседняя комната.

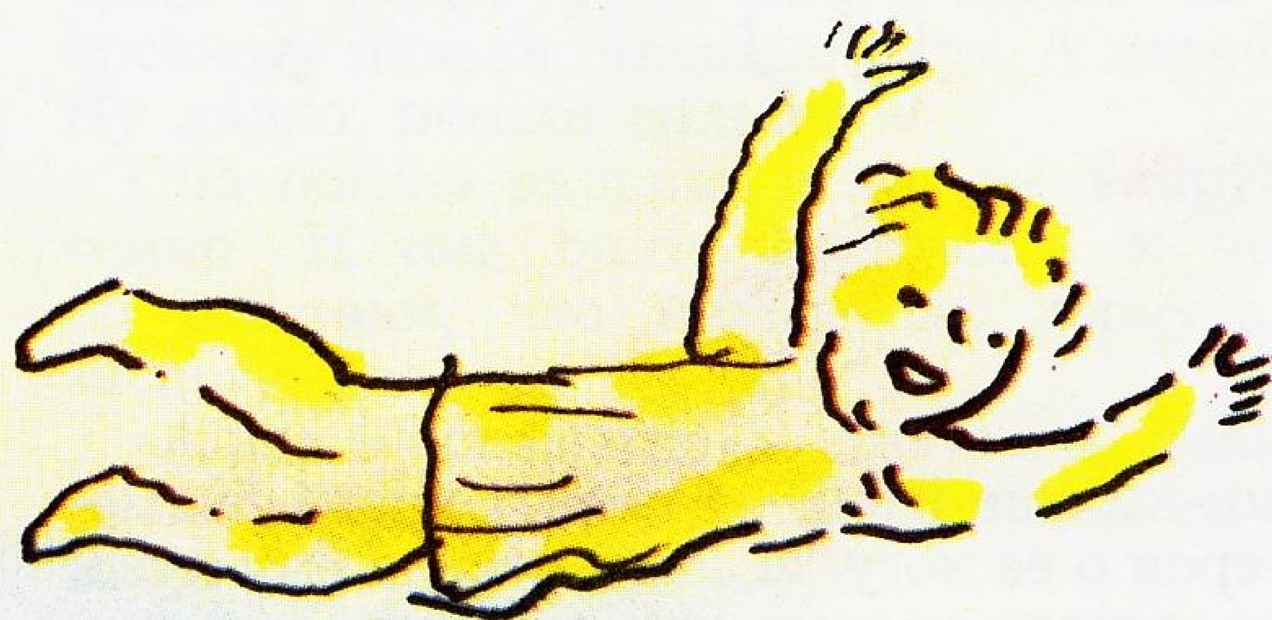
«Что за ерунда? — думала Леля.— Всюду можно плакать, а тут нельзя! Загадка какая-то!»

И тогда она решила раз и навсегда перестать плакать, раз уж рядом всегда Соседняя комната. И перестала и во всей своей будущей жизни никогда не плакала. И плакала только тогда, когда удержаться было невозможно.

Так жила Леля рядом с Соседней комнатой и не плакала, а только приглядывалась, что в этой комнате происходит.

И вот что она заметила.

Она заметила, что какие-то маленькие люди ходят в эту комнату. Туда-сюда. Придут-уйдут. Опять придут.

А в комнате за стенкой все время что-то творилось.

То была тишина, то вдруг начинался шум, гвалт и крики. Такие крики, что, если б Леля заплакала, в соседней комнате никто бы и не услыхал.

Эта комната называлась «класс», а Лелина мама была учительница.

Она, оказывается, учила учеников.

И Леля долго думала, чему же мама их учит?! А потом сообразила, что мама учит их тому, чему научила Лелю,— летать!

Когда в классе тишина, это мама их учит, а когда начинается шум, это, значит, они все разом полетели.

И Леля представляла себе, как маленькие ученики дружно летают над партами — кто кувыркается в воздухе, кто смеется, кто кричит и просто так машет руками.

А выше всех и лучше всех летает над доской ее мама!

Сказка о Главном Человеке

И, конечно же, мама ее была Главным Человеком в мире.

Это было ясней ясного.

Когда мама гуляла с Лелей по лужайке около

школы, им часто встречались люди — большие и маленькие.

Маленькие крутились вокруг мамы. Забегут спереди и кричат:

— Татьяна Дмитриевна, здравствуй!

И после обегут вокруг и снова:

— Здравствуй, Татьяна Дмитриевна!!

И так бесконечно: здравствуй да здравствуй!

Много их бегало и здоровалось.

А большие люди не бегали и не кричали, а только кланялись и снимали шапки. И Лелина мама кланялась в ответ.

Однажды на пороге им попался уж очень большой и широкий человек. Темная материя окутывала его с ног до головы, а на голове стояла высочайшая черная труба.

Но только из трубы дома дым подымается кверху, а тут клубился внизу. И Леля догадалась, что это не дым, а курчавейшая борода.

Мама остановилась. Остановился и человек с трубой на голове.

И мама поклонилась первая. А человек с трубой не поклонился, он помахал рукой в воздухе и протянул к маме руку.

Он тянул и тянул руку, и Леля не понимала зачем.

Лелина мама, кажется, должна была что-то сделать, а не сделала ничего. Она взяла Лелю на руки и прошла мимо человека с трубой на голове.

— Кто это? — шепнула Леля, когда они прошли мимо.

— Это батюшка-поп.

— Ого! — подумала Леля.— Батюшка-поп! А чего он руку-то тянул?

— Чтоб я ее поцеловала.

— А что ж ты ее не поцеловала-то? — хотела спросить Леля, но не спросила, а только подумала. И мама ответила:

— Да так, не хочется что-то.

И Леля поняла, что батюшка-поп очень Главный Человек, а мама, как ни крути, все-таки главнее.

Сказка про деда Игната

А это было уже после того, как Леля поняла, кто на свете главный человек.

Она узнала, что на свете много-много людей и множество вещей, а у ее мамы немало учеников — и Марфуша, и Максим, и другие ребята. И мама их вовсе не учит летать, она учит их читать и писать.

И это большая разница. Читать и писать — одно, а летать — другое.

И все-таки Леля понимала, что читать и писать — это все равно, как летать, только немного по-другому.

И жил еще в школе дед Игнат.

Большой и сильный дед. Он рубил дрова.

Размахнется топором и так крякнет, что чурка пополам разлетается.

Потом дед собирал дрова в охапку и тащил в школу, и Леля тащила за ним одно полено.

Дед Игнат бросал дрова на пол, и они грохались с грохотом, и дед говорил:

— Ну вот и приехали.

И Леля бросала свое полено. И грохоту было поменьше. Но все-таки был.

Дед Игнат топил печки. А их в школе было две — русская и голландская. И русская была больше голландской и дров съедала больше.

Затопив печку, дед Игнат глядел на стенные часы, доставал колокольчик и громко звонил.

И как только ребята вваливались гурьбой в сторожку, дед говорил:

— Ну вот и приехали!

Это была его любимая фраза.

Пойдет на улице дождик — дед говорит:

— Ну вот и приехали.

Вскипит самовар:

— Ну вот и приехали.

Приедут гости:

— Ну вот и приехали.

Однажды Леля сказала деду, что крыльцо и завалинка все-таки летают. Только глубокой ночью, когда все спят. Дед Игнат не поверил, чесал в затылке, удивлялся.

А Леля в этот день легла спать нарочно пораньше. И заснула. Спать-то она спала, а все равно все видела и слышала.

— Эй, завалинка,— сказало крыльцо,— ты уже спишь?

— Не,— ответила завалинка,— подремываю.

— Давай полетаем.

— Давай.

И они сорвались с места и полетели летать над деревней.

А дед Игнат как раз возвращался домой.

Увидел он, как летают над деревней крыльцо и завалинка, сильно удивился. А когда появилась в небе школьная кафедра, покрашенная масляной краской, дед сел в траву и сказал:

— Ну вот и приехали.

Сказка о Полыновке

А вокруг деревни, в которой жила Леля, повсюду — на полях и на дорогах — бушевала полынь.

В жаркие июльские дни запах полыни пропитывал и солнце, и воздух, и облака.

И дожди были здесь полынные. И грозы.

А называлась деревня — Полыновка.

Полыновцы любили полынь.

Вениками из полыни подметали они свои дома, и горький полевой запах стоял в каждом доме.

Как хороша была полынь, как красива!

Другие травы зеленые были да травянистые, а полынь-то серебряная. Листья ее, рассеченные ветрами, серебрились под солнцем, а на верхушке полынного стебля маленькие да золотые горели зернины. И запах, невозможный запах — горький и радостный.

Леле всегда хотелось набрать полыни, поставить в комнате, как букет.

— Нельзя, Леля, нельзя,— говорила мама.— Полынь — к горечи. Не надо нам в доме горечи.

Леля не знала, что такое горечь, и радовалась, что горечи в их доме нет и что веник все-таки из полыни.

Интересные и очень простые люди были полыновцы. Они и сами были какие-то полынные — тихие, степные, полевые.

Жили они небогато, денег не понимали. И серебро в их жизни было с полынных листьев, а золото от соломенных крыш.

Гордостью села были девушки.

В праздничные дни они выходили на улицу в

белоснежных длинных рубашках, которые назывались «покар». Подолы их были чудесно, причудливо расшиты. А пояса! Какие пояса! Это не были даже пояса, а бесконечные сложные украшения из разноцветных ниток.

К поясам подвешивали девушки серебряные колокольчики, на шее висели ожерелья в пять рядов из разных монеток, и, когда девушки выходили гулять, звон стоял на всю Полыновку.

Больше всего на свете полыновцы любили блины. Пшенные блины!

Что за чудо были эти блины — ноздрястые, пушистые!

Есть их надо было прямо со сковородки да макать в сметану и кислым запивать молоком.

В праздничные дни полыновцы приносили в школу Татьяне Дмитриевне завернутые в чистое полотенце пшенные блины.

На блины собирались в школу ребята. Приходила Марфуша, приходил Максим.

— Хочешь сказку под блины? — спрашивала у Лели Марфуша.

— А какую сказку?

— Расскажу я сказку длинную,— серьезно говорила тогда Марфуша,— не простую сказку — блинную. Ну, какую хочешь сказку? На один блин или на два?

— Давай на три.

— Ну так слушай, расскажу сказку в три блина длиной.

Сказки свои Марфуша рассказывала очень-очень давно, и прошло много лет, прежде чем я их услышал, а потом прошло еще много-много лет, прежде чем я стал их вам рассказывать. Сейчас уже нет на свете Марфуши, а я еще есть. Поэтому слушайте Марфушину сказку, как я ее вам расскажу.

Марфушина сказка в три блина длиной

Жила-была на свете мышка. Она очень любила блины.

Вот как-то испекла она три блина.

Съела первый блин, а он получился комом — встал у нее поперек живота: ни взад, ни вперед.

— Ну ладно,— думает мышка,— съем второй блин. Второй первого прошибет.

Съела она второй блин, а он тоже комом встал.

— Не прошибает,— думает мышка,— съем третий блин.

Съела третий — и третий делу не помог.

Выскочила мышка из норки, бегает по лесу, приговаривает:

Утрясайтесь, блинчики,
Растрясайтесь, пшенные!

Добежала она до старого дуба, который рос на опушке.

Встала под дубом и подпрыгивает на одном месте, чтоб блинчики поутряслись.

Услыхал дуб, как мышка блинчики уговаривает, и смешно ему стало.

— Вот,— думает,— какая глупая мышка. Шугану-ка я ее.

Уронил он желудь, да так ловко, что прямо в мышку попал.

Тут первый блинчик и проскочил от страху.

— Что такое? — пискнула мышка.— Что это падает?

Усмехнулся дуб, какая глупая мышка попалась. Шевельнул ветвями и шепнул:

— Небо!

Тут от страху и второй блинчик проскочил, а сама мышка бросилась бежать со всех ног.

— Эй, девушка! — крикнула ей крыска.— Куда бежишь?

— Ой, крыска-сестрица! Небо падает! Понимаешь? Падает небо! Такой здоровенный кусок на меня упал! Бежим!

Напугалась крыска, дунула за мышкой следом. Бежит и думает:

— Уж если небо кусками падает — куда от него убежишь?

— Эй, грызуны! Куда бегете? — крикнул им заяц.

— Не знамо куда,— ответила крыска.— Где небо не падает.

— А чего оно здесь, падает, что ли?

— А ты чего, сам, что ли, не видишь?

Глянул заяц на небо — ого! О-го-го! Падает! Прямо на зайца!

И пустился заяц бежать!

Так бежали мышка, крыска и заяц и всем рассказывали, что небо падает. И скоро уже бежали за ними и волк, и лиса.

Бегали они, бегали, опять к старому дубу прибежали.

Стоят под дубом, вопиют:

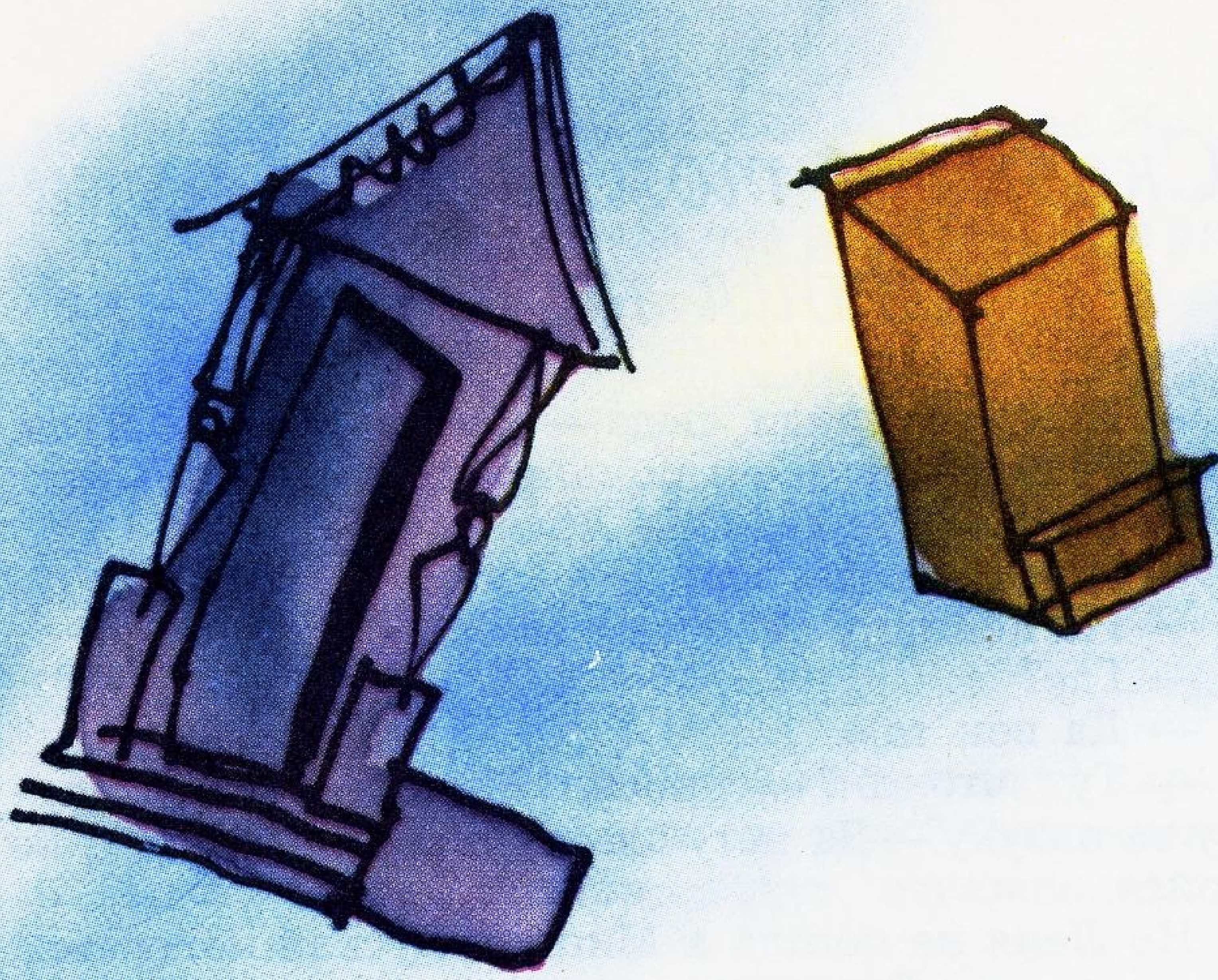
— О ужас! О небо! Не падай! Умоляем!

— Вы чего это раскричались? — строго спросил их старый дуб.

— Да как же, дяденька, не кричать да не плакать, ведь небо падает.

— Ах вы, дураки-дураки,— сказал дуб.— Это вы падёте, и я упаду, а небо будет стоять вечно.

Трояхнул дуб ветвями — посыпались желуди. Кому по лбу желудь попал, кому — по загривку.

Кинулись звери кто куда — врассыпную. И тут уж, конечно, у мышки и третий блинчик быстренько проскочил.

Сказка о полынном языке

Полыновцы часто рассказывали друг другу сказки. Но самое удивительное, что и сказки рассказывали и так просто между собой они говорили на особом, на полынном языке. Казалось, что слова и сами звуки их голоса пропитаны степной полынью.

Давно-давно, в древние времена пришли они

сюда с Севера, со скалистых морозных гор. Остановились посреди бескрайней степи, поразила их степь, залитая солнцем, обрадовал запах полыни.

Остались жить в степи, и у дороги родилась деревня — Полыновка. А вокруг были русские деревни, русские города. Земля русская приютила полыновцев, стала для них родной землей.

Да, так уж получилось, что рядом с русским народом жил другой народ — полыновцы. По-настоящему народ этот назывался — мокша.

Вот уж кому было трудновато, так это Татьяне Дмитриевне. Она-то была русская и учила полыновцев грамоте и письму на русском языке, потому что на полыновском в те далекие времена не было книг.

Вот, к примеру, на уроке Татьяна Дмитриевна спрашивает ученика:

— Где твоя тетрадка?

А он отвечает:

— Кати коса...

— Какая коса? — думает Татьяна Дмитриевна.— Куда ее катить? Нет уж, не буду я катить свою косу.

А коса у нее была — большая красивая коса, которую она иногда укладывала вокруг головы, а иногда заплетала и выпускала на плечи.

— Где же твоя тетрадка? Куда ты ее девал?

— Кати коза...

Этого еще не хватало — козу катать!

А на полынном языке «кати коса» означает «не знаю где», а «кати коза» — «не знаю куда».

Много еще было странных и красивых слов у полыновцев, и Леля все эти слова понимала. Она с детства говорила сразу на двух языках.

И было удивительное слово «ломань».

На полыновском языке это слово означало «человек».

И Леля думала, почему же человек — «ломань», ведь люди не ломаются, они так крепко и гордо ходят по дороге.

Однажды она увидела старую бабушку. Совсем сгорбилась бабушка, еле шла по дороге, опираясь на клюку.

— Бабушка, бабушка,— подбежала к ней Леля,— а ты ломань?

— Ломань, доченька, ломань. Я еще человек.

Леля смотрела ей вслед, и долго думала, и поняла, что жизнь может и вправду ломать человека, и главное, чтоб не сломала.

Так в Лелиной голове сливались два языка — русский и полыновский, они помогали друг другу. Иногда Леля чего-то не понимала на русском, зато понимала на полыновском.

Но мы дальше все будем рассказывать на русском.

А то еще, чего доброго, нам скажут: «кати коза»,— а мы схватим какую-нибудь козу да покатим ее не знаю куда.

Сказка о солдатике

— Ну вот и приехали,— сказал однажды дед Игнат, входя в комнату.

Своими крепкими, заскорузлыми пальцами он держал за ухо какого-то чернявого мальчонку. Более грязного мальчонки Леля пока в своей жизни не встречала. А еще он был кудрявый!

— Боже мой! — сказала Татьяна Дмитриевна.— Цыганенок! Отпусти его, Игнат.

Дед отпустил, и в тот же миг цыганенок прыгнул в окно и вылетел бы на улицу, если б дед не успел ухватить его за другое ухо.

— Откуда ты? — спросила Татьяна Дмитриевна.— Как тебя звать?

— Ква-ква! — ответил цыганенок.— Ква-ква-ква!

И тут он вытащил из-за пазухи лягушку. Лягушка прыгнула — и Татьяна Дмитриевна вскрикнула, а кудрявый снова прыгнул в окно. И лягушка за ним.

Но дед Игнат снова поймал мальчишку и лягушку. Лягушку отпустил за окно, а мальчика оставил в школе.

Кудрявый наконец понял, что выпрыгнуть за окно ему не дадут.

— Отпусти ухо, дед,— сказал он.— Не буду прыгать.

Дед Игнат отпустил ухо, и кучерявый протянул руку Лелиной маме и сказал:

— Мишка.

— Откуда ты? — спросила Татьяна Дмитриевна.— Откуда ты взялся?

— С войны,— ответил Мишка.— Я бродячий солдат.

В тот же день повели Мишку в баню.

— Не хочу мыться! — кричал бродячий солдатик.— Не хочу париться!

Но его отмыли, дали штаны и новую рубашку.

— Не хочу штаны! Не хочу рубашку! — кричал солдатик.

Но его заставили надеть штаны.

Спать Мишку положили в сторожке, у деда Игната.

И как только настала ночь и дед Игнат захрапел, Мишка тут же и убежал.

Но и дед Игнат храпел нарочно. Он решил поглядеть, куда бежит бродячий солдатик. А Мишка побежал до ближайшего стога, закопался в него и заснул.

— Пускай себе спит,— решил дед Игнат, вернулся в сторожку, залез на печку и захрапел уже по-настоящему.

С тех пор и жил цыганенок Мишка в деревне Полыновке, а спал где хотел — то в сторожке, то в стогу сена.

Откуда он здесь взялся, никто никогда не узнал. Наверно, потерялся, отстал от родных цыган, бродящих по полынной степи.

Сказка о том, как Мишка уходил на войну

— А ну-ка пойди сюда,— сказал Мишка Леле, когда увидел ее, и он поманил девочку пальцем.

— Не пойду,— сказала Леля.

— Иди-ка сюда, иди.

— Не пойду, у тебя там жаба!

— Где?

— Да вон там.

— Тут что ли? — спросил Мишка и сунул руку за пазуху.— Да нету здесь ничего. Иди сюда, не бойся.

Но Леля не пошла к Мишке. Пускай не думает, что она дура. Она ясно видела, что за пазухой у него кто-то шевелился.

— Ну ладно,— сказал Мишка.— Это не жаба, а простая лягушка. Смотри, я ее отпущу.

Мишка вытащил из-за пазухи лягушку и бросил ее в лужу.

— Иди теперь ко мне, не бойся.

И Леля подошла к Мишке. А у него за пазухой была вторая лягушка. И он вытащил ее и сунул Леле прямо в нос.

И Леля, конечно, закричала изо всех сил и отпрыгнула. А Мишка хохотал на всю деревню.

— Ну ладно,— сказал он, отхохотавшись,— иди снова сюда.

— Не пойду,— сказала Леля.— Ты обманщик.

— Да ладно, иди, нету больше лягушек.

— Не пойду, и все.

— Обижаешь,— сказал Мишка.— Ты меня обижаешь. Твой отказ разрывает мне грудь. Ладно. Я сам уйду в солдаты. Уйду на войну.

— Как это так? — удивилась Леля.

— А вот так! — сказал Мишка и повернулся спиной.— Вот видишь — ухожу.

Он сделал два шага и остановился.

— Ухожу в солдаты. На войну. А там меня бомбой убьют. И все будут плакать. И все это из-за тебя.

И Мишка снова повернулся к Леле спиной и пошел в солдаты. На войну.

И Леле сделалось жалко, что он уходит в солда-

ты. Он хоть и обманщик, а веселый человек. Жалко его бомбой убивать.

— Эй, Мишка,— сказала она вдогонку.— Не уходи в солдаты.

Сказка об игре в яйца

— Ну ладно,— сказал Мишка.— Пока не уйду... а теперь давай в яйца играть.

— Как так?

— А вот так,— сказал Мишка и достал из кармана куриное яйцо.— Видишь это яйцо? Оно вареное. А можно играть и невареными, неважно. А вот смотри — мяч.

И он достал из кармана мячик, сшитый из разных тряпок.

— Теперь кладем яйцо на землю и отходим в сторону. И кидаем мяч. Кто попадет в яйцо, тот его и съест. Понятно?

— Понятно,— сказала Леля.

— Ну кидай,— сказал Мишка и протянул Леле мяч.

Леля взяла мячик и кинула. Мяч полетел куда-то в сторону, совсем не туда, где лежало яйцо.

— Так,— сказал Мишка,— промазала. Теперь моя очередь.

Он размахнулся и кинул так ловко, что сразу попал в яйцо.

Мишка подбежал, схватил яйцо, мигом содрал с него скорлупу и сунул яйцо в рот.

С удивлением смотрела Леля, как Мишка кидает и быстро ест яйцо.

— Ну давай теперь ты свое яйцо,— сказал Мишка.

— Какое яйцо?

— Как это какое? Твое яйцо. Мое-то мы проиграли и съели. Теперь твоя очередь ставить на кон яйцо.

— А у меня нету яйца.

— Как это нету? У деда Игната за печкой-то, в корзине. Беги и неси.

— Нет, не могу,— сказала Леля.— Дед Игнат заругает.

— Ах, ты не можешь?

— Не могу.

— Совсем-совсем не можешь?

— Совсем-совсем.

— Ну тогда я ухожу в солдаты.— И Мишка повернулся к Леле спиной и пошел в солдаты.

— Стой, Мишка,— сказала Леля.— Не уходи в солдаты. Я сейчас принесу яйцо.

И Леля побежала в школу, взяла из кошелки яйцо.

Яйцо положили на землю, и Леля, конечно, снова промахнулась, а Мишка сразу попал. От удара яйцо треснуло, потому что оно было сырое. Но Мишка и это яйцо быстренько выпил.

— Беги, неси новое.

И Леля побежала.

Когда Мишка выиграл девять яиц и Леля побежала за десятым, он крикнул ей вдогонку:

— Эй, Леля-Лелесь! Надоели несоленые яйца. Неси вместе с яйцом и соли! И хлеба краюху!

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Поздравляем!

Закончился Всероссийский конкурс на лучшее художественное произведение для детей. Этот конкурс посвящался 40-летию Победы и проходил под девизом «Ради жизни на земле!». 376 произведений — романов, повестей, поэм, стихов, рисунков — поступило на конкурс. И вот определены победители. ПЕРВУЮ премию получил **Анатолий Васильевич МИТЯЕВ** за рассказы о Великой Отечественной войне **«1418 дней»** и художник **Борис Павлович КЫШТЫМОВ** за иллюстрации к этой книге. И писатель и художник — постоянные авторы журнала «Пионер».

ВТОРЫЕ премии присуждены: **АБУ-БАКАРУ Ахмедхану** за повесть **«Мама, зажги солнце»**, **ДРУЖИНИНУ Николаю Константиновичу** за повесть **«Лицом к огню»**, **СИМОНОВОЙ Лие Семеновне** за документальные повести **«Стрела»**, **«Среди войны»**, которые публиковались в журнале «Пионер» №№ 10—12 за 1984 год и №№ 4,5 за 1985 год, **СОКОЛОВСКОМУ Владимиру Григорьевичу** за повесть **«Пал Иваныч из Пушечного»**, **ЧЕРКАШИНУ Геннадию Александровичу** за повесть **«Возвращение»**.

ТРЕТЬИ премии присуждены: **БАТУРИНОЙ Альбине Степановне**, журналистке из «Пионерской правды», за повесть **«Таежная ягода»**, **БРАУН Жанне Александровне** за повесть **«Переправа»**, **ФЕДОРЕНКО Петру Кирилловичу** за повесть **«Средиземные горы»**, **ХОМЯКОВУ Олегу Михайловичу** за повесть **«Бинокль с подводной лодки»**, **БЕСЛИКУ Александру Алексеевичу** за разработку оригинальных изданий на военно-патриотическую тему.

Писатели отмечены **поощрительными премиями.** Среди них **ВНУКОВ Николай Андреевич** за фотокнижку **«Москва за нами»**, **МАГОМЕДОВ Муса Абдулаевич** за повесть **«Будь мужчиной»**, **МАШУК Борис Андреевич** за рассказы **«Горькие шанежки»**, **ПОЛЯКОВА Надежда Михайловна** за поэму **«Искры вечного огня»**, **СЕРЕГИН Виктор Владимирович** за повесть **«Жернова»**.

Среди награжденных — писатели из Москвы и Ленинграда, Махачкалы и Тульской области, Перми и Петрозаводска, Одессы и Благовещенска.

Книги, отмеченные жюри, или уже вышли в издательствах страны и журналах, или в ближайшее время появятся на библиотечных полках. Советуем вам, ребята, познакомиться с ними, а от вашего имени сердечно поздравляем лауреатов Всероссийского конкурса.

100 советов Золушке

Для сарафана хороши ситец, штапель или лен. Ткани нужно 2 м 30 см при ширине 1 м 30 см. Чертеж выкройки рассчитан на 42-й размер (окружность груди 84 см).

Раскраивая ткань, не забудь сделать припуск на швы: по бокам и верхнему краю сарафана 2 см, по нижнему краю юбки 3 см. Линию, по которой будет вставляться резинка, нужно перевести на выкройку мелом или наметить ниткой.

Сошьем боковые швы и разутюжим их. Верх сарафана отделаем подкройной бейкой. Бейка повторяет линию верха, а ширина ее 4 см. Бейку пришиваем с изнаночной стороны, выворачиваем ее на лицо и разутюживаем. Затем, отмеряя от верхнего края сарафана по 2 см, подгибаем бейку внутрь и прострачиваем на машинке. Бретели выкраиваем длиной 50 см, шириной 5,5 см и, сложив пополам, прошиваем на машинке. С помощью карандаша выворачиваем на лицо.

С изнаночной стороны сарафана по линии резинки нашьем полоску материала шириной 3,5 см. И вставим резинку (75 см при ширине 2 см). Пришьем бретели. Нижний край сарафана подвернем на 3 см и прошьем на машинке. Сарафан готов.

ГДЕ ВЗЯТЬ УМНЫЕ ГЛАЗА?

В этот неплохой в общем летний день ритуал встречи Золушки и Феи был нарушен. Ибо сначала появился сундучок, а потом уж только Фея. Еще некоторое время назад Золушка, может быть, и удивилась — все-таки ситуация, когда появляется чемодан, а потом уж только его владелец, необычна. Но... Скорость, с которой Золушки привыкают к чудесам, поистине умопомрачительна. Уже приблизительно на вторую неделю превращения спелой тыквы в золотую карету, а белой мыши — в столь же белую лошадь перестают поражать воспитанных телевизором Золушек. И они их называют просто-напросто — «эти фокусы».

Однако в этом «фокусе» что-то было. Ибо к тому времени, когда появилась Фея, Золушка сидела у раскрытого сундучка в состоянии крайнего потрясения.

— Как я это надену? — только и смогла прошептать она, разглядывая сарафан.

Сарафанчик был легок и прелестен. А Золушка... Да, все дело в том, что к июлю месяцу наша бедная Золушка так и не успела загореть. И была какая-то чересчур для такого сарафана бледненькая. А, что и говорить, незагорелая Золушка в открытом сарафане выглядит уныло.

— Нужна загорелая спина,— решительно сказала Золушка, оправившись от потрясения.— И плечи.

— Крибле, крабле, бумс,— задумчиво ответила Фея.— Ничего не могу поделать. К чему чудеса, если ты вполне можешь обойтись и без них?

— Хорошо. Послезавтра мы с мамой уезжаем отдыхать. Я покупаю какое-нибудь сред-

ство для загара, иду на пляж, ложусь и... Пока не загорю, не уйду.

— Бедная Золушка... Ты все равно не сможешь надеть этот сарафан. Красная, сожженная спина в пузырях также мало подходит для этого наряда, как и бледная. К тому же давай договоримся: загораем мы все-таки не для того, чтобы выглядеть, как шоколадка. Солнечные ванны полезны для здоровья, для общего хорошего самочувствия, они закаливают, укрепляют, кожу делают гладкой, чистой, здоровой. Солнце — это очень, очень хорошо, особенно, если впереди долгая длинная зима. Но... При этом важно не обгореть и не пересушить кожу.

Перегреваться вообще очень вредно, а для детей просто-напросто опасно. Подумай, что хорошего: кожа красная, облезает, болит, голова кружится, подташнивает, может быть даже озноб и температура. Да и потом, когда ожог пройдет, могут остаться некрасивые пигментные пятна и даже, что называется, повысится волосатость.

— Что не надо делать, я уже поняла,— сказала Золушка.— А что надо?

— Если Золушка совсем беленькая и только начинает загорать — солнечная ванна должна длиться не больше пятнадцати минут. Система «лег и лежу» нам с тобой совершенно не подходит. Вообще не привыкай на пляже подолгу лежать. Если же Золушка, напротив, любит много ходить, играть на пляже в волейбол, бадминтон, то ей не приходится заботиться о загаре — он сам легко и незаметно к ней пристанет. С ветерком. И тон будет очень красивый — золотистый.

Пробыв пятнадцать минут на солнце, уходи в тень. Не жадничай — это совсем немало. И не торопись: через несколько дней ты загоришь нисколько не хуже тех, кто пролежал на солнцепеке целый день — ведь им придется лечить свои ожоги. Позагорала пятнадцать минут — ушла в тень, позагорала еще, опять ушла. Потом, когда кожа позолотится, потемнеет, можешь время солнечных ванн увеличить.

В самое жаркое время дня: с полудня до трех — нам с тобой на пляже делать нечего. Вернувшись оттуда, вымоемся теплой водой с мылом. Смажем загоревшую кожу косметическим молочком, увлажняющим кремом. Солнце очень сушит кожу, и это необходимо сделать для того, чтобы она не шелушилась.

Ну, а если все-таки умудрилась сгореть и кожа сильно покраснела, попробуй сделать маску из растертых влажных овсяных хлопьев, ее накладывают на обгоревшие места. Однако, повторяю, на пляже веди себя так, чтобы до этого дело не дошло.

Особенно чувствительные участки кожи закрывай даже в нежаркое время дня. И никогда не забывай про панаму. Солнечный удар и обморок — это очень опасно.

— Ох,— загрустила Золушка,— как все это долго. Неужели нет какого-нибудь чудодейственного средства, чтобы раз — и сразу как шоколадка!

— Боже, как с тобой сложно...— Фея вздохнула.— Так и быть. Крибле, крабле, бумс. Морковный сок.

— Сок? А что с ним делать?

— Пить. Три раза в день по полстакана свежеприготовленного морковного сока. Загораешь от этого очень быстро. Плюс витамины, хорошая работа желудка, и для зрения полезно. Кстати, ты в состоянии думать о чем-нибудь, кроме загара?

— А что?

— Ничего. Просто, когда Золушка думает непрерывно только о сарафанах, босоножках и о том, как она выглядит, у нее становятся пустые, глупые глаза. Что нисколько ее не украшает. И исправить этот недостаток с помощью косметики или нарядов невозможно. И нет такого волшебного заклинания, от которого у человека появились бы вдруг умные глаза. Тут уж, как говорится, «все сама». Поэтому, я надеюсь, в следующий раз, когда мы с тобой встретимся, ты расскажешь мне не только о том, как ты загорала, но и о том, что ты читала и о чем думала.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Невыдуманные диалоги

НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учитель: Как ты понимаешь выражение «Отменная погода»?
Ученик: Это значит, что из-за погоды отменяются полеты всех видов самолетов.

Эльвира Муксинова и Алла Потапенко, г. Баку.

* * *

Учитель: Кто такой Дон Кихот?
Ученик: Это казак с Дона по имени Кихот!

Таня Богомолова, г. Мурманск.

* * *

Учитель: Просклоняй числительное «сто»!
Ученик: Именительный — сто! Родительный — ста! Дательный — сту...

Лиля Валеева, г. Казань.

НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ

Учитель: Какая самая крупная птица водится в Южной Африке?
Ученик: Самая крупная? Антилопа!!!

Наташа Чикова, Ростовская область.

* * *

Учитель: Где находится Италия?
Ученик: Возле Рима!

Света Ефименкова, г. Куйбышев.

НА УРОКАХ ИСТОРИИ

Учитель: В какие группы собирались первобытные люди? Как именовались эти группы?
Ученик: Эти группы именовались табунами!

Таня Дубова, г. Пермь.

* * *

Учитель: Как воспитывали мальчиков древние спартанцы?
Ученик: Древние спартанцы учили мальчиков уступать место старшим в автобусе.

Лариса Чантурия, г. Батуми.

Из школьных сочинений

«Шарик грыз кость, громко хлопая глазами и облизывая язык».
«Воробей был покрыт серой шерстью».
«Он бежал за Петей, сидя на задней парте».
«Когда я стану взрослым, я буду работать в автобусе пассажиром».
«Мальчик и девочка очень дружили друг с другом, потому что были родными сестрами».
«В классе было шестнадцать человек и еще двенадцать мальчиков».

За серьезное и несерьезное поведение детей и взрослых на «Переменках» отвечает Вит. АЛЁНИН.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

Одним из самых оживленных и веселых мест фестивальной Москвы будет, несомненно, Дворец пионеров на Ленинских горах. И знаете почему? В фестивальные дни он станет настоящим Городом Детства. Зазвучат песни, забавные игры соберут сотни гостей и делегатов фестиваля. А еще каждый найдет здесь по душе фестивальный сувенир. Побывает на выставках, в том числе и филателистической. На ней представлены работы пионеров и школьников.

НА МАРКАХ — ФЕСТИВАЛЬ

Во Дворце пионеров собрались филателисты. И, конечно же, разговор у них о ФЕСТИВАЛЬНЫХ МАРКАХ. Кстати, знаете ли вы, когда впервые появились фестивальные марки? А в каких городах и странах их печатали? Тогда послушайте вот эту историю.

Первые фестивальные марки появились в Чехословакии накануне I Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Это были две небольшие почтовые миниатюры с эмблемой, символизирующей единство прогрессивной молодежи планеты.

Фестивальные марки пришлись по душе филателистам многих стран. Через два года Венгрия, хозяйка II Всемирного фестиваля, выпустила уже пятимарочную серию и большой памятный блок.

Первые фестивальные марки выпускались только в странах — организаторах всемирных встреч молодежи. Однако уже накануне III Всемирного такие марки появились не только в ГДР, хозяйке фестиваля, но и в Польше, Румынии.

VI Всемирный фестиваль в Москве собрал рекордное число делегатов и гостей. В памяти филателистов он останется самым «урожайным» по числу выпущенных фестивальных марок. Только в СССР в почтовое обращение вышли три

красочные серии из 12 марок с зубцами и 6 без зубцов, которые по своей редкости стали украшением любой коллекции отечественных марок. В дни работы фестиваля появился и специальный блок, приуроченный к открытию Международной филателистической выставки в Москве.

С каждым новым фестивалем поток памятных марок становился все более обильным. Сначала фестивальные марки выходили только в европейских государствах. В 1953 году такие марки выпустила Корейская Народно-Демократическая Республика. К VIII Всемирному фестивалю памятные марки впервые вышли на Кубе.

Гаванская встреча молодежи и студентов оставила яркий след в альбомах филателистов — фестивальные марки к XI фестивалю появились во многих странах Европы, Азии и Латинской Америки. В 1978 году первые фестивальные почтовые миниатюры вышли в Конго и Народно-Демократической Республике Йемен.

Интересная серия из одиннадцати марок (по числу проведенных фестивалей) вышла в год XI фестиваля на Кубе. Каждая марка изображала вид одной из фестивальных столиц: Праги, Вены, Варшавы, Москвы...

Свои фестивальные марки появились и у XII Всемирного. В СССР вышли 5 марок с зубцами и один блок. Их автор — художник М. Лукьянов.

В мае 1985 года, по выходе в свет первой партии этих марок, состоялось их спецгашение. В дни работы фестиваля будет еще одно спецгашение — конверты и марки проштампуют специальным штемпелем. Их будет немного, таких конвертов. И они, конечно же, станут гордостью любой коллекции филателистов.

Кстати, о конвертах. В канун фестиваля Министерство связи СССР выпустило не только фестивальные марки, но и почтовые конверты и открытки с эмблемой фестиваля. Они также найдут свое место у коллекционеров.

Но самая богатая фестивальная коллекция ожидает тех, кто собирает значки. Давайте задержимся у одного из киосков с сувенирами и поглядим на фестивальные значки. Кажется, все краски праздничной Москвы вобрали они в себя...

СОДЕРЖАНИЕ

В оформлении фестивальных материалов использованы рисунки юных художников: Иветы Дебреки (ЧССР), Анчани Вичайапай Буннага (Таиланд), Оби Нагара (Индия), Нгуена Тхе Кьюнга (Вьетнам), Нади Тодоровой (НРБ), Маргитки Сабо (ВНР).

На обложке:
Здравствуй, фестиваль! — Рисунок А. Борисова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Т. А. ГАЙДАР, А. В. ДРУЯНОВА (редактор отдела внутренней жизни страны), **В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, В. И. ИВАНОВ, В. П. КРАПИВИН, А. И. ЛЯШЕНКО, М. В. МАТВЕЕВА** (редактор отдела коммунистического воспитания), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, И. Н. НИКИТИН, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Е. В. СЕЛЕЗНЕВА** (ответственный секретарь), **Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела литературы и искусства), **Ю. М. ЧИЧКОВ, Ю. Ф. ЯРМЫШ.**

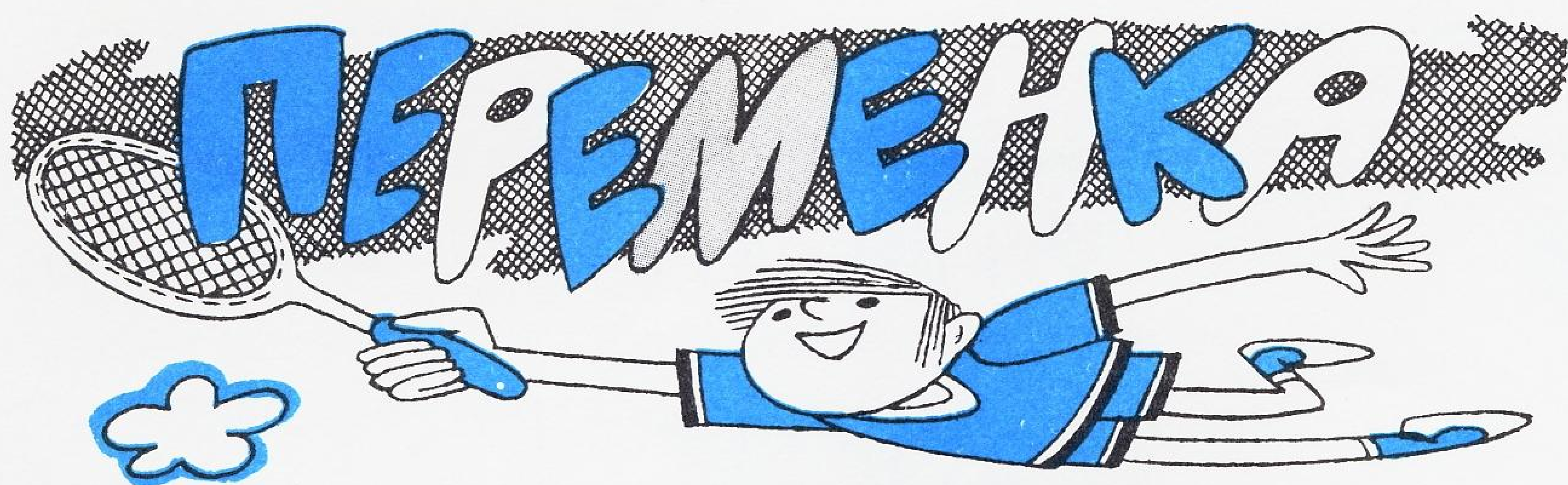
Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **В. П. ДУДКИНА.**

© Издательство «Правда», «Пионер», 1985.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 05.05.85.
Подписано к печати 20.05.85. А 04579. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 1386. Заказ № 759.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Сегодня гостью нашей «Переменки» представляет журналист ***Марина Потоцкая.***

Моего соседа Димку не приняли в секцию фигурного катания. Сказали: «Мальчик нам по возрасту не подходит. Нам помоложе ребята нужны!» А Димке, между прочим, всего 10 лет...

И тогда я решила познакомить своего огорченного соседа, а вместе с ним и вас, ребята, с моей давней знакомой — ***Герминой Яковлевной РОГИНСКОЙ.***

На зеркальном льду катка ЦСКА под музыку скользят фигуристы. Среди них маленькая седоволосая женщина в очках с толстыми стеклами. Вроде бы старушка, бабушка, но спину держит прямо, как балерина, и катается легко и смело. Это и есть Гермина Яковлевна Рогинская. Между прочим, ей 83 года сейчас. А первый раз она встала на коньки в 56 лет. И было это так...

— Однажды я узнала, что на катке в Московском парке культуры имени Горького есть группа фигурного катания для начинающих, и пошла туда. Смотрю: вышел на лед молодой тренер и вывел маленьких фигуристов — лет им по пять, не больше. Говорит: «Встаньте прямо!» Я скорее тоже выпрямила спину. «Так... отталкивайтесь ото льда, елочкой скользите». И я тоже — елочкой... А тут родители, которые этих малышей привели на каток, смотрят, смеются!.. Я думаю: смейтесь, смейтесь, все равно научусь кататься, раз уж решила.

Так и стала ходить с малышами на занятия. А потом увидела объявление: «В группу ветеранов принимаются желающие научиться фигурному катанию. Возраст не моложе 45 лет.» Ну а мне-то пятьдесят шесть! Значит, подхожу. Так я перешла из «малышовой» группы в старшую. Сначала часто падала, а теперь вот могу на льду даже вальс станцевать! Несколько лет назад даже стала капитаном команды фигуристов-любителей...

— А в нее входят люди какого возраста?

— Мы принимаем всех — до ста лет! Вообще-то, если честно, то старше меня там никого нет. Пока!

— Гермина Яковлевна, а кроме коньков, у вас есть какие-нибудь другие спортивные увлечения?

— Я очень люблю лошадей. И, когда мне было шестьдесят пять лет, пошла учиться в конноспортивную школу. Дали мне замечательного белого коня, будто из сахара. Звали его Гиацинт. Может быть, вы его видели в фильме «Гусарская баллада»? На нем скакала Лариса Голубкина — Шурочка Азарова. Это была не лошадь, а чудо!

В группу вместе со мной пришла одна женщина, очень высокая. И ей на первом же занятии дали высоченного коня! Когда мы оседлали своих коней и поехали, она испугалась и начала кричать: «Остановите лошадь, я боюсь! Остановите!..» А тренер удивился: «Но ведь вы же на ней сидите — вы ее и остановите!»

В общем, на следующее занятие эта женщина уже не пришла. Потому что одно дело — любить лошадей на картинках и в кино, и совсем другое — самому сесть на коня, научиться ездить...

— Когда вы катаетесь на коньках или делаете по утрам на своем балконе зарядку и пятьдесят прыжков, вы помните о своем почтенном возрасте?

— Конечно, нет! Спорт — это моя молодость. Когда мне исполнился восемьдесят один год, друзья на катке подарили мне большой торт. На нем были цифры: «81». А я говорю: «Вы неправильно написали! Надо повернуть цифры, чтобы стало не 81, а 18! И тут же взяла и сделала прыжок...

— Вы начали заниматься спортом поздно, но добились заметных успехов. А как же быть ребятам, которые считают, что они уже «старые» для некоторых видов спорта?.. Если их не приняли в спортшколу, в секцию, то они уже со спортом распрощались?..

— Ни в коем случае не опускать руки! Не приняли в секцию — занимайтесь сами, тренируйтесь, учитесь, добивайтесь! И если вам скажут, что вы «старички» и поздно вам начинать,— сразу ссылайтесь на меня!

Кстати, я сейчас осваиваю новый вид спорта, всем доступный и очень красивый — аэробику! А потом, глядишь, и еще что-нибудь новенькое возьму на вооружение...

Так что давайте все дружить со спортом — и внуки, и бабушки!..

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

ЭТА ПЛАНЕТА — ОДНА У ЛЮДЕЙ

Музыка Ю. ЧИЧКОВА,
лауреата Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола.

Стихи М. ПЛЯЦКОВСКОГО.

Эта планета — одна у людей
В искрах снежинок и звонких дождей.
Солнечной доброй улыбкой согрет,
Дарит нам радость веселый рассвет.

Припев:
Только вместе, только вместе
Защитим мы белый свет
От нейтронной черной бомбы
И от ядерных ракет.
Только вместе, только вместе,
Крепкой дружбою горды,
Эту маленькую Землю
От большой спасем беды!

Эта планета — одна у людей,
Слепнуть от взрывов не хочется ей.
Пусть мы на разных поем языках,
Песня о мире — в надежных руках.

Припев.

Эта планета — одна у людей,
Верить должны мы в свой завтрашний день.
Свет фестиваля останется в нас,
Надо, чтоб вечно он в сердце не гас!

Припев.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.